2019 / № 4 (16)

ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г.

2019 / № 4 (16)

THEORY
OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016

Международная научно-теоретическая конференция
«Государство, право, демократия в современном мире»

International Scientific Conference
"The state, law, democracy in the modern world"

30 мая 2020 года, г. Сакт-Петербург

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права и ее отделения, Юридический институт (Санкт-Петербург), Институт права Башкирского государственного университета, Академия права и управления ФСИН России, Институт права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Правовое государство: теория и практика», «Современное россйское право», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право» 30 мая 2020 года проводят ежегодную очно-заочную Международную научно-теоретическую конференцию «Государство, право, демократия в современном мире».

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

Желающие принять участие в конференции и опубликовать свои материалы в указанных журналах должны подать заявку и текст статьи (выступления) не позднее 15 мая 2020 года.

Для публикации автору необходимо заполнить анкету и направить статью в соответствии с требованиями к оформлению материалов по электронному адресу (E-mail): matgip2017@yandex.ru или по почтовому адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12.

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в рамках конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ). Ссылки на сборник в системе РИНЦ.

Рассылка журналов со статьями участников конференции, всем, заказавшим печатный вариант, будет производиться централизовано, наложенным платежом посредством почты России после 30 июня 2020 года.

АНКЕТА
1. Фамилия, имя, отчество
2. Ученая степень, звание
3. Место работы, должность
4. E-mail
5. Телефон для связи
6. Тема выступления

Заявку на участие в конференции можно заполнить на сайте: www.matgip.ru

Регистрация: 9.30–10.30, начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15];

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 506 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10–15 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Фотография автора (5 х 6 см.) – по желанию.

6. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. – M.: Publishing House "Yurait", 2019. – 506 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Photo of author 5 x 6 (at pleasure)

6. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Комаров Сергей Александрович** – председатель оргкомитета конференции, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

2. **Кари Сюнберг –** сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c.of Law (г. Хельсинки, Финляндия).

3. **Хабибулин Алик Галимзянович** – сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

4. **Ревнова Мария Борисовна** – учредитель Юридического института (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

5. **Груздев Владислав Владимирович** – проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

6. **Комаров Владимир Сергеевич** – главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

7. **Комарова Татьяна Львовна** – проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

8. **Полищук Николай Иванович** – вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

9. **Мицкая Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан).

10. **Сальников Виктор Петрович –** Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

11. **Галиев Фарит Хатипович –** профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Правовое государство: теория и практика», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

12. **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** – заведующий кафедрой российского права, профессор кафедры теории права и юридической логики, заместитель декана по науке Юридического факультета Лазарски университета (Республика Польша), кандидат юридических наук, доктор PhD Law, доктор honoris causa Юридического института, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Информационные партнеры

Журнал «Теория государства и права»	Журнал «Юридическая наука»	Журнал «Правовая политика и правовая жизнь»	Журнал «Юридическая мысль»
Вестник Костромского государственного университета	Журнал «Вектор науки Тольяттинского государственного университета» Серия: Юридические науки		Журнал «Правовое государство: теория и практика»
Журнал «Миграционное право»	Компания «Консультант-Плюс»	Компания «Гарант»	Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

На обложке А.И. Денисов

Содержание

Стр.

12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Бредихин А.Л. Идеологическая функция в системе функций государства 12

Винокуров В.А. О некоторых правах человека в России, которые не поддерживаются государством 17

Воробьев С.М. Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении 25

Давыдова И.А. Международно-правовые основы категории «законные интересы осужденных к уголовным наказаниям, альтернативным лишению свободы» 38

Джалилов Э.А. Хачатуров Р.Л. Право интеллектуальной собственности – подотрасль гражданского права России 45

Кузьмин И.А. Соотношение системы законодательства и системы юридической ответственности 51

Летягина Е.А. Исторические этапы и предпосылки развития законодательства об уголовной ответственности за преступления против правосудия 62

Мазурин А.А. Основные тенденции возникновения и развития мусульманского права 69

Липинский Д.А. Макарейко Н.В. Соотношение юридической ответственности и мер защиты 76

Мамедов А.К. Писарева Л.Ю. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика 85

Мицкая Е.В. О неоправданных препятствиях реализации права граждан на получение информации 96

Моисеев А.В. Структура альтернативных санкций 102

Печникова О.Г. Рожнов С.Н. О нормативном определении отрасли «медицинское право» и порядке закрепления основных вопросов организации медицинского образования в России, как части государственной политики по охране здоровья: история и современность 113

Помощикова Н.В.
Спиряева А.Ю. Институт усыновления (удочерения) в современном российском праве: теоретико-правовой и исторический аспекты 117

Попова А.В. Экономико-правовые категории в трудах Ш.-Л. де Монтескьё 123

Пыльцина М.В. Становление и развитие отечественных концепций о законе (XVIII – начало XIX вв.) 132

Селихов Н.В. Народовластие: учение, теория, догма? 139

Советов Д.И. Проблемы определения правовой природы причин и условий совершения юридических ошибок в отечественной практике 160

Спирин М.Ю. Материалистическая юридическая доктрина о материальном истоке и волевом источнике права 166

Степнова Ю.П. К вопросу о понятии юридической ответственности 173

Юдина Ю.В. Понятие и социальное значение опеки и попечительства: история вопроса 184

12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс; муниципальное право

Альбиков Р.Ф. Блокчейн и выборы в Москве: позитивные и негативные аспекты 194

Бохан А.П.
Чмырев С.Н. Об ограничениях в Конституции Российской Федерации реализации избирательного права лицами, содержащимися в местах лишения свободы не по приговору суда 204

Станкин А.Н. Конституционная ответственность в системе права и системе юридической ответственности 209

Вести региональных отделений

Дроздова А.М.
Терещенко Е.А. Ставропольское региональное отделение (СтРОМАТГиП) 218

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. СанктПетербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.
Учредитель: Комаров Сергей Александрович.
ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2019.
© Авторы, 2019.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (http://matgip.ru/journal).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960.

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте ***www.matgip.ru***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kolomna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg, Russia)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Salabarria Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pesagogical Sciences (Mexico City, Mexico)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Samara, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)
Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)
Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)
Malinenko Elvira Vladimirovna, candidate of legal Sciences, associate Professor (Rostov-on-Don)
Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)
Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)
Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)
Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN: 2500-0837
«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2019.
© Authors, 2019.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue "Russian Press" (index 38960).
You can subscribe to the magazine also on the website ***www.matgip.ru***

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Данный номер журнала «Теория государства и права» содержит доклады и выступления участников «Денисовских чтений», которые состоялись 12 октября 2019 года в г. Москве.

This issue of the journal the "Theory of State and Law" contains reports and speeches by participants in the Denisov Readings, which took place on October 12, 2019 in Moscow.

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

А.Л. Бредихин*

УДК 340.114.3
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.005

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В данной статье автор определяет сущность и дает определение идеологической функции государства, рассматривает основные процессы в рамках реализации идеологической функции государства, выделяет структурные элементы механизма реализации идеологической функции государства.*

Ключевые слова: *функции государства, государственная идеология, идеологическая функция государства, механизм реализации идеологической функции государства.*

IDEOLOGICAL FUNCTION IN THE SYSTEM OF FUNCTIONS OF THE STATE

Annotation. *In this article the author defines the essence and defines the ideological function of the state, discusses the basic processes in the framework of realization of ideological function of the state, highlights the structural elements of mechanism of realization of ideological function of the state.*

Key words: *functions of the state, state ideology, ideological function of the state, the mechanism of realization of ideological function of the state.*

Государство как общественный институт со времени своего возникновения эволюционирует и развивается. Те или иные устоявшиеся характеристики обретают новые значения и содержание. Это можно отнести и к такой важной категории как функции государства вообще, идеологической функции – в частности.

В юридической литературе нет единства мнений относительно категории «функции государства». Под ними подразумеваются основные направления (стороны, виды) деятельности государства: его практическая деятельность, имеющая предметно-политический и социальный характер; социальное направление деятельности внутри или вне государства. Однако все единодушно признают, что в функциях государства выражаются его сущность и социальное назначение, цели и задачи. Функции не могут реализоваться внутри самой государственной организации: они реализуются в воздействии на общественные отношения [5, с. 122]. Данная позиция о понимании функций государства в целом поддерживается большинством ученых [4, с. 6–9].

Исследованием проблемы функций государства и идеологической функции государства в современных условиях занимались такие ученые как Буховец А.Н. [1],

* ***Бредихин Алексей Леонидович***, канд. юрид. наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург). E-mail: axel_b@mail.ru

Bredikhin Alexei Leonidovich, St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

Клименко А.И. [2], Куковский А.А. [4] Между тем эта тема недостаточно разработана и требует дальнейшего изучения.

Точек зрения относительно перечня функций государства и их значений большое множество, среди которых некоторые ученые выделяют и идеологическую функцию государства [1]. Отметим, при этом, что наименование «идеологическая функция» является достаточно условным и не отражает всего многообразия свойств этой государственной функции.

Содержание идеологической функции рассматривают через анализ категорий: «функция государства» и «государственная идеология».

Под идеологией обычно понимают «совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающая так или иначе те социальные условия, в которых они находятся» [3, с. 26]. Следовательно, государственная идеология – это те идеалы и ценности, которых придерживается государство в осуществлении своих задач, та модель общественного и государственного устройства, достижение которой является целью государственной власти.

А.И. Клименко указывает, что «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей» [2, с. 56]. А.Н. Буховец отмечает следующее: «Говоря о содержании идеологической функции государства предлагается выделить два основных блока, определяющих идеологическое поле государственной деятельности.

Во-первых, любое государство, собственно, создает и поддерживает ту или иную идеологию, т.е. внедряет в сознание членов общества определенную систему политических, правовых, нравственных, этических взглядов, поскольку через них проявляется отношение людей к существующей действительности, прежде всего к общественно-политическому или, как принято сегодня говорить, конституционному строю, правовому и общественному порядку и т.д. Поэтому, на наш взгляд, ни одно государство не может безразлично относиться к тому, какие идеологические взгляды культивируются в сознании членов общества.

Во-вторых, непосредственно сама идеологическая деятельность государства проявляется не только в создании и реципиировании каких-либо идеологий в чистом виде, но и в использовании иных, более тонких и современных форм идейного воздействия, которые прямо или опосредованно связаны с развитием и разносторонней поддержкой науки, культуры, образования [1, с. 15–16].

Таким образом, ученые в значительной степени ставят знак равенства между идеологией и идеологической функцией государства, не углубляясь в содержание идеологической сущности государства как такового.

Следуя вышеприведенной логике можно сделать некоторые парадоксальные выводы. Так в конституциях демократических государств установлено, что в государстве признаются политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений перед законом. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Следовательно, не может быть государственной идеологии и государство не выполняет идеологическую функцию? Между тем это не так.

Запрет на установление той или иной идеологии в качестве государственной или обязательной означает, что никакая система взглядов и ценностей не может быть идеальной. Множество идеологий позволяет в конечном итоге учесть мнение

всех социальных групп населения и прийти к общественному согласию по магистральным направлениям развития общества и государства. Так, установленная в качестве государственной коммунистическая идеология, не допускавшая плюрализма мнений, в конце концов, показала свою несостоятельность и привела распаду государства.

Считаем, что необъективность выводов некоторых исследователей при определении сущности идеологической функции государства связана с излишней концентрацией на содержании категории «идеология государства». На наш взгляд, более справедливо при определении идеологической функции государства исходить из базового определения функций государства, как основных сущностных направлениях его деятельности.

Исходя из этого, идеологическая функция является основным и постоянным направлением деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства. Осуществление государством идеологической функции непрерывно, но непостоянно в содержательном плане. То есть идеологическая функция присуща любому государству с момента его появления вне зависимости от господства той или иной идеологии как системы идей и взглядов на данный конкретный период времени. Государственная же идеология как согласованная система взглядов и идей устройства общества, всегда конкретна и определяется конкретным периодом действия.

Вместе с тем данные понятия неразрывно связаны. Властные распоряжения, исходящие от государства определяются, как правило, системой идей и мировоззренческих позиций субъектов государственной власти, что можно определить как государственную идеологию. Вместе с тем, переход власти к иной политической группе не изменяет сущность идеологической функции государства.

Основными процессами в рамках осуществления идеологической функции являются:

во-первых, легитимация государственной власти, т.е. воздействие на население государства в целях принятия им правящей элиты как государственной власти, формирование доверия населения к власти и реализуемым ею управленческим решениям.

Важнейшими способами легитимации являются установленные в конституции и законодательстве выборность органов государственной власти, наделение населения правом решать основополагающие государственные вопросы на референдуме, установление системы реализации прав граждан и их защита (в том числе через судебные и правоохранительные органы).

Также легитимация осуществляется путем создания системы прямого взаимодействия между гражданами и государственной властью. Это, например, установление обязанности отчета правительства перед парламентом (как представителем населения), обязанность ответа органов государственной власти на обращения граждан и т.п.

Важнейшим механизмом легитимации является гарантии прав и свобод негосударственным институтам, в числе которых общественные, религиозные, а также коммерческие организациям.

Во-вторых, целеполагание государственной власти, т.е. постановка основных целей развития и формирование образа будущего государства при поддержке насе-

лением этих целей и его непосредственном участии в их реализации. Главным образом это касается проведения глубоких реформ и при их проведении очень важно принятия их населением, общественными организациями и группами. В противном случае возможны массовые выступления вплоть до попыток совершения революции.

Цели государственной власти (и самого государства) закрепляются в законодательстве (конституции, законах, доктринах, концепциях, посланиях президента и иных документах). Так, например, преамбула Конституции Российской Федерации устанавливает цели и образ будущего государства, военная доктрина определяет цели и основные принципы военной политики государства.

Идеологическая функция государства реализуется в различных формах, с использованием определенных средств, методов и способов. Механизм реализации идеологической функции государства включает в себя систему государственных органов и систему юридически значимых документов, в которых оформляются положения идеологии, а также методы и способы исполнения управленческих решений в данной сфере.

Государственные органы, на которые возложена реализация идеологической функции государства, не обязательно являются специализированными. Как правило, эти функции и задачи распределены между различными органами власти в той или иной мере.

Таким образом, понятие «идеологическая функция государства» не является тождественным категории «государственная идеология», так как первое является процессом, а второе – определяет сущностное содержание. Идеологическую функцию государства можно определить как основное и постоянное направление деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства.

Библиографический список

1. *Буховец А. Н.* Идеологическая функция государства: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук: Академия управления МВД России. – М., 2002. – 20 с.

2. *Клименко А.И*. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства. Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – 200 с.

3. *Козырев М.С.* Идеология и ее роль в российском государственном управлении. Монография. – М.: НУ ОАОУ, 2013. – 96 с.

4. *Куковский А.А.* Некоторые вопросы определения понятия «функции государства»//Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». –2009. – № 19. – С. 6–9.

5. *Комаров, С. А*. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры /С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

Bibliographic list

1. Bukhovets A. N. The ideological function of the state: Author. diss. ... cand. legal Sciences: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2002. 20 p.

2. Klimenko A.I. The relationship of legal and political consciousness in the implementation of the ideological function of the state. Dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2005. 200 p.

3. Kozyrev M.S. Ideology and its role in Russian government. Monograph. Moscow: NU OAOU. 96 p.

4. Kukovsky A.A. Some questions of definition of the concept of “state function” // Bulletin of SUSU. Series "Law". 2009. No. 19. P. 6–9.

5. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate programs / S. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 506 p. (Series: Bachelor and Master. Academic Course).

В.А. Винокуров*

УДК 342.7
ББК 67.400.3
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.004

О НЕКОТОРЫХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ, КОТОРЫЕ НЕ ПОДДЕРЖИВАЮТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

***Аннотация**. Статья посвящена отдельным правам человека и гражданина, которые не поддерживаются государством, то есть которые либо запрещаются в Российской Федерации, либо весьма ограничиваются федеральным законодательством. В качестве таких прав рассматриваются права человеческих потребностей, а именно: право на курение табака, право на употребление алкогольных напитков, право на получение сексуальных услуг.*

В результате предпринятых рассуждений сформулированы конкретные предложения по изменению и дополнению современного российского законодательства.

***Ключевые слова**: Конституция Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации; общепризнанные права и свободы человека и гражданина; потребности людей; физиологические потребности человека; право на курение табака; право на употребление алкогольных напитков; право на получение услуг сексуального характера; ограничение прав и свобод человека и гражданина; общественная мораль.*

SOME OF THE HUMAN RIGHTS IN RUSSIA, WHICH ARE NOT SUPPORTED BY STATE

***Annotation**. The article is devoted to individual human and civil rights, which are not supported by the state, that is, which are either banned in the Russian Federation, or are very limited by Federal legislation. The rights of human needs are considered as such rights, namely the right to smoke tobacco, the right to drink alcohol, the right to receive sexual services.*

As a result of the discussions, specific proposals to change and Supplement the modern Russian legislation have been formulated.

***Key words**: Constitution of the Russian Federation; the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation, the universally recognized rights and freedoms of man and citizen; the needs of the people; human physiological needs; the right to Smoking tobacco; the right to the use of alcoholic beverages; the right to receive sexual services; the restriction of the rights and freedoms of man and citizen; public morality.*

* ***Винокуров Владимир Анатольевич***, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России; доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: pravo.kaf_tigp @mail.ru

Vinokurov Vladimir Anatolyevich, Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia; Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 55 содержит норму, в соответствии с которой перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина [1].

С одной стороны, данная конституционная норма «соглашается» с тем, что в Основном Законе страны перечислены не все права и свободы, а лишь те, которые в самом документе названы основными, а с другой стороны, признает и «другие общепризнанные права и свободы», то есть те права и свободы, что не зафиксированы в главном документе государства.

В России общепризнанными считаются те права и свободы, которые закреплены в международных договорах Российской Федерации, то есть, как установлено в пункте «а» статьи 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» [2], в международных соглашениях, заключенных Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме, независимо от его конкретного наименования. К таким соглашениям Верховный Суд Российской Федерации отнес международные пакты, конвенции и иные документы, в частности, Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [3].

Из изложенного следует, что в нашей стране общепризнанными правами и свободами человека и гражданина являются именно те, что зафиксированы в ратифицированных Россией международных договорах. Но такие права и свободы человека и гражданина уже закреплены в Конституции Российской Федерации.

В этой связи возникает вопрос: какие права и свободы человека и гражданина также являются общепризнанными, но в Основном Законе государства не поименованы? Поскольку современное российское законодательство не отвечает на этот вопрос, обратимся к словарям русского языка. В толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова слово «общепризнанный» разъясняется как «действительный, безусловный, признанный всеми» [16, с. 728]. Новый толково-образовательный словарь русского языка тривиально подходит к толкованию данного понятия: общепризнанный – это признанный всеми [9].

Таким образом, общепризнанными являются те права и свободы человека и гражданина, которые допускаются и признаются всеми людьми, составляющими конкретное общество или большинством людей этого общества. Но признание конкретного права или определенной свободы не означает, что эти составляющие жизни человека однозначно воспринимаются обществом и государством.

Право человека рассматривается учеными как «определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями жизни, взаимоотношений личности с обществом, государством, другими индивидами» [13, с. 12]. Обратим внимание на то, что даже «нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности» должны обеспечивать условия существования человека, то есть, по сути, удовлетворять различные потребности людей для нормальной жизни.

Потребности людей рассматриваются учеными различных направлений: врачами, психологами, биологами, экологами. Известный специалист в области психо-

логии личности Абрахам Маслоу выделяет, в частности, базовые потребности человека, к числу которых относит: физиологические потребности, потребности в безопасности, социальные потребности, личностные потребности и потребность в самореализации [11, с. 45]. Сформулированная А. Маслоу теория человеческой мотивации, основанная на потребностях человека, получила название «пирамида Маслоу».

Обратим внимание на физиологические нужды, выступающие как первый (фундаментальный) уровень потребностей, на котором основываются все остальные базовые потребности.

Физиологические потребности позволяют поддерживать жизнедеятельность, поэтому к ним относятся: потребность в пище, питье; потребность в физической активности, в отдыхе и сне; потребность в дыхании; потребность в сенсорной стимуляции [17, с. 489]. Сенсорная стимуляция рассматривается как самый простой способ воздействия на мозг через использование естественных или близких к ним стимулов (зрительных, слуховых, обонятельных, тактильных и пр.) [10, с. 57].

К физиологическим потребностям относят и удовлетворение сексуальных желаний [12, с. 109–114]. В современной литературе потребности, обеспечивающие выживание человека как индивида и сохранение его физического здоровья, именуют анатомо-физиологическими или биологическими, куда кроме благоприятной природной среды включают «чисто физиологические нужды (в питании, размножении, выделении и т. п.)» [14, с. 216]. Как физиологическая потребность, вызванная, чаще всего, привыканием, рассматривается и курение [15, с. 13–19].

Для дальнейшего рассмотрения неосновных прав человека выделим лишь три физиологические потребности, которые государством не поддерживаются и/или ограничиваются: курение, потребление алкоголя, удовлетворение сексуальных желаний (за исключением мер по продолжению рода).

Политика современного Российского государства в отношении курения выражена в Федеральном законе «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [4]. В названном Федеральном законе дается понятие курения табака, под которым понимается «использование табачных изделий в целях вдыхания дыма, возникающего от их тления» (пункт 1 части 1 статьи 2), и устанавливается запрет курения табака, который распространяется практически на все общественные и жилые здания и помещения, а также значительную часть территории (часть 1 статьи 12). Кроме того, органам государственной власти субъектов Российской Федерации предоставлено право устанавливать дополнительные ограничения курения табака в отдельных общественных местах и в помещениях (часть 6 статьи 12).

Следует отметить, что и в отношении потребления алкогольной продукции государством избран ограничительный принцип, который оформлен в виде запретов, в том числе на потребление (распитие) алкогольной продукции. Часть 7 статьи 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [5] устанавливает запрет на потребление (распитие) алкогольной продукции в общественных местах (в том числе во дворах, в подъездах, на лестницах, лестничных площадках, в лифтах жилых домов, на детских площадках, в границах территорий, занятых городскими лесами, скверами, парками, городскими садами, прудами, озерами, водохранилищами, пляжами, в границах иных территорий, используемых и предназначенных для отдыха,

туризма, занятий физической культурой и спортом, а также запрет на потребление (распитие) алкогольной продукции несовершеннолетними.

Что касается удовлетворения сексуальных желаний, то современное законодательство рассматривает эту сферу в основном со стороны уголовного и административного наказания, исходя из противозаконности проституции как одной из сторон, участвующих в удовлетворении этих желаний (стороны, предоставляющей услуги), а также запрета на использование для этих услуг несовершеннолетних [6]. Использование несовершеннолетних для оказания каких-либо услуг сексуального характера в любом случае недопустимо и должно караться государством, но, на наш взгляд, санкции за подобные деяния должны быть намного серьезнее, чем те, что установлены сегодня.

Основанием для перечисленных ограничений послужила норма части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, по которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц.

Однако довольно странным выглядит запрет на рекламу табачных изделий при отсутствии запрета на рекламу алкогольной продукции и предоставление услуг сексуального характера [7, статья 7].

Как уже было сказано, у каждого человека, помимо конституционных прав и свобод, имеются и иные права. Такими иными правами являются, в частности, право на курение, право на употребление алкогольной продукции и право на удовлетворение сексуальных потребностей. Конечно, свобода личности в использовании своих прав – это, как отмечает С.А. Авакьян, «не только свобода реализовывать свои права, но и свобода самоограничения в пользу тех общностей, в которых пребывает человек» [8, с. 586].

Несмотря на то, что ни в одном документе не сказано, что разбираемые права признаются всеми, на наш взгляд, данные права в полной мере можно считать общепризнанными, поскольку подавляющее большинство людей (а, значит, и общество) их признает, в том числе и потому, что потребности человека в курении, потреблении алкоголя, сексуальном желании существуют со времени появления общества [18]. Причем современное признание обществом рассматриваемых прав состоит и в том, что государство устанавливает запреты и ограничения на использование их человеком (в противном случае не нужно было бы их ограничивать).

Остался вопрос, как реализовать свое право тем, кто хочет курить, потреблять алкоголь (выпивать), удовлетворять свои сексуальные потребности?

Для курильщиков этот вопрос попытались решить, установив весьма небольшие отклонения от, по сути, всеобъемлющего запрета на курение табака: на основании соответствующего решения допускается курение табака в специально выделенных местах: на судах, находящихся в дальнем плавании, при оказании услуг по перевозкам пассажиров; на открытом воздухе или в изолированных, оборудованных системами вентиляции помещениях общего пользования многоквартирных домов [4, часть 2 статьи 12].

Для реализации остальных рассматриваемых прав правовое регулирование, к сожалению, отсутствует.

Несомненно, вопросы права человека на курение табачных изделий, на употребление алкогольных напитков, на удовлетворение сексуальных потребностей на-

ходятся в тесной связи с моралью, существующей в конкретном обществе (причем последнее – в бо̀льшей степени). Однако можно ли считать моральным введение повсеместного запрета на курение табака, но разрешать использование для кальяна, курение которого, по заявлению Всемирной организации здравоохранения, «несет серьезную потенциальную опасность для здоровья и не является безвредной альтернативой сигаретам» [19]. Соблюдается ли мораль, когда реклама табачных изделий запрещена, а реклама спиртных напитков законодательно предусмотрена лишь с некоторыми ограничениями [7, статья 21]. Рационально ли тратить бюджетные средства на поиск и выявление борделей, чтобы затем, получив штраф в размере от 1,5 до 2 тысяч рублей, отпустить «жриц любви», которые продолжат свое дело без какого-либо медицинского контроля, но уже в другом подпольном публичном доме.

Для решения выявленных проблем в части реализации неподдерживаемых государством отдельных прав человека в Российской Федерации (с учетом устанавливаемых ограничений в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц) предлагается следующее.

1. Установить запрет рекламы не только курения табака, но и потребления алкогольных напитков и предоставления сексуальных услуг, для чего внести изменения в Федеральный закон «О рекламе», дополнив статью 7 пунктами 11 и 12 следующего содержания:

«11) алкогольной продукции, за исключением случаев, предусмотренных частями 2^1 и 8 статьи 21 настоящего Федерального закона;

12) услуг сексуального характера.».

Одновременно следует признать утратившими силу части 1–2 и 3–5 статьи 21 Федерального закона «О рекламе». Исключение, предусмотренное в предлагаемой редакции статьи 7, связано с тем, что в частях 2^1 и 8 статьи 21 указанного Федерального закона допускается (с отдельными ограничениями) реклама алкогольной продукции в стационарных торговых точках, а также вина и шампанского, произведенных в России.

2. Для реализации права человека на курение табака, причем таким образом, чтобы законодательство Российской Федерации повсеместно не нарушалось, необходимо дополнить часть 2 статьи 12 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» пунктами 3 и 4 следующего содержания:

«3) в специально выделенных местах на открытом воздухе или в изолированных помещениях, которые оборудованы системами вентиляции и организованы на вокзалах, в аэропортах, автостанциях, при оказании услуг по перевозкам пассажиров;

4) в специально выделенных местах на открытом воздухе или в изолированных помещениях, которые оборудованы системами вентиляции и созданы в организациях, оказывающих различные услуги населению, при оказании соответствующих услуг.».

3. Разрешить создание без участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований коммерческих организаций – домов потребностей, основной деятельностью которых будет являться предоставление сексуальных услуг.

Как было упомянуто, предлагаемое решение не вписывается в пуританскую мораль современного общества. Но поскольку в нашем обществе этот вид удовле-

творения потребностей существует, следует не бороться с тем, что победить невозможно, затрачивая на эту борьбу немалые государственные средства, а организовать (естественно, с ограничениями) возможность человеку реализовывать свои права [20].

Очередной шаг к действительно свободному обществу можно сделать лишь тогда, когда даже неподдерживаемые и/или весьма ограничиваемые государством права человека в стране можно реализовать.

Библиографический список

1. См.: Конституция Российской Федерации 1993 года //Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398 (Для удобства восприятия текста настоящей статьи Конституция Российской Федерации далее также именуется Основной Закон государства, Основной Закон страны, главный документ государства).

2. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757

3. См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

4. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 721.

5. Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» //Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4553.

6. См.: статьи 240, 240^1, 241, 242, 242^1 и 242^2 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также статьи 6.11 и 6.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

7. Федеральный закон «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

8. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. – 4-е изд., переаб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. Т. 1. – 864 с.

9. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – в 2 т. – Т. 1. – 1209 с.

10. *Марютина Т.М, Ермолаев О.Ю.* Введение в психофизиологию. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2001. – 400 с.

11. *Маслоу А.Х.* Мотивация и личность – 3-е изд. – СПб.: ООО Издательство «Питер», 2014 (Мастера психологии. Питер). – 400 с.

12. *Обуховский К.* Психология влечений человека. – М.: Прогресс, 1972. – 280 с.

13. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 3- изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 512 с.

14. *Прохоров Б.Б.* Экология человека: учебник для студентов высших учебных заведений. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 320 с.

15. *Смит К., Уэст Д., Уэстол Р.* Я больше не курю! / Перевод О.И. Перфильева. – М.: Синдбад, 2014. – 352 с.

16. Толковый словарь русского языка. Том II. Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.

17. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с. – (Серия «Мастера психологии»).

18. Википедия – свободная энциклопедия приводит следующие исторические данные: «Примерно 1 тысяча лет до н. э. индейцы начали использовать табак: жевать, курить и даже вводить его с помощью клизм»; «Обнаруженные сосуды каменного века с остатками ферментированных напитков позволяют судить о том, что производство и употребление алкогольных напитков существовало уже в эпоху неолита.»; «Проституция существовала во всех обществах, о чём свидетельствуют дошедшие до нас письменные доказательства». // См.: Курение табака; История алкогольных напитков; История проституции [Электронный ресурс] // URL: // http: ru. wikipedia.org (дата обращения: 29 апреля 2019 года).

19. См.: Википедия – свободная энциклопедия. Кальян [Электронный ресурс] // URL: // http: ru.wikipedia.org (дата обращения: 29 апреля 2019 года).

20. Подобным образом, например, поступили, когда на заседании Совета по культуре и искусству решался вопрос о рэп-культуре // См. статью Егора Созаева-Гурьева и Андрея Туманова, озаглавленную «“Если невозможно остановить, то нужно возглавить”. Президент высказался о своем отношении к рэп-культуре» // Известия, 2018, 17 дек.

Bibliographic list

1. See: 1993 Constitution of the Russian Federation // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Article 4398 (For convenience of perception of the text of this article, the Constitution of the Russian Federation is hereinafter also referred to as the Basic Law of the State, the Basic Law of the country, the main document of the state).

2. Federal law “On international treaties of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 29. Article 2757.

3. See: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 8 “On some issues of application by the courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1996. No. 1.

4. Federal law “On the protection of the health of citizens from the effects of ambient tobacco smoke and the consequences of tobacco consumption” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. No. 8. Art. 721.

5. Federal law “On state regulation of the production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on the restriction of consumption (drinking) of alcoholic products” // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 48. Art. 4553.

6. See: Articles 240, 2401, 241, 242, 2421 and 2422 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Articles 6.11 and 6.12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954; 2002. No. 1 (part I). Art. one.

7. See: The Federal Law “On Advertising” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 12. Art. 1232.

8. Avakyan S.A. Constitutional law of Russia. Training course: study guide: in 2 vols. – 4th ed., Rev. and add. – M .: Norma: Infra-M, 2010.V. 1. – 864 p.

9. Efremova T.F. The new dictionary of the Russian language. Interpretative and derivational. – M .: Russian language, 2000. – in 2 t. – T. 1. – 1209 p.

10. Maryutina T.M., Ermolaev O.Yu. Introduction to Psychophysiology. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Moscow Psychological and Social Institute: Flint, 2001. – 400 p.

11. Maslow A.Kh. Motivation and Personality. 3rd ed. SPb.: LLC Publishing House "Peter", 2014 (Masters of Psychology. Peter). 400 p. (The theory of human motivation formulated by A. Maslow, based on human needs, was called the Maslow Pyramid).

12. Obukhovsky K. Psychology of human drives. M.: Progress, 1972. 280 p.

13. Human rights: textbook / otv. ed. E.A. Lukasheva. 3rd ed., Rev. M.: Norma: INFRA-M, 2015. 512 p.

14. Prokhorov B.B. Human ecology: a textbook for students of higher educational institutions. – 5th ed. M.: Publishing Center "Academy", 2010. 320 p.

15. Smith K., West D., Westol R. I no longer smoke! / Translation O.I. Perfilieva. M.: Sinbad, 2014. 352 p.

16. Explanatory dictionary of the Russian language. Volume II Edited by D.N. Ushakova. M.: Astrel Publishing House LLC, AST Publishing House LLC, 2000. 528 p.

17. Hyell L., Ziegler D. Theories of personality (Fundamentals, research and application). – St. Petersburg: Peter Press, 1997. 608 p. (Series "Masters of Psychology").

18. Wikipedia – the free encyclopedia provides the following historical data: “About 1 thousand years BC. e. the Indians started using tobacco: chewing, smoking, and even injecting it with enemas ”; “The discovered vessels of the Stone Age with the remains of fermented drinks allow us to judge that the production and consumption of alcoholic beverages already existed in the Neolithic era.”; "Prostitution existed in all societies, as evidenced by written evidence that has come down to us." // See: Tobacco smoking; A history of alcoholic beverages; The history of prostitution [Electronic resource] // URL: // http: ru.wikipedia.org (accessed: April 29, 2019).

19. See: Wikipedia – the free encyclopedia. Hookah [Electronic resource] // URL: // http: ru.wikipedia.org (accessed: April 29, 2019).

20. Similarly, for example, they did it when the question of rap culture was decided at a meeting of the Council on Culture and Art // See the article “If It Is Impossible to Stop, It is Necessary to Head” by Yegor Sozaev-Guryev and Andrey Tumanov. The President spoke about his attitude to rap culture ”// Izvestia, 2018, Dec 17.

С.А. Комаров*
С.М. Воробьев**

УДК 340.01
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.010

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО В ФОРМАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. *Формирование информационного общества в современных условиях происходит в пределах мирового пространства, объективно затрагивает самые различные интересы человечества.*

Что такое новая общественная цивилизация, называемая кибернетической (информационной). В работе доказывается, что цифровизация важнейших сфер государственной и общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной) есть важнейшее направление деятельности государства как адекватный ответ на вызовы современного государственно организованного общества вообще, российского – в особенности. Это имеет первостепенное значение в формировании и реализации целей и задач информационного общества.

Авторы исходят из того факта, что становление каждого нового состояния кибернетической цивилизации проходит три этапа в своем развитии, причем каждая последующая цивилизация является более прогрессивной по отношению к предыдущей и обязательно предполагает достижение качественно более высокой ступени материально-технического обеспечения функционирования общества. В основе человеческого прогресса лежат объективные процессы информатизации бытия государственно организованного общества. Предтечей социальной и политической революций, по мнению авторов, является научно-техническая революция, органически сопряженная с социальной и предшествующая революции политической. Авторы доказывают роль и значимость правового регулирования цифровизации государственных функций, «самоцифровизации государства» в интересах формулирования новых стандартов цифровой среды.

Ключевые слова: *экономическая общественная формация; цифровизация; кибернетика; информационное общество; сеть «Интернет»; государственные функции; цивилизация.*

INFORMATIZATION AND STATE-ORGANIZED SOCIETY IN THE FORMATIONAL DIMENSION

Annotation*. The formation of the information society in modern conditions takes place within the world space, objectively affects the most diverse interests of mankind.*

* ***Комаров Сергей Александрович***, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), Президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права». E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Komarov Sergey A., scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor, Doctor of law.

** ***Воробьев Сергей Михайлович***, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права ФКУ Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Vorobyov Sergey M., associate Professor, Professor, Department of theory of state and law, international and European law, KFU Academy, FSIN of Russia, Doctor of law.

What is a new social civilization called cybernetic (informational). It is proved in the work that digitalization of the most important spheres of state and public life (economic, political, social, spiritual) is the most important direction of the state's activity as an adequate response to the challenges of a modern state-organized society in general, Russian – in particular. This is of paramount importance in the formation and implementation of the goals and objectives of the information society.

The authors proceed from the fact that the formation of each new state of cybernetic civilization goes through three stages in its development, and each subsequent civilization is more progressive in relation to the previous one and necessarily assumes the achievement of a qualitatively higher level of material and technical support for the functioning of society. Human progress is based on objective processes of informatization of the existence of a state-organized society. The forerunner of social and political revolutions, according to the authors, is the scientific and technological revolution, organically linked with the social and preceding the political revolution. The authors prove the role and significance of the legal regulation of digitalization of state functions, "self-digitization of the state" in the interest of formulating new standards for the digital environment.

Key words: *economic social formation; digitalization cybernetics; Information society; Internet"; state functions; civilization.*

Ранее учеными уже предпринимались попытки научного освещения влияния информатизации на общество. Еще в 1987 г. К. Хессинг в работе «Страх перед компьютером?» перечислил положительные и отрицательные последствия информатизации в культуре, политике, хозяйстве, международных отношениях. Среди положительных последствий информатизации в развитии общества им выделялись следующие: свободное развитие индивида; информационное общество; социализация информации; коммуникативное общество; преодоление кризиса цивилизации. К числу отрицательных последствий информатизации относились: «автоматизация» человека; дегуманизация жизни; технократическое мышление; снижение культурного уровня; лавина информации; элитарное знание; изоляция индивида [1].

На фоне происходящих информационных изменений меняется мировоззрение, мышление, психология, культура и общение людей. Мы волею судьбы становимся напрямую зависимыми от процессов передачи информации, ее обработки и способов передачи. По мнению Ф. Берарди, цифровая сеть спровоцировала интенсификацию информационных раздражителей, и они передаются от общества отдельным людям. Такое ускорение – типичный патогенный фактор, который будет иметь большие последствия в обществе. Ускорение действует, как патологический агент: организм человека идет к коллапсу [2].

В Положении п.16 Стратегии отмечается, что темпы развития технологий, создания, обработки и распространения информации значительно превысили возможности большинства людей в освоении и применении знаний. Смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Такая форма освоения информации упрощает влияние на взгляды и предпочтения людей, спо-

собствует формированию навязанных моделей поведения, что дает преимущество в достижении экономических и политических целей тем государствам и организациям, которым принадлежат технологии распространения информации [22].

Еще совсем недавно никто не знал и не умел пользоваться различными «гаджетами» и мы могли осуществлять свою деятельность без них. Складывается впечатление, что на фоне информационного бума население всей своей массой вовлекается в информационную зависимость независимо от возраста, пола, сферы деятельности, социального статуса и т.д. Наблюдается процесс информационного гипертрофирования общества, каждый человек вынужден был адаптироваться к новой информационной среде в зависимости от сферы своей деятельности. Сегодня практически каждый ребенок начиная с дошкольного возраста знает о существовании «гаджетов», может ими пользоваться и со временем все более становиться зависимым от них.

Проникновение информационно-коммуникативного воздействия во все сферы жизнедеятельности повлияло на становление новых явлений, имеющих прямую зависимость от информации, например «информационное пространство», «информационный поток», «информационная сфера», «информационная безопасность», «информационная война», «информационное поле» и многие другие. Каждое приведенное нами явление имеет определенную направленность, механизм возникновения, действия, субъектов воздействия. Действие этих явлений в пределах государства обусловливает необходимость осуществления должного контроля над всеми сферами общественных отношений, где эти явления могут проявляться и использоваться.

Повсеместное распространение как в мировом, так и государственном масштабах различных информационно-коммуникативных явлений, способствующих повсеместному распространению информации, натолкнуло нас на мысль о становлении кибернетической (информационной) цивилизации.

Обратимся к этимологии связующих концептуальных элементов кибернетической цивилизации: ими являются кибернетика и цивилизация. Кибернетика (от греч. kybernetike – искусство управления), наука об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации. К кибернетическим системам относятся автоматические регуляторы в технике, ЭВМ, человеческий мозг, биологические популяции, человеческое общество [3].

В теории государства и права при рассмотрении эволюции человеческого общества, государственности утвердились формационный, цивилизационный и личностный подходы.

Экономическая общественная формация – общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, исторически определенный тип общества; категория формация охватывает все стороны общественной жизни в их органической взаимосвязи. По мнению К. Маркса, Ф. Энгельса, эта формация представляет собой «…общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером» [4].

В основе любой экономической общественной формации находится способ производства, образующий экономический базис, которому соответствует политическая и идеологическая надстройка. В структуре экономической общественной формации выделяют базис и надстройку, включающие социальные отношения, формы быта, семьи, образа жизни людей. Как известно, «триада» К. Маркса делит мировую историю на три макроформации: первичную (архаичную), вторичную

(экономическую) и третичную (коммунистическую), получившие название **общественных**. Основными критериями такой классификации являются наличие или отсутствие: 1) частной собственности; 2) противоположных классов; 3) товарного производства. Следовательно, *государственно-организованное* общество есть элемент вторичной (экономической) общественной формации, в рамках которой выделяются соответствующие способы производства [5].

В этой связи следует согласиться с В.Л. Иноземцевым в том, что понятие «экономическая общественная формация» свидетельствует, что главной чертой, свойственной всем включенным в нее периодам, К. Маркс считал экономический характер жизнедеятельности общества, то есть такой способ взаимодействия между членами социума, который определяется не религиозными, нравственными или политическими, а в первую очередь хозяйственными, экономическими факторами. Данный термин используется только применительно к периоду, характеризующемуся господством в общественной жизни отношений, базирующихся на частной собственности, индивидуальном обмене и возникающей как следствие этого эксплуатации [6].

Теория марксизма выделила в рамках экономической общественной формации традиционные микроформации, образующие ступени исторического прогресса (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая). Последовательная смена микроформаций объясняется прежде всего антагонистическими противоречиями между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Переход от одной формации к другой совершается через социальную революцию, которая разрешает антагонистические противоречия в базисе общества – между производительными силами и производственными отношениями, а также политической революцией в надстройке общества, приводящей к смене государственной власти.

Становление каждой новой микроформации, более прогрессивной по отношению к предыдущей, обязательно предполагает достижение качественно более высокой ступени материально-технической базы общества, новой системы хозяйства, социального строя, культуры [7].

Иными словами, каждая микроформация объективно предполагает кроме социальной и политической революций, по нашему мнению, наступление и научно-технической революции, органически сопряженной с социальной и предшествующей революции политической.

В условиях наступившего XXI столетия как нельзя актуализируется точка зрения Г.Х. Шахназарова, отметившего, что в 90-х годах XX столетия следует расстаться с представлением, согласно которому за ключевой и, в сущности, единственный источник развития принимаются революционные изменения в производительных силах и производственных отношениях, придется также отказаться от взгляда на историю как процесс закономерной смены социально-экономических формаций, где каждая последующая “выше” предыдущей. Даже если формы собственности сменяли друг друга именно в такой очередности, экономическая “ось” – всего лишь один из векторов общественного развития, а развитие производительных сил – один из источников.

Во всем мире понятия “феодализм”, “капитализм”, “социализм” в качестве обобщающих характеристик целостных общественных систем приобрели значение аксиом. Они настолько укоренились не только в научном, но и в обыденном сознании, что, кажется, убери их – и ничего не останется, рухнет само представление об истории как некоем связном и закономерном процессе. Подобно изменениям

в экономике, по его мнению, не может приниматься за главный источник развития научно-технический прогресс. С этой точки зрения должны быть отведены попытки многих футурологов опрокинуть Марксову схему, "подставив" вместо экономической оси индустриальную ось.

Например, концепция Д. Белла, поделившего историю на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды, а также многочисленные другие технологические теории вроде "технотронного общества", информатики, телематики и т.п. Опыт XX столетия опроверг однофакторный подход и убедительно показал, что на формирование той или иной общественной структуры и уклада жизни влияет много факторов: прогресс науки и техники, состояние экономических отношений, устройство политической системы, вид идеологии, уровень духовной культуры, геополитические условия, национальный характер, международная среда или существующий миропорядок [8]. Можно добавить и еще – роль личности.

В современных условиях появление новых технологий, диктуя новые механизмы управления, противоречий между производительными силами и производственными отношениями не устраняет, они по-прежнему существуют и приводят к всевозможным конфликтам и даже политическим революциям.

По мнению В.Л. Иноземцева, постэкономическая общественная формация представляет собой историческое состояние, становление которого происходит начиная с достижения экономической общественной формацией наивысших форм своего развития и которое характеризуется устранением труда как основного вида человеческой активности, преодолением базирующегося на стоимостных закономерностях товарного производства и ликвидацией эксплуатации как существенно влияющего на общественную жизнь фактора [6, с. 120].

И далее: «Становление постэкономической общественной формации есть объективный процесс, обусловленный внутренней логикой развития человеческого общества и в первую очередь – прогрессом производительных сил (в этом отношении сторонники постиндустриальной концепции, безусловно, правы). Ее формирование возможно как эволюционным, так и революционным путем; процессы, приводящие к возникновению основ данной формации, находятся выше отличий «империализма» от «социализма», точно так же, как процесс формирования антагонистического общества происходил вне зависимости от того, «азиатским» или «античным» способом воспроизводилось неравенство классов» [6, с. 120–121].

В основе цивилизационного подхода лежит идея соотношения государственности и социально-экономического строя с учетом духовно-нравственных и культурных факторов общественного развития. В последнее время этот подход все чаще связывают с именем английского ученого-историка Арнольда Джозефа Тойнби, хотя справедливости ради нужно отметить, что «цивилизационную» проблему рассматривали Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, С. Хаттингтон [9].

Прежде всего, А. Тойнби подходит к исследованию истории как совокупности человеческих отношений, так как ее подлинный предмет – жизнь общества, взятая как во внутренних, так и во внешних их аспектах. Внутренняя сторона есть выражение жизни любого данного общества в последовательности глав его истории, в совокупности всех составляющих его общин, а внешняя – это отношения между отдельными обществами, развернутые во времени и пространстве [10].

В самом общем виде понятие «цивилизация» можно определить как социокультурную систему, включающую как социально-экономические условия жизне-

деятельности общества, так и этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности. Цивилизация, ее ценности влияют не только на социальную, но и на государственную организацию общества. В отличие от А. Тойнби авторы понимают под цивилизацией не только относительно замкнутое и локальное состояние общества, но и цивилизацию общества вообще, так называемую всеобщую (планетарную) цивилизацию, которая существует реально в условия глобализации.

Рассмотрение идеи о новой кибернетической (информационной) цивилизации в контексте взаимосвязи, казалось бы, не совместимых ранее институтов кибернетики (информационной сферы) и цивилизации (общественно-правовой сферы) не беспочвенно. Окружающая нас социальная действительность диктует свои условия, требующие переосмысления влияния информации на ход развития государства, общества, права. На фоне этого появляются интеграционные идеи, позволяющие синтезировать в себе различные ранее противоположные сферы. При этом новая цивилизации создает и свойственный ей образ жизни, свою систему жизненных ценностей и ориентиров деятельности людей [11].

По свидетельству Д.А. Керимова, с 1964 года в нашей стране стали систематически проводиться всесоюзные совещания по проблемам «Кибернетика и право». Важным этапом в развитии научных исследований по применению методов и средств кибернетики в праве явилось создание секции права научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме Академии наук СССР, а также создание при Центральном научно-исследовательском институте судебных экспертиз ряда специализированных научно-исследовательских лабораторий; правовой справочно-информационной службы и правовой статистики; автоматизации судебно-экспертных исследований; вычислительной техники. За короткое время данное направление исследований подтвердило свою жизненность, теоретическую плодотворность и практическую перспективность. По мнению научной общественности, включая академика РАН Д.А. Керимова, применение методов и средств кибернетики в праве превратилось в самостоятельное направление советской юридической науки [12].

Взаимосвязь ранее противоположных сфер обусловлена формированием нового государственно-общественного состояния – кибернетической формации, – образование которого зависело от состоявшейся кибернетической революции, на начальной фазе которой появились мощные информационные технологии, стали использоваться новые материалы и виды энергии, распространилась автоматизация, а на завершающей – произойдет переход к широкому использованию самоуправляемых систем.

Начальная (научно-информационная) фаза кибернетической революции приходится на вторую половину XX столетия (50–90-е гг.), когда осуществляется прорыв в автоматизации, энергетике, в области синтетических материалов, космических технологий, в освоении космоса и морской акватории, обороне, сельском хозяйстве, но особенно – в создании электронных средств управления, связи и информации.

Инновационная фаза кибернетической революции приходится на 20–30-е годы нынешнего столетия и связана с цифровизацией не только общества, но и экономики, государства, права. Как отмечает Ирина Лаврова, цифровой сегмент экономики становится одним из драйверов роста. Под цифровой экономикой эксперты обычно

понимают все рынки, где добавленная стоимость создается с помощью информационных технологий. Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) выделяет семь основных центров (хабов): государство и общество; маркетинг и реклама; финансы и торговля; инфраструктура и связь; медиа и развлечения; кибербезопасность; образование и кадры. Суммарный вклад цифровой экономики аналитики ассоциации оценивают в 4,35 трлн руб., или 5,06% ВВП России [13].

В настоящее время российская интернет-экономика по показателю среднегодового долларового роста (в 2010–2016 годах составил 4,8%) согласно данным международной The Boston Consulting Group (BCG) по-прежнему отстает от государств-лидеров (страны Скандинавии – 6,7%, США и Великобритания – 8–9%) [13]. На устранение указанной диспропорции в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» до 2024 года будет направлено 520 млрд. руб., из них: 150 млрд. руб. из бюджета и 370 млрд. руб. из других негосударственных источников [14].

Завершающая фаза создания и дальнейшей оптимизации управляемых систем начнется в тридцатых – сороковых годах и продлится до шестидесятых – семидесятых годов XXI столетия.

Для завершающей фазы кибернетической революции в целом ведущими технологическими направлениями в фазе управляемых систем станут несколько отраслей: медицина, био- и нанотехнологии, робототехника, информационные и когнитивные технологии. Вместе они сформируют сложную систему саморегулируемого производства.

По мнению А.И. Ракитова, с которым следует согласиться, кибернетическая революция обусловлена изменениями в информационно-компьютерном состоянии общества, реализуясь как процесс информатизации всех сфер жизни общества и жизнедеятельности человека. Ее конечным результатом должно стать создание новой информационной цивилизации [15].

Сошлемся на позитивный опыт Сингапура, который возглавил рейтинг цифровых правительств. Прежде всего, сингапурцы пошли по пути цифровой приватизации: основное внимание уделили неэффективным отраслям экономики (ЖКХ, транспорт, электроэнергетика), которые по заказу государства цифровизуют подрядчики. В рамках национальной концепции Smart Nation ежегодно правительство Сингапура выделяет от 1,8 до 2 млрд. долларов.

В Эстонии с 2014 года иностранным гражданам и подданным предоставляется цифровое резидентство (e-residency) для ведения бизнеса, которым активно пользуются 27 000 физических лиц из 143 (!) государств. Эстония стала признанным лидером в цифровизации государственных функций, 99% государственных услуг стали доступны в режиме онлайн. Эстония в рэнкинге стран по уровню цифровизации государственного управления в 2017 году находилась на 5 месте с 81,198 баллами, тогда как Россия – на 31 месте с 58,449 баллами. В 2018 году в России впервые во время президентской выборной кампании 1,6 млн. россиян смогли зарегистрироваться онлайн в списке избирателей не по месту постоянной регистрации, а по месту пребывания.

Развитие идей, связанных с качественными социальными изменениями, являющимися результатами кибернетической революции, напрямую зависит от человеческих интересов. В свете развития информационных технологий проявление того или иного интереса к определенному виду информации, ее практической пользе,

необходимости распространения предопределяется индивидуальным восприятием информации конкретным человеком, исходя из объективных условий жизни людей, которые порождают у них определенные потребности и интересы. Конкретный индивид в этом случае становится зависимым от информации.

По мнению Г.Е. Глезермана, интересы, в свою очередь, создают у людей те или иные стимулы деятельности. Здесь объективная детерминация переходит в субъективную. Ее звеньями являются: 1) осознание интересов, 2) определение целей, конечных и ближайших, 3) выработка программы действий, 4) выбор средств ее осуществления, 5) организация социальных сил, способных бороться за удовлетворение интересов, 6) реализация (полная или частичная) одних интересов и, наоборот, неосуществление других как конечный результат борьбы и столкновений различных социальных сил или их совместной деятельности [11, с. 58].

Следует отметить, что кибернетическая (информационная) цивилизация не теряет свое экономическое содержание, потому как экономический базис напрямую зависит от информационной составляющей. При этом экономическая составляющая в современных условиях все более и более включается в информационную сферу, доказательством тому является становление в государствах электронной экономики.

Какие функции государства цифровизируются в первую очередь?

Во-первых, те, которые отражают внутренние процессы функционирования государства: взаимосвязь между министерствами, федеральными службами, федеральными агентствами, интеграция и автоматизация больших баз данных, что позволит обеспечить координацию работы всей системы органов государственной власти федерального и регионального уровней, органов местного самоуправления.

Во-вторых, взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления с бизнесом, включая оформление необходимой документации, введение цифрового документооборота, взимание налогов и сборов. Так, в частности, на базе Росстата планируется создать национальную систему управления данными, что снизит нагрузку на бизнес, уменьшит количество сдаваемой государству отчетности.

В-третьих, взаимодействие с гражданином в сфере оказания государственных услуг (создание и оптимизация деятельности единого интернет-портала государственных услуг в Российской Федерации). Только за март 2018 года на портале зарегистрировалось более 2 млн новых пользователей. В 2017 оду доля населения, пользующегося государственными и муниципальными услугами в электронной форме, составила 64,3%.

Идея новой кибернетической (информационной) цивилизации может быть обоснована не только с точки зрения футурологических представлений, но и как результат анализа реальных экономических, социальных, политических и духовных сдвигов прошлого столетия.

С учетом приведенных нами выше особенностей кибернетическая (информационная) цивилизация отражается в специфике ее функционирования в современных условиях.

Во-первых, индивид, группа людей, юридические лица имеют возможность оперативно получать доступ к информации, необходимой для их жизнедеятельности, решения личных или общественных задач. Правительство Российской Федерации нацелено на использование информационных технологий для улучшения качества

жизни и условий ведения предпринимательской деятельности в условиях формирования в стране цифровой экономики. В течение трех лет для создания правовых условий развития современных технологий предстоит проработать и принять более 50 нормативных правовых актов. Для ее реализации потребуется около 520 млрд рублей финансирования, из которых около 150 млрд. – это бюджетное финансирование [16].

Во-вторых, в обществе наращиваются информационные процессы, активизирующие взаимодействие всех общественных и государственных структур, деятельность которых направлена на обеспечение информационных ресурсов, необходимых для поддержания государственных и общественных институтов.

В современных условиях становится очевидным, что любой государственный служащий – на федеральном, региональном или муниципальном уровне – обязан обладать принципиально новыми компетенциями. «Современный чиновник – это уже не просто человек, который прекрасно разбирается в законодательстве, виртуозно владеет деловой перепиской или готовит грамотные бюрократические документы. Он должен быть образованным, способным принимать быстрые решения, перерабатывать огромные потоки информации. И для этого необходимо развивать принципиально новую управленческую культуру. Это необходимо и для того, чтобы чиновники нового поколения смогли функционировать в условиях цифровой реальности, от которой нам все равно никуда не уйти. И именно информационные технологии в последние годы все больше воспринимаются в качестве своеобразной волшебной палочки, с помощью которой можно будет избавиться от многих общественных пороков, в частности, от коррупции» [17].

Большие надежды в этом смысле возлагаются на так называемые умные контракты. Например, в США в стартапы (от английского start-up – значит запускать, иными словами – «новое в Интернете»), связанные с ними, вкладываются миллионы долларов, а оптимисты прочат очередную ИТ-революцию наподобие той, которую в свое время совершил сам Интернет [17].

В-третьих, происходят изменения во всех сферах государственной и общественной жизни посредством расширения информационной деятельности членов общества. Например, Министерство спорта Российской Федерации выпустило приказ, согласно которому компьютерный спорт, или киберспорт, официально включается во Всероссийский реестр видов спорта [18].

Можно согласиться с тем утверждением, что современный научно-технический прогресс преуспел в формировании системы тотального контроля, которую создали и активно используют американские, английские и другие спецслужбы, значительно превосходящую достижения «полиции мыслей» из знаменитого романа Дж. Оруэлла «1984». «Большой брат» и его подручные ставили своей целью «забраться» в сознание и подсознание человека, узнать, о чем он думает, как относится к происходящему, чего хочет на самом деле.

А. Кучерена правильно считает, что современные программы слежения позволяют добиться этой цели: анализируя электронную переписку в Интернете, фотографии, записи и комментарии в социальных сетях, можно не только составить полный психологический портрет человека, но и определить, например, как он будет реагировать на ту или иную информацию, какие товары, идеи или, скажем, политические предложения его могут заинтересовать, какие события способны привести его в неконтролируемое негодование, вывести на улицу и заста-

вить принять участие в тех или иных протестных акциях или даже в насильственных бунтах [19].

Трансгуманизм и кибернетическая (информационная) цивилизация. В XXI веке передовых технологий активно стало развиваться международное движение – трансгуманизм, широко пропагандирующее использование высоких технологий для улучшения жизнедеятельности человека, с целью устранения последствий страданий, болезней, старения и смерти. В Интернете имеется ресурс http://www.2045.ru, где активно поддерживаются идеи трансгуманизма. В частности, на этой платформе запущен проект «Россия 2045», в котором на 17.05.2018 года принимают участие и одобряют идеи по созданию сверхчеловека, биологического киборга в России к 2045 году 45 901 человек.

Более того, последователи этого движения создали политическую партию «Эволюция 2045» – партию интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Приведем выдержку идеи партии из манифеста этой организации: «Уже достигнуты значительные успехи в изучении биологической самоорганизации, в протезировании органов, в разработке искусственного интеллекта и робототехники. Конвергентное развитие новейших технологий открывает возможности создания таких самоорганизующихся систем, которые способны воспроизводить функции жизни и психики на небиологических субстратах. Это путь трансгуманистических преобразований, замены биологической эволюции эволюцией кибернетической.

Если биологическая эволюция предполагает смерть как необходимый фактор обновления и развития, то для кибернетической эволюции смерть перестает быть неизбежной, ключевым фактором становится бессмертие личности, которая получит неограниченные возможности для познания, творчества, саморазвития, освоения космоса. Мы предлагаем и будем широко пропагандировать новую идеологию управляемой эволюции человека на основе технологий кибернетического бессмертия, постоянного и целенаправленного движения вперед, выращивания будущего высокоэтичного неочеловечества, непрерывного самосовершенствования общества, человека, его разума и тела. Мы откроем миру эпоху мегапроектов, эпоху больших и славных дел. Мы вырвем человечество из тисков потребительской культуры. Мы поднимем с колен не только Россию, но и все человечество. Мы поможем ему выйти из унылого, упаднического тоннеля реальности. Мы сделаем человечество умным, сильным, уверенным, оптимистичным, процветающим, бессмертным и устремленным к новым высотам. Мы ставим целью не только догнать и перегнать другие страны в науке, экономике, культуре, спорте и политике, но и превзойти саму ограниченную природу человека как вида, чтобы вырваться из оков земного тяготения – к неочеловечеству» [20].

Последователи трансгуманистических идей пытаются активно внедрить их и в правовую систему Российской Федерации посредством развития новой отрасли права – робоправа, т.е. отрасли, направленной на регулирование отношений человека и искусственного разума [21]. Безусловно, в этом есть рациональное зерно – система управления роботами должна существовать в рамках закона, быть подконтрольна государству и направлена только на благо человека. Однако нельзя допустить того, чтобы с помощью права искусственный разум мог получить неограниченную власть и довлеть в дальнейшем над человеком.

Количество последователей идей трансгуманизма нас настораживает, потому как в результате разработки киборга, оснащенного искусственным разумом, может

возникнуть пока еще фантастическая ситуация, связанная с захватом государственной власти, осуществлением государственного переворота, мировым господством, амбиции на это были нами приведены выше. Более того, в результате захвата власти лица, имеющие доступ к высоким технологиям, будут иметь прямую возможность осуществлять манипулирование обществом и отдельным человеком. Следует признать, что вмешательство передовых технологий за пределы человеческого сознания аморальны и противоречат религиозным канонам и убеждениям. На наш взгляд, политические лидеры нашей страны, представители религиозных конфессий, общественные организации должны выработать меры противодействия этому явлению, которое все больше набирает обороты. Соответственно наличие весьма высокого числа идей трансгуманизма является прямым свидетельством существования в мире кибернетической (информационной) формации.

Под воздействием кибертехнологий у людей стирается грань между виртуальным миром и реальностью, поэтому представляется, что если кибернетическая (информационная) цивилизация – это реальность, то в ней будущее и для личности, и для государственности должно быть обеспечено всем лучшим, что имеется в разных государствах и обществах.

Традиционно ученые всего мира делились на тех, кто отстаивал безграничную свободу научно-технического прогресса, и тех, кто полагал, что необходимы определенные правовые и этические ограничения. Сегодня в связи с неконтролируемым и взрывным развитием кибертехнологий этот вопрос приобретает особую остроту. Мы не можем громоздить искусственные препятствия на пути очередной технологической революции. Но нужно сделать так, чтобы машина служила человеку, а не наоборот [19].

Библиографический список

1. См. об этом: *Hassig C*. Angst vor dem Computer? Die Schweiz angesichts einer modernen Technologie. – Bern; Stuttgart. 1987. 229 p.

2. См.: *Франко Берарди*. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. – М., 2016. С. 199–200.

3. См.: Советский энциклопедический словарь.- М., 1979. С. 578.

4. См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 6. – М., 1957. С. 442.

5. См.: *Комаров С.А*. Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. С. 137 и др.

6. См.: *Иноземцев В.Л*. К теории постэкономической общественной формации. – М., 1995. С. 120 и др.

7. См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 745–747.

8. См.: *Шахназаров Г.Х*. Цена свободы: реформация Горбачева глазами его помощника. – М., 1993. С. 574–576.

9. См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М., 1991; *Шпенглер О.* Закат Европы. – М., 1993; *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. – М.: Прогресс, 1996; О*н же.* Цивилизация перед судом истории. – М., 1996.

10. См.: *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. – М.: Прогресс, 1996. С.35.

11. См.: *Глезерман Г.Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. – М., 1979. С. 251.

12. См.: *Керимов Д.А.* Кибернетику на службу укрепления социалистической законности / Кибернетика и право. – М., 1970. С. 5–6.

13. См.: *Лаврова И*. Рынки подключились к росту //Экономика в цифре: тематическое приложение к «Ежедневной деловой газете РБК+». 2018. 18 апреля. С. 5.

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: http://www. government.ru/ (дата обращения: 04.04.2018 г.).

15. См.: *Ракитов А. И*. Философия компьютерной революции. – М., 1991. С. 14.

16. См.: *Кузьмин В.* Сначала – практика URL:https://rg.ru/2017/12/18/ medvedev-normativnye-akty-ne-dolzhny-tormozit-cifrovuiu-ekonomiku.html (дата обращения: 04.04.2018 г.).

17. См.: *Карамышев В.* Лучший контролер чиновника – цифровая технология URL:https://rg.ru/2018/01/25/viktor-karamyshev-luchshij-kontroler-chinovnika-cifrovaia-tehnologiia.html (дата обращения: 04.04.2018 г.).

18. См.: Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта, а также в приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 17.06.2010 № 606 «О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта» //URL: http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022?index=0&rangeSize=1 (дата обращения: 04.04.2018 г.).

19. См.: *Кучерена А.* Кибертехнологии: новая цивилизация или конец цивилизации? URL: https:// rg.ru/2016/10/05/kibertehnologii-zastavili-matsia-o-budushchem-chelovecheskoj-civilizacii.html (дата обращения: 04.04.2018 г.).

20. См.: Россия 2045 // URL : http://www.2045.ru (дата обращения 04.04.2018).

21. См.: Робоправо // URL: http:// www.robopravo.ru (дата обращения 04.04.2018).

22. См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

Bibliographic list

1. See about this: Hassig C. Angst vor dem Computer? Die Schweiz angesichts einer modernen Technologie. Bern; Stuttgart. 1987. 229 p.

2. See: Franco Berardi. New heroes: mass murderers and suicides. Moscow, 2016. P. 199–200.

3. See: Soviet Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1979. P. 578.

4. See: K. Marx, F. Engels. Op. T. 6. Moscow, 1957. P. 442.

5. See: Komarov S.A. The general theory of state and law: a textbook. 9th ed. Moscow: Publishing House "Yurait", 2019. P. 137 and others.

6. See: Inozemtsev V.L. To the theory of post-economic social formation. Moscow, 1995. P. 120 and others.

7. See: Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1983. P. 745–747.

8. See: Shakhnazarov G. Kh. The price of freedom: Gorbachev's reformation through the eyes of his assistant. Moscow, 1993. P. 574–576.

9. See: Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. Moscow, 1991; Spengler O. Sunset of Europe. Moscow, 1993; Toynbee A.J. Comprehension of history. Moscow: Progress, 1996; Toynbee A.J. Civilization before the court of history. Moscow, 1996.

10. See: Toynbee A.J. Comprehension of history. Moscow: Progress, 1996. P. 35.

11. See: Glezerman G.E. Laws of social development: their nature and use. Mosocw, 1979. P. 251.

12. See: Kerimov D. Cybernetics at the service of strengthening socialist rule of law / Cybernetics and law. Moscow, 1970. P. 5–6.

13. See: Lavrova I. Markets connected to growth // Economics in the digital: thematic supplement to the RBC + Daily Business Newspaper. 2018. April 18th. P. 5.

14. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r "Digital Economy of the Russian Federation" // URL: http://www.government.ru/ (date of treatment: 04.04.2018).

15. See: A. Rakitov. Philosophy of the computer revolution. Moscow, 1991. P. 14.

16. See: Kuzmin V. First, practice // URL: https: //rg.ru/2017/12/18/medvedev-normativnye-akty-ne-dolzhny-tormozit-cifrovuiu-ekonomiku.html (accessed: 04.04. 2018).

17. See: V. Karamyshev. The best controller of the official – digital technology. URL: https: //rg.ru/2018/01/25/viktor-karamyshev-luchshij-kontroler-chinovnika-cifro-vaia - tehnologiia.html (accessed 04.04 .2018).

18. See: Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated April 29, 2016 No. 470 "On Recognition and Inclusion in the All-Russian Register of Sports of Sports Disciplines, Sports and Amendments to the All-Russian Register of Sports, as well as in the Order of the Ministry of Sports, Tourism and Youth the policy of the Russian Federation of 06/17/2010 No. 606 "On the recognition and inclusion of sports, sports disciplines in the All-Russian register of sports" // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022? index = 0 & rangeSize = 1 (circulation date: 04/04/2018).

19. See: Kucherena A. Cybertechnology: a new civilization or the end of civilization? URL: https: // rg.ru/2016/10/05/kibertehnologii-zastavili-matsia-o-budushchem-chelovecheskoj-civilizacii.html (accessed 04.04.2018).

20. See: Russia 2045 // URL: http://www.2045.ru (accessed 04.04.2018).

21. See: Robopravo // URL: http: // www.robopravo.ru (accessed 04.04.2018).

22. See: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.09.2017 No. 203 "Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2901.

И.А. Давыдова*

УДК 343.26
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.006

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИИ «ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОСУЖДЕННЫХ К УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЯМ, АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ»

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению правовой категории «законные интересы осужденных к уголовным наказаниям, альтернативным лишению свободы». Проанализированы теоретические основы, выявлены проблемы реализации законных интересов осужденных, проанализированы положения международных правовых актов, касающиеся необходимости закрепления стимулов и льгот для осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, выделены основные виды законных интересов осужденных к наказаниям без изоляции от общества, предусмотренные зарубежным законодательством. В статье сформулированы предложения, направленные на совершенствование правового регулирования законных интересов осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы.*

Ключевые слова: *законные интересы осужденных, наказания без изоляции от общества, рекомендации Совета Европы, общественные санкции и меры, совершенствование законодательства, индивидуализация наказания, стимулы и льготы.*

INTERNATIONAL LEGAL BASIS FOR THE LEGITIMATE INTERESTS OF CONVICTS IN CRIMINAL SENTENCES, ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT

Annotation. *The article is devoted to the consideration of the legal category "the legitimate interests of convicts in criminal sentences, alternative to imprisonment". The theoretical foundations are analyzed, the problems of realization of the legitimate interests of convicts are identified, the provisions of international legal acts regarding the need to consolidate incentives and benefits for convicts to sentences, alternative to deprivation of liberty are analyzed, the main types of convicted prisoners' legal interests without isolation from society, provided for by foreign legislation, are highlighted. The article formulates proposals aimed at improving the legal regulation of the legitimate interests of convicts to punishments, alternative to imprisonment.*

Key words: *legal interests of convicts, punishment without isolation from society, recommendations of the Council of Europe, public sanctions and measures, improvement of legislation, individualization of punishment, incentives and benefits.*

* ***Давыдова Ирина Александровна***, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: 706197825041977@mail.ru

Davydova Irina Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Criminal Executive Law, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

Одним из структурных элементов правового положения осужденных, закрепленных в российском законодательстве вообще, а в уголовно-исполнительном – в особенности, являются их законные интересы. Совершенствование законодательной регламентации, реализации и защиты правового положения осужденных, в том числе такого его элемента как законные интересы осужденных с учетом имеющихся проблем в их реализации является актуальным направлением развития современной уголовно-исполнительной политики.

Правовая категория «законные интересы осужденных» имеет существенное значение в достижении целей и реализации отдельных принципов уголовно-исполнительного законодательства, стимулирует правопослушное поведение осужденных, направлена на дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказаний.

И.В. Шмаров отмечал, что законные интересы необходимо рассматривать в качестве одного из элементов правового статуса лиц, отбывающих наказания, определяя их социально-правовое значение в обеспечении дифференцированного подхода к осужденным, стимулировании их исправления в процессе отбывания наказания. Сущность законных интересов осужденных, по его мнению, заключается в возможностях, носящих характер стремлений к автономному, самостоятельному поведению, свободе личного усмотрения в пользовании какими-либо социальными благами [5, с. 114].

Бесспорной позитивной стороной законных интересов является то обстоятельство, что с их помощью для осужденных осуществляется дифференциация и индивидуализация процесса исполнения наказания. Негативное отношение отдельных авторов к указанной правовой категории вызвано наличием субъективного подхода, так как современная их правовая регламентация закрепляет такое положение, когда решение об их предоставлении принимается каким-либо субъектом единолично, при отсутствии установления соответствующих форм контроля, процедуры или регламента их предоставления. Это безусловно может способствовать нарушениям, осуществляться без учета всех объективных обстоятельств.

Кроме того, нередко в литературе отмечается коррупционный характер рассматриваемой правовой категории [3, с. 116].

Так, А.В. Кладков считает: «Если в норме сказано, что правоприменитель может, а не обязан, то в ней уже заложена коррупционная составляющая. Должностное лицо может применить ее так, как ему будет выгодно. А такая ситуация открывает предпосылки его подкупа» [2, с. 73].

Другие авторы предлагают закрепить порядок предоставления законного интереса, исключающей коррупционный фактор, для чего потребуется изменение соответствующих норм уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, указывают на возможность снижения уровня злоупотреблений администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, с помощью системы юридических гарантий.

В литературе значительное внимание уделяется законным интересам осужденных к лишению свободы, мы бы хотели обратить внимание на виды, условия и проблемы реализации законных интересов осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

В современных международных правовых актах, касающихся исполнения наказаний и обращения с осужденными напрямую категория законные интересы, как

элемент правового положения осужденных, не закреплена. Однако, в отдельных положениях международных документов речь идет о правовых категориях, аналогичных законным интересам осужденных [1, с. 6].

Анализ международных правовых актов позволяет прийти к выводу о наличии в них указания на предоставление какого-либо блага по возможности, а значит, возможность выступает как условие его предоставления, и, следовательно, как условие реализации законного интереса. Исходя из этого, законный интерес в международных правовых актах можно определить как закрепленную в международном документе правовую возможность, предоставляемую, как правило, при наличии обстоятельств достаточных для ее осуществления.

В марте 2017 г. Комитет Министров Совета Европы утвердил новый документ, касающийся назначения и исполнения альтернативных санкций и мер: «Рекомендацию о Европейских правилах в отношении общественных санкций и мер» (CM/Rec(2017) [6, с. 182].

Правила об общественных санкциях и мерах содержат некоторые рекомендации, касающиеся правового положения осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, в том числе и в отношении такой категории, как законные интересы.

Так, в Правилах отмечается, что принятие и применение общественных санкций и мер направлены на то, чтобы развить чувство ответственности правонарушителя по отношению к обществу. Исходя из этого, общественные санкции и меры должны иметь как можно бо̀льшее значение для правонарушителей и быть направленными на их личностное и социальное развитие. Методы надзора должны служить этим целям.

Исполняющий орган должен создать условия, чтобы тем лицам, в отношении которых применяются общественные санкции и меры, предоставлялась информация об их правах и обязанностях, и при этом им оказывалось содействие для обеспечения этих прав, для того, чтобы эти лица могли выполнять эти обязанности.

Применение общественных санкций и мер направлено на обеспечение сотрудничества с правонарушителями, а также на то, чтобы дать им возможность рассматривать общественную санкцию или меру в качестве справедливой и разумной реакции на совершенное правонарушение. Исходя из этого, правонарушители имеют право делать устные или письменные заявления до любого решения, касающегося применения общественной санкции или меры, и должны участвовать, насколько это возможно, в таком принятии решений.

Наиболее близким к обоснованию стимулирующей функции законных интересов можно считать рекомендацию, содержащуюся в указанном международном документе о том, что методы применения общественных санкций и мер адаптируются на индивидуальной основе к конкретным обстоятельствам каждого дела и органы и сотрудники, ответственные за исполнение, с учетом этого имеют значительную степень усмотрения для обеспечения такого подхода (а как было отмечено выше законные интересы именно этим характеризуются).

В соответствии с п. 32 Правил закрепляется положение о том, что когда установлено, что отдельное лицо нуждается в особой индивидуальной, социальной или материальной помощи в отношении применения, то используются справедливые и должные меры для того, чтобы они могли выполнить свои обязательства. Соответствующее индивидуальное смягчение наказания или снятие определенных огра-

ничений осуществляется при реализации ряда законных интересов осужденных без изоляции от общества.

В том же ключе рекомендовано, чтобы контрольные действия осуществлялись только в той мере, в какой это необходимо для должного применения принятой санкции или меры и основывались на принципе минимального вмешательства. Эти действия должны соответствовать совершенному или предполагаемому правонарушению, учитывать личные обстоятельства правонарушителя, включая факторы риска и потребности, а также быть ограничены целями принятой санкции или меры.

Направление правонарушителей на конкретные программы и мероприятия определяется конкретными критериями, – указано в Правилах. Необходимость четкого закрепления в законодательстве критериев реализации законных интересов осужденных мы считаем одним из важных условий повышения их эффективности.

Требование о необходимости индивидуализации наказания содержится также в п. 58 Правил: «Любые условия или обязанности, предусматриваемые в общественных санкциях или мерах, определяются с учетом индивидуальных потребностей и обстоятельств правонарушителей, а также риска рецидива с их стороны».

Прямое указание на необходимость соблюдения определенных условий для смягчения или отмены наказания содержится в п. 68: «При рассмотрении отмены общественной санкции или меры необходимо должным образом учитывать, каким образом и в какой степени правонарушитель соблюдал любые установленные условия и обязанности».

В Правилах также в общих чертах определен порядок изменения наказания: «Любое условие или обязанность, содержащиеся в общественной санкции или мере, могут изменены органом, принимающим решение, с учетом изменений в обстоятельствах и/или прогресса со стороны правонарушителя. Заявление об изменении может быть подано правонарушителем или исполняющим органом. Орган, принимающий решение, имеет право завершить действие санкций или меры до ее предусмотренного окончания, если он установит, что правонарушитель соблюдал требуемые условия и обязанности и если представляется, что более нет необходимости сохранять эти условия и обязанности в целях санкции или меры. Заявления об окончании по этим основаниям может быть сделано заявителем или исполняющим органом». Подобный порядок обращения осужденного по поводу реализации его законного интереса предусмотрен российским законодательством.

В Европейских правилах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера (2008 г.) содержится самостоятельная глава, посвященная общественным санкциям и ограничительным мерам. В ней также имеются рекомендации относительно возможности смягчения наказания, то есть закрепления определенных видов законных интересов указанной категории осужденных. В Европейских правилах отмечается, что в зависимости от прогресса, достигнутого в отношении несовершеннолетнего лица, компетентные органы должны, когда это допускается национальным законодательством, иметь право сокращать срок любой санкции или ограничительной меры, смягчать любое условие или обязанность, установленные такой санкцией или ограничительной мерой, или прекращать их.

Права несовершеннолетних лиц на льготы в отношении получения образования, профессионального обучения, защиты физического и психического здоровья,

безопасности и социального обеспечения не должны ущемляться наложением или применением общественных санкций или ограничительных мер.

Таким образом, несмотря на противоречивый характер правовой категории «законные интересы осужденных», следует отметить, что современные международные правовые акты, выработанные на уровне Совета Европы, рекомендуют закрепление в законодательстве и применение подобных стимулов в отношении лиц, осужденных к общественным санкциям (наказаниям, альтернативным лишению свободы), в то числе досрочное прекращение их применения.

Анализ законодательства ряда государств позволяет выделить в качестве наиболее распространенных следующие виды законных интересов осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества:

– возможность сокращения рабочего времени при исполнении наказания в виде обязательных работ (общественных работ);

– возможность снижения размера удержания при исполнении наказания в виде исправительных работ;

– возможность замены назначенного осужденным наказания другим видом наказания;

– возможность полной или частичной отмены обязанностей, возложенных судом на условно осужденного, а также осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества

– возможность рассрочки наказания в виде штрафа;

– возможность условного осуждения и отсрочки отбывания соответствующих видов наказаний;

– возможность условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания, назначенного судом срочного вида наказания, не связанного с изоляцией от общества.

Большинство из перечисленных видов законных интересов осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы предусмотрено в российском законодательстве, за исключением отсрочки отбывания наказания и условно-досрочного освобождения от указанных выше видов наказаний. В целях создания дополнительных стимулов для осужденных и с учетом требований международных правовых актов считаем возможным рассмотреть вопрос о расширении перечня видов законных интересов осужденных и закреплении возможности применения отсрочки отбывания наказания и условно-досрочного освобождения от отбывания наказаний, альтернативных лишению свободы.

Говоря о субъектах, следует отметить, что в зарубежных государствах решения о реализации отдельных видов законных интересов осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, принимают сотрудники службы пробации при участии общественности. Считаем возможным внедрение соответствующего механизма в России, когда принятие решения отнесено к компетенции соответствующего органа, исполняющего наказания, а гарантиями их реализации является привлечение общественности.

Подобная процедура полностью соответствует принципам и общим положениям уголовно-исполнительного законодательства России, в котором закреплен принцип демократизма, одним из средств исправления осужденных закреплено общественное воздействие, а в числе правовых гарантий законности при исполнении наказаний предусмотрен общественный контроль. Предложения о необходимости рас-

ширения взаимодействия с общественностью, в том числе общественного инспектирования, выдвигались и ранее [4, с. 75].

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. Наличие в российском законодательстве законных интересов осужденных и их стимулирующее значение соответствует требованиям современных международных правовых актов в рассматриваемой сфере.

2. Для повышения эффективности и снижения «коррупционных рисков» законных интересов осужденных необходимо:

– определить требования, предъявляемые к условиям реализации законных интересов в законодательстве;

– уточнить и четко очертить круг субъектов, их реализующих, обращая внимание на привлечение к этой деятельности общественности;

– расширить перечень законных интересов в отношении осужденных к альтернативным наказаниям.

Библиографический список

1. *Давыдова, И. А.* Реализация отдельных прав и законных интересов осужденных: опыт России и зарубежных государств: науч.-аналит. обзор [текст] / И.А. Давыдова, Н.В. Кийко, Э.В. Лядов. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2016. – 88 с.

2. *Кладков, А. В.* Коррупционная составляющая норм уголовного законодательства и практики их применения [текст] / Кладков А.В. // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью: сб. науч. ст. – М., 2009. – С. 73–80.

3. *Нестеров, П. Н.* Административное усмотрение в уголовно-исполнительном праве [текст] / П.Н. Нестеров // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. – 2012. – № 2. – С. 116–118.

4. *Ольховик, Н. В.* Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций [текст] / Н.В. Ольховик // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1(1). – С. 70–75 (75).

5. Уголовно-исполнительное право: учебник [текст] / под ред. И. В. Шмарова. – М., 1998. – 624 с.

6. *Хуторская, Н. Б.* Новый подход Совета Европы к исполнению альтернативных наказаний и мер [текст] / Н.Б. Хуторская // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выст. и докл. участников Междунар. науч.- практ. конф. (Рязань, 28–29 нояб. 2018 г.): в 2 т. – Рязань : Академия ФСИН России, 2018. – Т. 1: Материалы пленарного заседания. – 2018. – С. 182–185.

Bibliographic list

1. Davydova, I. A. Realization of certain rights and legitimate interests of convicts: the experience of Russia and foreign countries: scientific analy. review [text] / I.A. Davydova, N.V. Kiyko, E.V. Lyadov. Ryazan: Acad. Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. 88 p.

2. Kladkov, A.V. Corruption component of the norms of criminal law and the practice of their application [text] / Kladkov A.V. // Actual problems of the fight against corruption and organized crime: Sat. scientific Art. Moscow, 2009. P. 73–80.

3. Nesterov, P. N. Administrative discretion in criminal law [text] / P.N. Nesterov // Penal law: scientific. journal / Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2012. No. 2. P. 116–118.

4. Olkhovik, N.V. Organization of the activities of criminal executive inspections [text] / N.V. Olkhovik // Criminal justice. 2013. No. 1(1). P. 70–75 (75).

5. Penal law: textbook [text] / ed. I.V.Shmarova. Moscow, 1998. 624 p.

6. Khutorskaya, N. B. A new approach of the Council of Europe to the implementation of alternative sentences and measures [text] / N. B. Khutorskaya // Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad: Sat. thesis. ad and doc. participants of the International scientific and practical conf. (Ryazan, November 28–29, 2018): in 2 volumes. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. Vol. 1: Materials of the plenary meeting. 2018. P. 182–185.

Э.А. Джалилов[*],
Р.Л. Хачатуров[**]

УДК 34.01; 347.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.009

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ – ПОДОТРАСЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается право интеллектуальной собственности как подотрасль гражданского права. Исследуются мнения различных исследователей, которые определяют право интеллектуальной собственности как отрасль, подотрасль и институт права. Автор на основе анализа нормативно-правовых актов и критериев признания правового образования в качестве подотрасли права приводит доказательства, что право интеллектуальной собственности является подотраслью гражданского права.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, отрасль права, подотрасль права, норма права, институт права, исключительное право объект интеллектуальной собственности, интеллектуальные права.*

INTELLECTUAL PROPERTY LAW – A SUB-BRANCH OF RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article discusses intellectual property law as a sub-branch of civil law. The opinions of various researchers who determine intellectual property law as an industry, a sub-industry, and an institution of law are examined. The author, on the basis of the analysis of normative legal acts and criteria for recognizing legal education as a sub-branch of law, provides evidence that intellectual property law is a sub-branch of civil law.*

Key words: *intellectual property, branch of law, sub-branch of law, rule of law, institution of law, object of intellectual property, intellectual rights, exclusive law.*

В современной юридической литературе, как отмечают ученые, сохраняется значительный интерес к исследованию критериев образования отраслей права и наблюдается искусственное выделение многих новых отраслей российского права. Фундаментальное строение системы права требует очень внимательного изучения рассматриваемой проблемы. Поспешные решения приведут к снижению эффективности правового регулирования общественных отношений. Проблема критериев де-

[*] ***Джалилов Эльвис Алимович***, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тольяттинского государственного университета. E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Jalilov Elvis Alimovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Togliatti State University. Email: elvis.tlt@gmail.com

[**] ***Хачатуров Рудольф Левонович***, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета. E-mail: jus@tltsu.ru

Khachaturov Rudolf Levonovich, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Togliatti State University. E-mail: jus@tltsu.ru

ления современного российского права на отрасли права и законодательства в научной литературе нуждается в дальнейшем исследовании, так как процесс становления и развития новых отраслей права длительный и многоплановый [1, с. 7].

Вопросы интеллектуальной собственности рассматриваются многими исследователями, однако ни законодатель, ни теоретические исследования до настоящего времени не дали единого понятия интеллектуальной собственности. В связи с этим отсутствует единое понимание и права интеллектуальной собственности как подотрасли права.

Нашей задачей является показать, что понятие «право интеллектуальной собственности» имеет место в теории права и определяется, как подотрасль гражданского права.

Понимание системы права является важным условием правильного применения норм права. Они должны регулировать только те отношения, на которые рассчитаны. Пренебрежение системой права в процессе правоприменения может дезорганизовать общественные отношения [2]. В связи с этим важно дать понятие права интеллектуальной собственности с точки зрения его места в системе права.

Право интеллектуальной собственности является подотраслью гражданского права, совокупностью гражданско-правовых норм, которая призвана регулировать правоотношения в сфере создания и использования объектов интеллектуальной собственности.

При этом гражданское право не регулирует непосредственно саму творческую деятельность, которая возникает в процессе создания объекта интеллектуальной собственности, процесс творчества остается за пределами действия норм подотрасли права интеллектуальной собственности. Функции данной подотрасли заключаются в признании авторства на уже созданные результаты творческой деятельности, установлении их правового режима, моральном и материальном стимулировании и защите прав авторов и иных лиц, имеющих авторские права.

Сторонники внедрения понятия «право интеллектуальной собственности» в законодательные акты и научные исследования подчеркивают, что речь в данном случае идёт о собственности особого рода, которая требует специального регулирования ввиду её нематериального характера, поскольку объектами права собственности авторов и правообладателей являются нематериальные объекты, в связи с чем образуется совокупность однородных правовых норм, которые регулируют такие институты в рамках подотрасли права интеллектуальной собственности, как авторское право, патентное право, право средств индивидуализации и нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности.

А.А. Амангельды считает, что «право интеллектуальной собственности следует рассматривать в объективном и субъективном смысле. В *объективном смысле* право интеллектуальной собственности – это подотрасль гражданского права, которая представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения по реализации личных неимущественных и имущественных (исключительных) прав, возникающих в связи с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности. В *субъективном смысле*, по его мнению, право интеллектуальной собственности представляет собой принадлежащую субъекту, гарантированную законом систему личных неимущественных прав и имущественных прав (исключительных прав), возникающих в связи с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности» [3, с. 234].

Согласиться с таким мнением о том, что в субъективном смысле право интеллектуальной собственности представляет собой систему исключительных прав нельзя, так как в данном случае происходит смешение понятий «интеллектуальные права» и «право интеллектуальной собственности». Право интеллектуальной собственности необходимо рассматривать как подотрасль гражданского права, а систему личных неимущественных прав и имущественных прав (исключительных прав) необходимо рассматривать в качестве интеллектуальных прав.

И.А. Зенин отмечает, что «право интеллектуальной собственности различными юристами признаётся в качестве либо самостоятельной отрасли права, либо подотрасли гражданского права, либо комплексного института права, либо суперинститута (в смысле сверхбольшого института) гражданского права (наряду с такими суперинститутами, как вещное, обязательственное или наследственное право). Он считает, последнюю трактовку наиболее обоснованной и убедительной» [4, с. 54].

И.А. Зенин указывает, что «в качестве суперинститута гражданского права право интеллектуальной собственности представляет собой совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих отношения: 1) по охране результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации товаров и их производителей; 2) по установлению режима их использования (кто вправе и кто не вправе использовать); 3) по наделению создателей результатов и средств и других субъектов (по закону или договору) исключительными (имущественными), личными неимущественными (моральными) правами (правом авторства, правом на имя и т.п.), иными правами (правом следования, правом доступа) и другими правами, например, правом подачи заявки на изобретение или другой результат интеллектуальной деятельности; а также 4) по осуществлению и защите данных прав» [4, с. 55].

По мнению А.П. Сергеева, «право интеллектуальной собственности представляет собой подотрасль гражданского права, регулирующую определенную группу фактических общественных отношений, которые возникают в связи с созданием, использованием и защитой результатов интеллектуальной творческой деятельности» [5, с. 15]. Интеллектуальная собственность – это совокупность исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной и в первую очередь творческой деятельности, а также на некоторые иные приравненные к ним объекты, конкретный перечень которых устанавливается законодательством соответствующей страны с учетом принятых ею международных обязательств» [5, с. 16].

А.П. Сергеев считает, что «право интеллектуальной собственности включает в себя четыре самостоятельных института: 1) институт авторского права и смежных прав; 2) институт патентного права; 3) институт правовой охраны средств индивидуализации участников гражданского оборота и производимых ими товаров, работ и услуг; 4) институт охраны нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности (селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, служебной и коммерческой тайны и пр.)» [5, с. 16].

Иной методологический подход к системе права интеллектуальной собственности использует В.А. Дозорцев. По его мнению, «система подотрасли право интеллектуальной собственности, с учётом пандектного принципа, должна выглядеть следующим образом: 1) общие положения: 2) авторское право; 3) права артистов-исполнителей; 4) продюсерские права; 5) патентное право; 6) правовая охрана

биологических объектов (штаммов микроорганизмов, селекционных достижений); 7) правовая охрана новых решений в области прикладной математики (программы для ЭВМ, базы данных); 8) охрана секретов производства; 9) охрана средств индивидуализации товаров и товаропроизводителей; 10) охрана неимущественных интересов личности» [6, с. 15].

Следует особо отметить, что ни сторонники, ни противники внедрения понятия «право интеллектуальной собственности» в законотворческий процесс и процесс правовых исследований не рассматривают данный термин как теоретически обоснованный элемент отраслевой классификации современной системы российского права.

Одним из важнейших теоретических вопросов является качественная характеристика совокупности правовых норм, регулирующих отношения, связанные с результатами интеллектуальной деятельности и правами на них. В силу особых, качественных свойств результатов творческой деятельности правовые нормы, регулирующие эти отношения, образуют институты, формирующие подотрасль права интеллектуальной собственности.

Таким образом, родовое единство общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности является системообразующим фактором, позволяющим признать право интеллектуальной собственности в качестве подотрасли гражданского права.

В качестве отрасли отечественного права гражданское право является элементом системы права, состоящей из взаимосвязанных структурных элементов: гражданско-правовых норм, институтов и подотраслей права. Внутриотраслевые связи между отдельными элементами отрасли гражданского права выстраивают их в определённую иерархическую структуру. Каждый уровень этой структуры формирует собственную подсистему. Самым крупным элементом структуры отрасли гражданского права выступает подотрасль. В юридической науке, подотрасль права понимается, как совокупность однородных институтов права в данной отрасли права, она занимает место между институтом права и отраслью права. Выделение подотраслей права происходит в связи с тем, что отрасли права, являясь взаимосвязанными элементами системы права, не равнозначны по своему значению, объёму, роли в процессе воздействия на общественные отношения.

По нашему мнению, совокупность норм ГК РФ регулирующих правоотношения в сфере интеллектуальной собственности, образуют подотрасль гражданского права – «право интеллектуальной собственности». Данная подотрасль представляет собой систему правовых норм, регулирующих правовые отношения в сфере создания, использования и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты.

Анализ современного законодательства в сфере права интеллектуальной собственности, а также практика его правоприменения и договорного регулирования правоотношений в сфере передачи прав на объекты интеллектуальной собственности, позволяют выделить ряд данных, закономерностей, свидетельствующих о наличии объективных предпосылок к выделению в рамках гражданского права особой совокупности норм – подотрасли «право интеллектуальной собственности».

Среди них, на наш взгляд, можно выделить следующие.

1. Выделение данной подотрасли права соответствует общепринятой концепции понимания подотрасли права в теории государства и права и оснований для её становления.

2. В рамках права интеллектуальной собственности происходит использование общего понятийного аппарата.

3. Достаточно чётко выражена автономность и наличие собственной, в значительной мере, обособленной нормативно-правовой базы, регулирующей однородную сферу общественных отношений – отношения по созданию, использованию и охране объектов интеллектуальной собственности.

4. Объективные потребности в правовом регулировании специфичных правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Таким образом, по нашему мнению, совокупность части норм ГК РФ и иных федеральных законов, регулирующих правоотношения в сфере интеллектуальной собственности, образуют подотрасль гражданского права – право интеллектуальной собственности. Она представляет собой систему правовых норм, регулирующих правовые отношения в сфере создания, использования и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним объекты.

Содержание права интеллектуальной собственности как подотрасли права составляют общественные отношения, связанные с правовым регулированием интеллектуальной собственности.

Структурно подотрасль права интеллектуальной собственности состоит из институтов права. Институт права интеллектуальной собственности – это структурный элемент подотрасли права, который содержит близкие по содержанию однородные правовое нормы. В рамках института права правовые нормы взаимодействуют между собой посредством структурных связей, созданных на основе единых предмета, метода и принципов правового регулирования [7, с. 8–14].

Таким образом, право интеллектуальной собственности – это структурированная подотрасль гражданского права, состоящая в свою очередь из институтов права. К институтам права интеллектуальной собственности следует отнести институт авторского права и смежных прав, институт патентного права, институт прав на средства индивидуализации и институт прав на нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности.

Право интеллектуальной собственности, как подотрасль гражданского права, регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в сфере создания, использования и охраны объектов интеллектуальной собственности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц.

Библиографический список

1. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 584 с.

2. Комаров, С.А. общая теория государства и права: курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Манускрипт, 1996. – С. 200; Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры /С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 358. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

3. *Амангельды А.А.* Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан на современном этапе: дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2015. – 540 с.

4. *Зенин И.А.* Право интеллектуальной собственности в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 318 с.

5. *Сергеев А.П.* Интеллектуальная собственность. – М., 2000. – 400 с.

6. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации // Сборник статей / Исследовательский центр частного права. – М.: «Статут», 2003. – 416 с.

7. *Васильев В.В.* Основные свойства гражданско-правового института: вопросы теории // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 29. – С. 6–12.

Bibliographic list

1. Branches of legislation and branches of law of the Russian Federation: general theoretical, inter-branch, branch and historical-legal aspects / Under the general. ed. R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2017. 584 p.

2. Komarov S.A. General Theory of State and Law: Lecture Course. Moscow: Manuscript, 1996. P. 200; Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate programs / p. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. P. 358. (Series: Bachelor and Master. Academic Course).

3. Amangeldy A.A. The intellectual property right of the Republic of Kazakhstan at the present stage: the dissertation ... Doctors of legal sciences. Moscow, 2015. 540 p.

4. Zenin I.A. Intellectual Property Law in 2 hours. Part 1: textbook for academic undergraduate / 10th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018.

5. Sergeev A.P. Intellectual property. Moscow, 2000. 318 p.

6. Dozortsev V.A. Intellectual Rights: Concept. System. The tasks of codification // Collection of articles / Private Law Research Center. – M .: “Statute”, 2003. – 416 p.

7. Vasiliev V.V. The main properties of the civil law institute: theory issues // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2012. No. 29. P. 6–12.

И.А. Кузьмин*

УДК 340.01
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.008

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. *В статье приводятся промежуточные результаты исследования места юридической ответственности в правовой системе России. Дается качественная характеристика системы законодательства. Названы основания и последствия возникновения дефектов и дисбалансов в законодательстве. Сформулировано определение системы юридической ответственности, раскрыты ее элементы. Обозначена проблема взаимодействия системы законодательства с системой юридической ответственности, определены причины такой ситуации. Предложено авторское видение базовых форм и особенностей соотношения (единства, различия и взаимодействия) рассматриваемых систем.*

Ключевые слова: *система законодательства, система права, юридическая ответственность, институт юридической ответственности, система юридической ответственности, взаимодействие, дефекты законодательства.*

CORRELATION OF THE SYSTEM OF LEGISLATION AND LEGAL LIABILITY SYSTEMS

Annotation. *The article presents the results of a study of the place of legal liability in the law system of Russia. The characteristic of the system of legislation is given. The grounds and consequences of the occurrence of defects and imbalances in the legislation are named. The definition of the legal liability system is formulated, its elements are disclosed. The problems of the interaction of the legislative system with the legal liability system are identified. The author's vision of the basic forms and features of the relationship of these systems of systems is proposed.*

Key words: *system of legislation, system of law, legal liability, institution of legal liability, system of legal liability, interaction, legislative defects.*

Динамичное развитие системы общественных отношений на современном этапе влечет усложнение и модификацию социальных регуляторов: норм морали, обычаев, корпоративных норм, религиозных установлений и многих других, включая и право. Складывающиеся объективно общественные отношения неизменно обусловливают потребность в совершенствовании системы права, способной формализовать и адекватно упорядочить последние. А. М. Васильев по этому поводу заметил, что формирование представлений о праве исторически складывалось на основе

* ***Кузьмин Игорь Александрович***, доцент кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: grafik-87@mail.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich, Associate Professor of the Chair of Constitutional Law and Theory of Law of Law Institute of the Irkutsk State University, Candidate of Law, Associate Professor.

** Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

объективной социальной потребности охватить правилами повторяющиеся акты производства и обмена. Причем данный процесс постоянно расширялся и усложнялся с развитием законодательства [3, с. 148]. В свою очередь непрекращающийся процесс совершенствования законодательства создает насущную потребность оценки и осмысления соответствующих изменений на основе принципа системности, с позиции строения и внутренней структуры права и взаимосвязи его элементов, общих свойств и иных особенностей системы права [19, с. 6].

Основная часть норм системы права сконцентрирована в нормативных правовых актах, взаимосвязанная совокупность которых образует систему законодательства. Каждое государство обладает развитой системой законодательства, в которой различные нормативные правовые акты находятся в тесном горизонтальном и вертикальном взаимодействии. Многие правовые категории, получившие отражение в праве на уровне правовых общностей, отраслей, институтов и даже отдельных норм права, вступают во взаимодействие с системой законодательства, в результате чего в правовом регулировании могут возникать различные дефекты.

В настоящей статье предпринимается попытка выявить специфику соотношения системы законодательства с базовым охранительным элементом системы права – юридической ответственностью, выраженной, преимущественно, в виде межотраслевого института права. Актуализируя обозначенный предмет исследования, мы опираемся на высказанную еще в 1974 г. позицию Р. О. Халфиной о том, что «строгость и научная обоснованность понятийного аппарата имеет особенное значение в правовой науке, поскольку результатом развития теории могут быть предложения по совершенствованию законодательства и практики, что требует особенной точности и ясности» [20, с. 27].

Система законодательства представляет собой многоуровневое, интегративное, целостное, структурированное и компонентное образование из нормативных правовых актов, которое обладает синергетическим потенциалом и включает в себя большую часть всех существующих в мире правовых норм [13, с. 71–73]. Н. Н. Вопленко особо отметил статус системы законодательства как внешней формы права, выражающей строение его источников, причем в широком понимании законодательство и есть право [4, с. 12]. В этом смысле для объективного права системообразующую роль играет законодательство, так как любые изменения в массиве нормативно-правовых актов неизменно влекут деформации в системе права в целом, затрагивая, в том числе, и иные источники (юридические прецеденты, нормативные договоры и т.д.).

Для системы законодательства любого государства определяющее значение имеет конституция (основной закон) как нормативный правовой акт, определяющий основные положения (содержание), структуру, принципы, источники и векторы развития правовой системы государства (С. Л. Зивс, И. А. Кравец, С. В. Поленина и др.).

Важнейшим критерием и показателем развития системы законодательства является качественная и количественная характеристика комплекса ее взаимодействий, посредством которых передаются импульсы от одних нормативных правовых актов и их групп другим (внутренние взаимодействия), либо от нормативных правовых актов иным источникам права или правоположениям, не входящим в состав системы законодательства (внешние взаимодействия). А. А. Титова, рассуждая о разнообразии внутренних взаимодействий в системе законодательства, особо выделяет генетические, функциональные (координационные и субординационные) и струк-

турные связи, которые, по ее мнению, аккумулируют основной потенциал для оказания системообразующего эффекта внутри всей системы [18, с. 194–195].

Несмотря на высокий уровень изученности связей между нормативными правовыми актами, методология исследования системы законодательства с закрепленными в праве юридическими категориями в науке в целом не сформирована. Указанное обстоятельство делает невозможным применение всестороннего наукоемкого и практико-ориентированного подхода к осуществлению и оценке регулятивного воздействия на общественные отношения, что детерминирует появление таких нежелательных феноменов как коллизии и пробелы в законодательстве, юридические дисбалансы и прочее. В частности, С. А. Белоусов аргументировано утверждает, что дисбаланс в законодательстве может быть системным и для его исследования требуется системный подход, хотя сам дисбаланс обычно системой не является. Подсистемы законодательства подвержены разбалансированности и нарушениям структурных и функциональных связей между их элементами, что является основой для неустойчивости, имеющей и свои положительные стороны [1, с. 318].

Система юридической ответственности, рассматриваемая в «нормативном срезе» представляет собой *целеустремленную интегративную и многоуровневую организацию норм позитивного права, закрепляющих различного рода и вида наказания (негативные санкции) за противоправные деяния, которая имеет свою структуру, обладает целостностью* [8, с. 24]. В данном качестве юридическая ответственность является межотраслевым правовым охранительным институтом во внутринациональном праве и относительно обособленной правовой общностью в международном праве.

Следует заметить, что в подавляющем большинстве национальных правовых систем нормы института юридической ответственности в основном закрепляются в нормативных правовых актах, что свидетельствует о наличии прочных имманентных институту юридической ответственности связей, как с системой права, так и с системой законодательства. Между тем положения о международно-правовой ответственности находятся вне системы законодательства, так как основным источником их закрепления выступают международные договоры (соглашения) и резолюции международных организаций [15, с. 77–79].

Официальные правовые позиции, относительно взаимодействия системы законодательства с системой юридической ответственности демонстрируют отсутствие единых подходов в понимании юридической ответственности как элемента соответствующей системы. Система норм, составляющих институт юридической ответственности, изначально получает закрепление в разноотраслевых нормах действующего законодательства, однако их группировки и взаимодействия складываются уже на уровне системы права.

Указом Президента Российской Федерации (далее – Президент РФ) от 15.03.2000 г. № 511 (ред. от 28.06.2005) был утвержден классификатор правовых актов, соотнесенный с ранее действующим общеправовым классификатором отраслей законодательства, утвержденным указом Президента РФ от 16.12.1993 г. № 2171. Из анализа названных документов видно, что группировка правовых актов в отрасли производится исключительно формально по предмету правового регулирования (группе относительно однородных общественных отношения), исходя из накопленного нормативного материала без учета глубинных правовых связей между правовыми нормами и используемых методов регулятивного воздействия.

Так, предпринятые попытки обособить уголовную и административную ответственность, а также ответственность за причинение вреда и нарушение обязательств в гражданском и трудовом праве (выделенных по отраслевому принципу) от видов ответственности, привязанных исключительно к предмету регулирования, представляются искусственными и антисистемными. К последней группе классификатор относит, в частности, ответственность супругов по обязательствам (040.030.040), ответственность за нарушение законодательства о трудоустройстве и занятости населения (060.010.080), за нарушение законодательства о социальном обеспечении и социальном страховании (070.100.000), за нарушение законодательства о ценных бумагах (080.120.080) и многое другое.

В этой связи сразу возникает вопрос относительно разграничения отраслевых видов ответственности, от иных, выделяемых по другим критериям, форм. Например, ответственность за нарушение законодательства о ценных бумагах может быть уголовно-правовой (ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации – за изготовление, перевозку или сбыт поддельных ценных бумаг), административной (ст. 16.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – за незаконные операции с эмиссионными ценными бумагами) или гражданско-правовой (за причинение убытков в связи с нарушением договоров в сфере оборота ценных бумаг).

При этом ответственность за нарушение жилищного законодательства в классификаторе соединена с разрешением жилищных споров (050.110.000), налоговая ответственность – с налоговыми правонарушениями (080.100.090), ответственность за ущерб причиненный потребителю отождествляется с внедоговорными обязательствами в международных гражданско-правовых отношениях (030.150.160).

Подобный подход демонстрирует смешивание между собой ответственности, оснований ее возникновения, процесса и форм реализации на различных стадиях правового регулирования. Наблюдаются и иные ситуации, когда система законодательства закрепляет меры ответственности, которые не вписываются в традиционное понимание ответственности в системе права, оставляя вопросы, относительно их места и роли в межотраслевом институте ответственности. К таковым можно отнести, в частности, перечисленные в п. 5.1. Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации (утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 г. № 414) меры ответственности за его нарушение в форме устного замечания, предупреждения о недопустимости неэтичного поведения и требования о публичном извинении. Эти и многие другие обстоятельства побуждают вновь и вновь обращаться к проблематике взаимодействия системы юридической ответственности с системой законодательства, находящихся в отношениях единства, различия и взаимодействия.

Единство системы законодательства и системы юридической ответственности наиболее ярко обнаруживается в нормативной составляющей ответственности. Присущие законодательству горизонтальные, вертикальные и иные взаимодействия равным образом влияют на все закрепленные в праве феномены, включая и юридическую ответственность. В этом смысле нормативная основа юридической ответственности, по сути, представляет собой относительно самостоятельный «участок» системы законодательства, посредством которого нормы права передают «импульсы» в иные (лежащие вне системы законодательства) срезы правовой реальности (например, идеологический, организационный и др.).

Если исходить из понимания юридической ответственности как элемента системы права, то, в совокупности с системой законодательства, они образуют «единый механизм согласованных и взаимодействующих структурных элементов системы, который решает известные задачи и направлен на достижение определенных целей удовлетворения интересов общества и государства» [11, с. 166].

Различия системы законодательства и системы юридической ответственности предопределяются несовпадением соответствующих категорий в принципе. Первая представляет собой совокупность действующих нормативно-правовых актов, тогда как вторая (как институт права) выражена в системе норм, закрепляющих правонарушения и наказания за их совершение. А. Н. Чураков по этому поводу заметил, что «основание, вид ответственности за конкретные правонарушения и ее размер всегда, прямо установлены законом как особым нормативным актом, а также не противоречащими ему условиями; договора (в частном праве)» [22, с. 13–15].

Соответственно, в процессе изучения взаимодействий системы норм (института) юридической ответственности с системой законодательства необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, институт юридической ответственности изначально является элементом системы права и только в конечном итоге – частью системы законодательства. Важно понимать, что институционализация ответственности зависит от нормативного накопления и формального закрепления в законодательстве различных наказаний, которые начинают коррелировать между собой и связываться в определенные укрупненные группировки по тем или иным признакам. Иными словами, встраиваясь в архитектонику системы права, массив норм юридической ответственности внедряется в целостную совокупность системных взаимодействий с другими элементами [9, с. 68–80].

Формирование и осмысление юридической ответственности в качестве института законодательства вполне возможны (например, в форме института материальной ответственности сторон трудового договора), однако такой подход не способен раскрыть наиболее существенные глубинные связи ответственности с иными нормативными правовыми предписаниями и вненормативными сферами (например, идеологическими).

Во-вторых, система законодательства в значительной степени не учитывает структурные и генетические особенности юридической ответственности, зависит от мнения законодателя и политических условий, влияющих на закрепление ответственности в праве. Одной из наиболее серьезных проблем законодательства следует признать несистемность его наполнения и развития, ввиду участия в процессе правотворчества большого числа относительно независимых субъектов, каждый из которых имеет собственные взгляды и интересы (зависимости от различных обстоятельств) по отношению к форме и содержанию принимаемых им правоположений.

Следует признать, что отсутствие официально утвержденной концепции развития законодательства о юридической ответственности препятствует выстраиванию системного подхода к совершенствованию института юридической ответственности и является источником дисбаланса при формировании соответствующих публично-правовых и частноправовых материальных и процессуальных норм права. Е. Э. Черенкова уместно замечает, что критерии структурной дифференциации системы законодательства не сформулированы, а основным субъектом ее развития является законодатель. Применить принципы структурирования системы права к сис-

теме законодательства невозможно и целесообразно классифицировать систему законодательства по предмету регулирования при том, что основным признаком ее единства является единство государственной воли. Тем не менее, опыт дифференциации системы права по отраслям используется и правотворцем в ходе работы над законодательством [21, с. 13].

Отдельные попытки концептуализации правовой политики в сфере юридической ответственности [14], равно как и их конструктивная критика, обычно не удостаиваются должного внимания со стороны субъектов правотворчества и правоприменения [6, с. 173–175]. Между тем отслеживание и обеспечение структурных и генетических связей, присущих институту юридической ответственности и механизмам ее реализации, позволяет предупреждать возможные правотворческие коллизии и иные дефекты, а также отклонения в правоприменительной деятельности. В связи с этим мыслится обоснованным рассмотреть инклюзивное или модульное внедрение в правотворческую деятельность аналитической оценки и контроля соблюдения целостности института юридической ответственности. В отличие от инклюзивного, модульное внедрение обозначенной концептуализации подразумевает выделение самостоятельной стадии правотворческого процесса и открывает новые перспективы для развития правотворческой техники.

В-третьих, юридическая ответственность имеет собственные правовые принципы, часть из которых непосредственно не вытекает из содержания законодательства, а также собственную идеологическую основу. А. Д. Шминке особо отстаивает позицию о необходимости разграничения принципов законодательства и принципов права, отмечает, что принципы законодательства влияют на структурное содержание правовых актов и позволяют реализовать правовые принципы, дублируют отдельные элементы последних (гуманизм, демократизм и т.д.).

Принципы федерализма, взаимодействия законодательства с международным правом, научной обоснованности и некоторые другие автор относит к принципам российского законодательства, не имеющим отношения к системе права [23, с. 13–14]. Справедливости рада заметим, что многие исследователи не считают нужным разграничивать принципы права с принципами законодательства [24]. И. Н. Сенякин, пытаясь разобраться в сущности принципов законодательства, предложил воспринимать их в качестве исходных технико-юридических начал построения отдельных нормативных актов и системы законодательства в целом для обеспечения требований правовых принципов [16, с. 127–134]. А. А. Зелепукин полагает, что принципы законодательства − исходные положения, в соответствии с которыми законодательство организуется и функционирует [7, с. 147].

Мы считаем возможным говорить об устоявшихся в конкретном государстве принципах законодательства лишь при наличии упомянутой выше концепции правовой политики, которую бы официально признавал, и которой придерживался законодатель. В ином случае нам остается лишь фиксировать систематические закономерности изменений в том или ином национальном законодательстве, которые зависят от политической воли правящей верхушки и пытаться сформулировать некие декларативные методологические положения, которые (по факту) будут систематически нарушаться и «руководящий» эффект оказывать не смогут. Соответственно, мы не ставим вопрос о принципах законодательства о юридической ответственности, хотя и признаем, что некоторые из них частично отражены в нормативных правовых актах (ответственность за виновное деяние), а другие выводятся из

них аналитическим путем (принципы законности и своевременности). Несколько особняком располагаются функциональные принципы юридической ответственности, исходящие из общеправовых установлений и не получившие прямого закрепления в законодательстве (принципы индивидуализации и неотвратимости).

В-четвертых, институт юридической ответственности, как правило, реализуется через специальные охранительные процедуры (процессуальные механизмы), которые закрепляются в системе законодательства, но осуществляются с учетом судебных и административных юридических прецедентов, а также на основе актов нормативного толкования права. Как правило, процесс возложения юридической ответственности подчиняется общим правилам деятельности (процессуальной форме) органов и должностных лиц, принимающих соответствующие властные решения в ходе производства по делу о юридической ответственности.

Специальные правила возложения юридической ответственности, тем не менее, встречаются (например, ст. 193 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ, «Порядок применения дисциплинарных взысканий»). С точки зрения структурного анализа действие межотраслевого института юридической ответственности определяется как действие его отдельных элементов (отраслевых институтов) и норм права. Мы знаем, что реализация норм права происходит в условиях действия ряда факторов, как официальных, так и неофициальных, которые могут повлиять на итоговый правовой результат. Основные официальные факторы связаны с действием иных нормативных правовых актов, источников права (например, правовых прецедентов), официальных актов толкования права, неофициальных – с политической волей, экономическими условиями (возможностями) и т.д.

Конституционный Суд РФ в определении от 01.11.2007 г. № 948-О-О, раскрывая основания для применения наказаний, связанных с ограничением свободы, указал, что правоприменительная оценка правонарушения должна осуществляться с учетом специфики деяния и меры ответственности, а также критериев дифференциации различных наказаний, которые выработаны как национальной доктриной, так и прецедентной практикой. Игнорирование «господствующих позиций» применения норм юридической ответственности способно породить негативные правовые последствия для самих правоприменителей. А. Л. Бурков прямо указывает, что судьи, которые применяют правовые позиции, закрепленные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ), осознают устойчивость соответствующих судебных актов по отношению к их возможной отмене. И обратно, судьи, которые не используют (ненадлежащим образом используют) постановления Пленума ВС РФ рискуют своей служебной карьерой и в конечном итоге перестают быть судьями [2, с. 172–186].

В-пятых, система законодательства не отражает в полной мере связи юридической ответственности с иными правовыми явлениями, объем которых выходит за рамки предписаний, закрепленных в нормативных правовых актах. Пребывая на различных уровнях правовой системы, юридическая ответственность сохраняет свою связь с ее «подсистемами»:

– регулятивной подсистемой (например, с источниками права, не входящими в состав системы законодательства – судебными прецедентами и правовой доктриной);

– организационной подсистемой (например, с толкованием норм о юридической ответственности уполномоченными субъектами);

– идеологической подсистемой (например, с правосознанием и правовой культурой субъектов права, на которых оказывает воздействие юридическая ответственность).

Необходимость вывода системного понимания ответственности на новый уровень (вне дискуссии относительно ее отраслевого деления) обозначил Р. С. Маркунин, предложивший расширенный методологический подход к исследованию феномена ответственности органов публичной власти [10, с. 143–145]. Г. А. Прокопович, полагая элементами системы юридической ответственности правоотношение и действия его участников, дополнительно выделяет уровни системы (общий, особенный и единичный) [12, с. 58–60]. И хотя не со всеми мыслями обозначенных правоведов можно безоговорочно согласиться, тем не менее, само видение ими поднятой проблематики представляется интересным и перспективным.

Учет обозначенных особенностей в правотворческой деятельности позволит более эффективно осуществлять профилактику и устранение коллизий, пробелов и иных дефектов в праве, вытекающих из соотношения изучаемых категорий (например, противоречий между публичной и частноправовой ответственностью, конкуренцией внутринациональных и международных форм ответственности и т.д.). В правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности становится возможным преодолевать негативные «штампы» в реализации и понимании ответственности как элемента системы законодательства и системы права. Родовые и видовые иллюстративные примеры упомянутых коллизий демонстрируют Н. Р. Герасимова, К. Г. Кузенков [5, с. 520–522] и С. Ю. Соловьева [17, с. 59–60].

Подведем выводы проведенному исследованию:

– исходя из общих закономерностей формирования права и представлений о нем, наиболее явным индикатором для отслеживания изменений в системе права является законодательство, объединяющее в себе большую часть норм права, содержащихся в нормативных правовых актах и взаимодействующих в горизонтальной и вертикальной плоскости;

– система юридической ответственности в нормативном срезе представляет собой межотраслевой правовой институт внутринационального права и правовую общность в международном праве, закрепленный в нормативных правовых актах (преимущественно в законах), а также некоторых источниках права (резолюциях международных организаций);

– система законодательства некорректно отражает структуру юридической ответственности, смешивая между собой меры, основания, процесс и формы ее реализации в качестве базы для классификации этого правового института, искусственно расширяет (а иногда и ограничивает) объективные пределы ответственности в праве, характеризуется многочисленными коллизиями, пробелами и иными дефектами;

– соотношение системы законодательства и системы юридической ответственности в форме единства, различий и взаимодействия наглядно демонстрирует их общие и отличительные черты, взаимопроникновение и взаимозависимости;

– особенности взаимодействия исследуемых систем проявляется в их несовпадении, специфичных структурных и генетических связях, зависимости от мнения законодателя (сложившейся политической конъюнктуры), разности правовых принципов и источников их закрепления, самостоятельной идеологической основе ответственности, процессуальных механизмах и связях с иными правовыми категориями;

– становление и дальнейшее развитие системы юридической ответственности в системе законодательства, основанное на их непротиворечивом и едином понимании является обязательным условием преодоления дисбалансов в системе права и создает благоприятные условия для эффективной реализации и правильного толкования норм, содержащих меры юридической ответственности.

Библиографический список

1. *Белоусов С. А*. Дисбаланс в системе российского законодательства: необходимость и основные направления общетеоретического исследования // Общество и право. – 2015. – № 3. – С. 316–319.

2. *Бурков А. Л.* Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // Изв. вузов. Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 172–186.

3. *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.

4. *Вопленко Н. Н*. Понятие и система права // Вестн. ВолГУ. – 2009. – Сер. 5. – Вып. 11. – С. 11–16.

5. *Герасимова Н. Р., Кузенков А. Г.* Коллизии института юридической ответственности // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 15. – С. 518–522.

6. *Дуюнов В. К*. О проекте концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2016. – № 1–2. – С. 173–175.

7. *Зелепукин А. А*. Принципы российского законодательства // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: Изд-во СГЮА, 2010. – С. 145–176.

8. *Кузьмин И. А.* Система права и система юридической ответственности: моногр. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 163 с.

9. *Кузьмин И. А.* Системная модель юридической ответственности: моногр. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Тип. «Иркут», 2018. – 186 с.

10. *Маркунин Р. С.* Система юридической ответственности органов публичной власти: методология исследования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 1. – С. 142–146.

11. *Никищенкова М. А.* Согласованность системы права и системы законодательства // Вестн. Казан. Юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 163–167.

12. *Прокопович Г. А*. Теоретические проблемы системы юридической ответственности // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 6. – С. 57–60.

13. *Пьянов Н. А*. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 2. Теория права : учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 391 с.

14. Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции "Круглый стол журналов "Государство и право", "Правовая политика и правовая жизнь", "Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки" на тему: «Разработка проекта концепции правовой политики в сфере юридической ответственности» / Тольяттинский гос. ун-т, Саратовский фил. Ин-та государства и права Российской акад. наук; [отв. ред.: А. В. Малько, Д. А. Липинский]. – М.: РИОР, 2015. – 203 с.

15. *Сазонова К. Л.* Основания международно-правовой ответственности государств в международном праве // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – С. 77–79.

16. *Сенякин И. Н*. Федерализм как принцип российского законодательства. – Саратов: Изд-во СГЮА, 2007. – 504 с.

17. *Соловьева С. Ю.* Некоторые вопросы коллизии института юридической ответственности // Вестн. Нижегородской правовой академии. – 2016. – № 10. – С. 59–60.

18. *Титова А. А.* К вопросу о влиянии системообразующей функции Конституции РФ на систему российского законодательства // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 193–201.

19. *Тонков Е. Е., Синенко В. С*. Комплексные отрасли в системе права и системе законодательства // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 5–12.

20. *Халфина Р. О.* Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. – 1974. – № 9. – С. 20–28.

21. *Черенкова Е. Э*. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 26 с.

22. *Чураков А. Н*. Принципы юридической ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – 19 с.

23. *Шминке А. Д.* Система права и система законодательства России: вопросы методологии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 32 с.

24. *Ястребов О. А.* Принципы законодательства об административных правонарушениях: вопросы совершенствования // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 8. – С. 148–153.

Bibliographic list

1. Belousov S. A. Imbalance in the system of Russian legislation: the need and main directions of general theoretical research // Society and Law. 2015. No. 3. P. 316–319.

2. Burkov A. L. Status of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the legislation and judicial practice // Izv. universities. Jurisprudence. 2011. No. 5. P. 172–186.

3. Vasiliev A. M. Legal categories: methodological aspects of system development. Moscow: Legal literature, 1976. 264 p.

4. Voplenko N. N. The concept and system of law // Vestn. VolSU. 2009. Ser. 5. Issue. 11. P. 11–16.

5. Gerasimova N. R., Kuzenkov A. G. Collisions of the Institute of Legal Responsibility // Alley of Science. 2017. T. 2. No. 15. P. 518–522.

6. Duyunov V. K. On the draft concept of legal policy in the field of legal responsibility // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Law". 2016. No. 1–2. P. 173–175.

7. Zelepukin A. A. The principles of Russian law // The principles of Russian law: general theoretical and sectoral aspects / ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. Saratov: Publishing House of the SSLA, 2010. P. 145–176.

8. Kuzmin I. A. The system of law and the system of legal responsibility: monograph. Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2018. 163 p.

9. Kuzmin I. A. System model of legal responsibility: monograph. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation; Type of. Irkut, 2018. 186 p.

10. Markunin R. S. The system of legal responsibility of public authorities: a research methodology // Legal policy and legal life. 2019. No. 1. P. 142–146.

11. Nikischenkova M. A. Consistency of the system of law and the system of legislation // Vestn. Kazan. Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 163–167.

12. Prokopovich G. A. Theoretical problems of the legal liability system // Agricultural and land law. 2015. No. 6. P. 57–60.

13. Pyanov N. A. Theory of state and law. In 2 hours. Part 2. Theory of law: textbook. allowance. Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2011. 391 p.

14. Development of a draft concept of legal policy in the field of legal responsibility: materials of the All-Russian scientific and practical conference "Round table of magazines" State and Law","Legal Policy and Legal Life ","Vector of Science of TSU. Series: Jurisprudence "on the theme:" Development of a draft concept of a legal policy in the field of legal responsibility "/ Tolyatti State University, Saratov Fil. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; [ed.: A. V Malko, D. A. Lipinsky]. Moscow: RIOR, 2015. 203 p.

15. Sazonova K. L. Foundations of international legal responsibility of states in international law // Legal Science. 2012. No. 4. P. 77–79.

16. Senyakin I. N. Federalism as a principle of Russian legislation. Saratov: Publishing House of the SSLA, 2007. 504 p.

17. Solovyova S. Yu. Some issues of the conflict of the institute of legal responsibility // Tomsk State University Journal. Nizhny Novgorod Law Academy. 2016. No. 10. P. 59–60.

18. Titova A. A. To the question of the influence of the backbone function of the Constitution of the Russian Federation on the system of Russian legislation // Leningrad Journal of Law. 2014. No. 4. P. 193–201.

19. Tonkov E. E., Sinenko V. S. Complex sectors in the system of law and the system of legislation // Journal of Russian Law. 2016. No. 11. P. 5–12.

20. Khalfina R. O. The criterion of truth in legal science //Soviet state and law. 1974. No. 9. P. 20–28.

21. Cherenkova E. E. The system of law and the system of legislation of the Russian Federation: concept and correlation: author. dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2006. 26 p.

22. Churakov A. N. The principles of legal responsibility: author. dis. ... cand. legal sciences. Volgograd, 2000. 19 p.

23. Shminke A. D. The system of law and the system of legislation of Russia: questions of methodology: author. dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2012. 32 p.

24. Yastrebov O. A. Principles of legislation on administrative offenses: issues of improvement // Bulletin of the University. O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy). 2015. No. 8. P. 148–153.

Е.А. Летягина*

УДК 34.01
ББК 67.3
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.002

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются исторически сложившиеся тенденции развития системы норм, предусматривающих наказание за общественно-опасные деяния против судебной власти, определены этапы законотворчества и их характерные особенности, рассмотрен нормотворческий подход к указанной категории преступлений в исторической ретроспективе.*

Ключевые слова*: судебная власть, преступления против судебной системы, правосудие, история становления законодательства.*

HISTORICAL STAGES AND PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST JUSTICE

Annotation. *This article discusses the historical trends in the development of the system of norms providing for punishment for socially dangerous acts against the judiciary, defines the stages of lawmaking and their characteristics, considers the normative approach to this category of crimes in historical retrospect.*

Key word: *judicial power, crimes against the judicial system, justice, history of legislation.*

История российской государственности и правовых норм обусловлены историческими событиями, развитием и функционированием общества в целом, а также формированием определенных потребностей различных социальных слоев, которые позволяют определить основные этапы (вехи) функциональной дифференциации государственной власти, приведшей к постепенному выделению судебной власти в самостоятельную ветвь.

Такая поэтапная дифференциация и позволила выделить правосудие в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, предусмотреть достаточное количество составов противоправных виновных наказуемых деяний, чтобы обезопасить функционирование системы в целом, как от посягательств самих представителей власти, так и от лиц, не связанных с ней.

* ***Летягина Екатерина Александровна***, директор института землеустройства, кадастров и природообустройства Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Красноярский государственный аграрный университет», кандидат юридических наук. E-mail: let_k@mail.ru

Letyagina Ekaterina Aleksandrovna, Director of the Institute of land management, cadastre and environmental management Federal state budgetary educational institution «Krasnoyarsk state agrarian University», PhD in law.

Развитие правовых норм, в том числе и уголовного отрасли права, а также его составной части (норм, обеспечивающих защиту суда), неразрывно связаны с указанными выше факторами, что позволяет выделить в развитии составов преступлений, посягающих на судебную систему, несколько этапов, каждый их которых имеет свои особенности.

Первый этап характеризуется становлением русской (российской) государственности. В данный период уровень дифференциации государственной власти был достаточно низким, характеризовался упрощенной системой организации власти и управления жизнедеятельностью общества. Государственная власть была сосредоточена в одном источнике, являлась неделимой. По вполне понятным причинам органов суда как обособленного аппарата, призванного осуществлять правосудие от лица государства, не существовало, а, соответственно, составы общественно-опасных деяний, связанные охраной данной деятельности, отсутствовали. Их прообразами выступают нормы, охраняющие государственную власть как таковую.

На следующем этапе развития происходит усложнение механизма организации и функционирования государственной власти. Постепенно, с дифференциацией жизнедеятельности общества, возрастает потребность в разветвленной многоуровневой системе государственных институтов, что и предопределяет процесс разделения власти на самостоятельные ветви. Соответственно, судебные функции передаются различным властным источникам, что и обуславливает процесс появления разветвленной иерархии органов, осуществляющих правосудие.

Указанные процессы и определяют появление первых составов противоправных деяний, связанных с защитой судебных правоотношений. Они встречаются уже в Пространной редакции «Русской Правды».

В целом, характеризуя этот этап развития нормотворчества, в части уголовной охраны судопроизводства, следует отметить, наличие новых самостоятельно разработанных ранее не существовавших составов противоправных деяний «о поклепе» (ст. 18–22 Пространной редакции «Русской Правды»), которые явились прообразами таких преступлений как «Заведомо ложный донос» (ст. 306 УК РФ), «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела» (ст. 299 УК РФ) и др.

Нельзя сказать, что нормы, направленные на защиту судопроизводства, содержались только в «Русской правде». С наступлением феодальной раздробленности на Руси количество источников права значительно возрастает. Так, например, ст. 38 Краткой редакции Устава князя Ярослава, регламентирует ответственность за вмешательство в деятельность церковных судов [1, с. 170] ст. 48 Псковской судной грамоты устанавливает ответственность волостеля (главы волости, исполнявшего административные, финансовые и судебные функции) за вымогательство посула (взятки) [2, с. 336].

Кроме того, интерес с точки зрения формирования норм, защищающих правосудие, представляет Новгородская судная грамота, действовавшая как источник права, Великом Новгороде (XII – XV вв.).

Подвергая анализу систему управленческого аппарата Новгорода и непосредственно структуру государственной власти в это время, следует отметить, что исторические факторы повлияли на рассредоточенность властных полномочий между несколькими субъектами.

Указанные обстоятельства государственного развития определили разделение функций по реализации судопроизводства между несколькими субъектами. Так, су-

дебные функции реализовывали в рамках своих обязанностей и владыка, и князь, а также вече и его должностные лица, с учетом соответствующей подведомственности. При этом по-прежнему судопроизводство не функционировало обособленно, а лица его осуществляющие исполняли и другие властные полномочия.

Анализируя Новгородскую судную грамоту в части наличия норм, охраняющих правосудие, следует отметить, что появляются новые преступления, которые выступают прообразом различных составов противоправных общественно-опасных деяний, предусмотренных действующим УК РФ. Например, формируются запреты, направленные на воспрепятствование злоупотреблению полномочиями субъектами, исполняющими судебные функции, запреты, направленные на обеспечение исполнение судебных решений и др.

Таким образом, «судопроизводство» в широкой трактовке данного понятия начинает обеспечиваться защитой не только от преступных посягательств «извне», но и от внутрисистемных общественно-опасных деяний «изнутри» [3, с. 17].

Однако необходимо четко определять, что на данном этапе развития правосудие не представляло обособленной ценности для социума, соответственно, не являлось отдельным объектом охраны уголовной отрасли права.

С учетом указанного факта, составы преступлений, обеспечивающие защиту правосудия, были рассредоточены в источниках права, а процесс их консолидации только начинался. Целостная система указанных уголовно-правовых норм, как и раньше, отсутствовала, однако следует констатировать, что в этот период складываются предпосылки к ее формированию.

Следующий исторический период развития соответствующих норм уголовного права был связан с «Московским этапом» развития русской государственности в XIV – XVI вв. и определялся сменой существовавшей ранее дворцово-вотчинной системы на приказную.

В это время дифференциация судебных функций продолжается, однако, при осуществлении приказами своих полномочий все еще не было окончательного разделения административных и судебных властных функций между субъектами власти. Соответственно, правосудие выступало в первую очередь как вид административной деятельности, а нормы, его охраняющие, характеризовались определенной степенью казуистичности.

С учетом особенностей функционирования государственных органов власти и постепенным ростом степени их разветвленности, усиления поступательной тенденции к обособленности судебных функций, можно говорить о начале процесса консолидации составов преступлений против судопроизводства. Вместе с тем, необходимо понимать, что речь идет лишь о первых результатах этого процесса, соответственно определенная рассредоточенность соответствующих норм в разных главах правовых источников все еще сохраняется.

Например, неправосудие, ответственность за которое устанавливалась еще Судебниками 1497 и 1550 гг., относилось к должностным общественно-опасным деяниям, а лжеприсяга и лжесвидетельство посягали на православную веру [4, с. 417].

Еще одной тенденцией данного периода развития является увеличение количества составов преступлений против судопроизводства за счет появления новых. Например, в Судебнике 1550 г. впервые появляется такой состав преступления, как вынесение неправосудного решения в результате получения взятки [5, с. 97].

Следующий этап развития государства и права, в том числе развития иерархии судебных органов, приходится на вторую половину XVII – конец XVIII в.

Указанный период определяется следующими процессами:

– последовательным усложнением и увеличением количества составов, обеспечивающих защиту судопроизводства;

– ростом степени структурной консолидации уголовно-правовых запретов, обеспечивающих эффективное исполнение судебных полномочий.

Данные процессы привели к появлению в Соборном уложении 1649 г. (далее – Уложение) главы «О суде», где сосредоточены основные составы соответствующей категории общественно-опасных деяний.

Анализируя указанную главу, следует отметить, что многие ее нормы носят процессуальный характер, а также касаются других отраслей материального права. Однако, что очень важно, в ней зафиксированы такие преступления как злоупотребление субъектов, отправляющих правосудие (чиновников), а также составы посягательств на судебную систему со стороны лиц, не обладающих судебными полномочиями.

Не смотря на определенный «прорыв» в направлении консолидации норм, говорить о том, что процесс структурного сосредоточения норм, охраняющих судебную власть, завершилась на данном этапе, не приходится, поскольку достаточное количество преступлений против судебной системы по-прежнему находилось в других главах правового источника. Например, лжесвидетельство и лжеприсяга не были помещены в главу 10, а были расположены в 11 главе, недоносительство и укрывательство отдельных видов преступлений – в 21 главе Уложения.

Начало следующего этапа развития правовых норм, призванных защищать судебную систему, связано с «эпохой» Петра I.

В этот период появился «Артикул воинский с кратким толкованием», в который были помещены встречающиеся ранее составы преступлений. Например, принесение лжеприсяги (арт. 196), лжесвидетельство (арт. 198) и др. [6, с. 326]. Следует отметить, что формально указанный источник права не отменил действие Уложения.

Кроме того, необходимо констатировать, что отечественное законодательство этого периода по-прежнему недостаточно определенно разграничивало преступления против суда и общественно-опасные деяния против управления, а также должностные уголовно-наказуемые деяния.

При этом указанные выше нормотворческие процессы продолжаются, а факторы их определяющие усиливают свое действие.

Характеризуя последующий период развития, необходимо отметить, что во второй половине XIX веке сложилась определенная система российских судебных органов, которая будет существовать до революции 1917 года.

В это время отмечается значительная степень дифференциации государственных органов, в том числе и судебных. Разделение исполнительных и судебных функций было связано, в том числе, и с признанием государством самостоятельной ценности общественных отношений в сфере судопроизводства. Этот процесс определил выделение правосудия в обособленный объект уголовно-правового регулирования, что нашло свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором содержится глава «о Неправосудии» [3, с. 21]. Кроме того, необходимо отметить наличие достаточно разветвленного аппарата субъектов, обеспечи-

вающих функционирование и реализацию судебных полномочий. Так, в окружных судах были учреждены должности прокуроров, которые обеспечивали руководство следствием, обвинение, а также осуществляли надзорные функции за реализацией судебных решений.

Возрастает степень определенности полномочий самого суда. Так, на него возлагалась обязанность объявить подсудимого невиновным, освободить от наказания и т.п.

Последующее за ними Уголовное уложение 1903 г. также предусматривало главу «О противодействии правосудию», которая включила в себя достаточно широкий круг общественно-опасных противоправных деяний, предусматривающих посягательства на судебную систему лиц «извне».

Характеризуя указанный этап развития соответствующих норм уголовного права в целом, следует отметить, что консолидация запретов, охраняющих судебную власть, не завершилась и отдельные составы преступных деяний, например, совершаемых представителями судебной системы, по-прежнему не были включены в специализированную главу.

Следующий этап развития законодательной базы, обеспечивающей интересы судопроизводства, связан уникальностью процессов становления государственной власти в постреволюционной России.

Первые источники уголовного права не содержали отдельной главы, где бы сосредотачивались соответствующие уголовно-правовые составы.

В уголовных кодексах РСФСР, принятых в 1922 и 1926 гг., преступления против судопроизводства были рассредоточены по четырем главам и относились к преступлениям против жизни, здоровья и достоинства личности, к должностным противоправным деяниям, контрреволюционным деяниям и деяниям против порядка управления [7, с. 16].

Такое расположение норм являлось вполне закономерным на данном этапе исторического развития, поскольку сосредоточенность всех видов власти в одном источнике в этот период достигла максимальной концентрации.

Признание самостоятельной, особой значимости отношений в области судопроизводства как специфичной юрисдикционной сферы деятельности соответствующих субъектов стало возможным лишь с началом периода «оттепели» в советском обществе во всех сферах его функционирования.

Политические изменения этого времени привели к появлению в УК РСФСР 1960 г., главы, где сосредоточились составы общественно-опасных виновных противоправных деяний в сфере судопроизводства. Этот факт свидетельствовал о признании особой ценности указанного правовой деятельности, не связанной исключительно только с задачами строительства нового общества.

При этом в период действия данного законодательного источника, нормы указанной главы достаточно часто подвергались редакции, она укрупнялась за счет помещения новых составов, объектом посягательства которых государство признало именно общественные отношения, складывающиеся в сфере исполнения судебных полномочий [8, с. 16].

Следующий виток развития законодательства связан с историческими событиями современной России, которые определили необходимость приятия новых кодифицированных законов.

Уголовный кодек 1996 г. включил в состав главы «Преступления против правосудия» как деяния, направленные против собственно деятельности суда, так и про-

тив деятельности органов, содействующих ему в реализации соответствующих задач и функций.

Основная тенденция законотворчества в отношении преступлений против правосудия в это время была связана в первую очередь с расширением приделов ответственности по определенным составам преступлений, конкретизацией квалифицирующих признаков, введением определенных формулировок составов.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что определяемое развитием социума и институтов, им управляющих, законотворчество поэтапно развивалось по пути выделения судебной власти как независимого объекта уголовно-правовой охраны, позволяющего сформировать систему соответствующих запретов, исходя из «широкой» трактовки правосудия, как определенной иерархической системы, обеспечивающих эффективное, регламентированное действующим законодательством функционирование суда и органов, содействующих суду в выполнении судебных полномочий.

Библиографический список

1. *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. – 178 с.

2. Российское законодательство X-XX веков, В 9-ти томах, Т. 1. Законодательство Древней Руси // Отв. ред.: Янин В.Л. /Под общ. ред. Чистякова О.И. – М.: Юридическая литература, 1984. – 432 с.

3. *Лобанова Л.В*. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. – 268 с.

4. *Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С*. Курс уголовного права. Т. 5. Особенная часть. – М.: Зерцало, 2002. – 512 с.

5. Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти томах, Т. 2 Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства // Отв. ред.: Горский А.Д. /Под общ. ред. Чистякова О.И. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

6. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 // Отв. ред.: Маньков А.Г. / Под общ. ред. Чистякова О.И. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.

7. *Голоднюк М*. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 1996. – № 6. – С. 16–25.

8. *Кулешов Ю.И.* Некоторые аспекты эволюции правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в российском законодательстве // История государства и права. – М.: Юрист, 2010. – № 14. – С. 12–16.

Bibliographic list

1. Sverdlov M.B. From Russian Law to Russian Truth. Moscow: Legal literature, 1988. 178 p.

2. Russian legislation of the X-XX centuries: In 9 volumes. T. 1. Legislation of Ancient Russia // Otv. Ed . Yanin V.L. /Under the total. ed. Chistyakov O.I. Moscow: Legal literature, 1984. 432 p.

3. Lobanova L.V. Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation. Volgograd: Publishing house of the Volgograd State University, 1999. 268 p.

4. Borzenkov G.N., Komissarov V.S. Criminal Law Course. T. 5. The special part. Moscow: Mirror, 2002. 512 p.

5. Russian legislation of the X-XX centuries: In 9 volumes, T. 2 Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state // Otv. Ed . Gorsky A.D. / Under the total. ed. Chistyakov O.I. Moscow: Legal literature, 1985. 520 p.

6. Russian legislation of the X-XX centuries: Legislation of the period of the formation of absolutism: In 9 volumes. T. 4 // Otv. Ed. Mankov A.G. / Under the total. ed. Chistyakov O.I. Moscow: Legal literature, 1986. 512 p.

7. Golodnyuk M. Issues of the development of legislation on crimes against justice // Bulletin of Moscow University. Episode 11: Right. 1996. No. 6. P. 16–25.

8. Kuleshov Yu. I. Some aspects of the evolution of legal norms on responsibility for crimes against justice in Russian legislation // History of the state and law. Moscow: Lawyer, 2010. No. 14. P. 12–16.

А.А. Мазурин*

УДК 340.15
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.007

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. *Автор статьи предпринимает попытку рассмотреть основные закономерности возникновения, функционирования и развития мусульманского права, а также привести современную квалификацию рассматриваемого феномена через призму отдельных государств мусульманской правовой семьи.*

Ключевые слова: *мусульманское право (шариат), ислам, Коран, Аллах, правовые системы, школы (масхабы) мусульманского права, источники, религия, система наказаний.*

MAIN TENDENCIES OF APPEARANCE AND DEVELOPMENT OF MUSLIM LAW

Annotation. *The author of the article reveals the main tendencies of appearance, functioning and development of muslim law. He also gives modern qualification of this phenomenon through the observance of definite states of muslim legal family.*

Key words*: muslim law (sharia), Islam, Koran, Allah, legal systems, schools (madhhabs) of muslim law, sources, religion, penal system.*

Мусульманское право (шариат) является разновидностью религиозных правовых систем современности наряду с индусским и обычным правом восточных государств, а также в основном африканского и отчасти других континентов (Иран, Ирак, Пакистан, Судан, Индия, Сингапур, Бирма, Малайзия, Египет, Ливан, Афганистан, Саудовская Аравия, Чад, Тунис, Сомали и др.).

С учетом того, что шариат очень тесно переплетается с религиозными нормами самой молодой религии (ислама), хотя, в целом, мусульманское право не сливается с религией и не выступает частью ислама как религиозной системы, рассмотрим некоторые аспекты возникновения данного института.

Становление мусульманско-правовой мысли обусловлено возникновением на Аравийском полуострове в начале VII в. новой для арабов монотеистической религии – *ислама*. Слово «ислам» означает «предания себя божьей воле, покорность». Монотеистическая религия отвечала потребности объединения, вытесняя племенные культуры, поощрявшие раздробленность [1, с. 134].

Формирование ислама неотделимо от деятельности пророка *Мухаммеда* (570–632 гг.). Мухаммед родился около 570 года в городе Мекке в небогатой семье и принадлежал к племени *курейшитов*, составлявших большинство населения этого города. Мухаммед рано осиротел, испытал нужду, служил пастухом и приказчиком. Около 610 г. он выступил с проповедью, в которой предрекал скорый конец мира и страш-

* ***Мазурин Александр Альбертович***, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
E-mail:shura.mazurin2016@yandex.ru

Mazurin Alexander Albertovich, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of legal sciences.

ный суд, призывал соплеменников отказаться от почитания идолов, собранных в Мекке, и поклоняться единому Богу – *Аллаху*, объявлял себя его пророком. Но, проповедь Мухаммеда встретила хороший прием только в Ясрибе (Медине), куда пророк сбежал после того, как его не приняли в Мекке.

Из Ясриба Мухаммед начал успешную войну с верхушкой курейшитов. В итоге Мекка сдалась, население приняло ислам, а Мухаммед возглавил общину верующих не только как религиозный лидер, но и как правитель.

Как отмечал Рене Давид, мусульманское право, в отличие от других правовых систем, не является самостоятельной отраслью науки. Оно лишь одна из сторон религии ислама. Эта религия содержит, во-первых, теологию, которая устанавливает догмы и уточняет, во что мусульманин должен верить; во-вторых, шар, то есть предписание верующим, что они должны делать и чего не должны делать. Шар, или *шариат*, означает в переводе «путь следования» и составляет то, что называют мусульманским правом [2, с. 382].

Шариат представляет собой свод религиозных и правовых норм, составленный на основе Корана и Сунны, содержащий нормы государственного, наследственного, уголовного и брачно-семейного права [3, с. 495]. Таким образом, шариат – это правовые предписания, неотъемлемые от теологии ислама, тесно связанные с его религиозно-мистическими представлениями. Ислам рассматривает правовые установления как частицу единого божественного закона и порядка.

Тесная связь права с теологией ислама нашла свое выражение в установлении в шариате пяти видов действий мусульманина, которым придавался в равной мере правовой и морально-религиозный смысл: обязательные; рекомендуемые; дозволенные; предосудительные (но не влекущие за собой применения наказания); запрещенные и подлежащие наказанию [4, с. 194].

Основная тенденция шариата – оценка различных жизненных обстоятельств с точки зрения религии. Поэтому не случайно, что одной из особенностей норм, составляющих шариат, является то, что они применяются только к мусульманам и в отношениях между ними. Кодекс шариата подразделяется на три основные части: ибадат (обязанности, относящиеся к религиозному культу), муамалят (чисто юридические нормы) и укубат (система наказаний) [5, с. 134].

Предписания шариата многочисленны и строги. Они определяют все нормы взаимоотношений человека в семье и обществе, регулируют гражданские правоотношения, порядок разрешения имущественных споров. За нарушение норм шариата предусмотрена очень жесткая система наказаний (достаточно вспомнить публичные казни в Чечне, провозгласившей приверженность шариату).

Мусульманское право – сложное социальное явление, имеющее долгую историю развития. Оно возникло в период разложения родоплеменного строя и становления раннефеодального государства на западе Аравийского полуострова.

Мусульманское право как система юридических норм образовалась не сразу. В начальный период развития ислама и мусульманской общины юридические и иные правила поведения практически не различались. Не случайно в это время мусульманская догматика (богословие) и правоведение тесно переплетались и не составляли самостоятельных направлений мусульманской идеологии.

Мусульманское право оказало глубокое влияние на историю развития государства и права целого ряда стран Востока. Сфера его действия как юридического и идеологического фактора, в настоящее время, остается весьма обширной, что обу-

словлено тесными связями мусульманского права с исламом, как религиозной системой, которая до сих пор имеет едва ли не определяющее значение для мировоззрения самых широких слоев населения в этих странах. Из всех мировых религий ислам, пожалуй, наиболее тесно соприкасается с государством и правом.

Становление мусульманско-правовой мысли шло по нескольким направлениям. Прежде всего, оно включало запись и составление сборников *хадисов* – собраний текстов, содержащих приписываемые Мухаммеду изречения. Среди них одним из самых авторитетных является «Сахих» имама Аль-Бухари (810–870 гг.), представляющего собой систематизацию более 7 тысяч преданий по предметному принципу [1, с. 135]. Совокупность хадисов составляют *Сунну* – второй источник мусульманского вероучения [6, с. 99].

Другая часть юридически значимых норм сложилась в результате жизнедеятельности, поведения Мухаммеда. Позднее и те, и другие нормы нашли отражение в первичных источниках мусульманской религии и права. «Однако их было мало для системного регулирования всей совокупности правовых отношений мусульманской общины, а потому после смерти Мухаммеда его нормотворческую деятельность продолжили ближайшие сподвижники «праведные» халифы Абу-Бекра (632–634 гг.), Омар (634–644 гг.), Осман (644–656 гг.) и Али (656–661 гг.). Опираясь на Коран и Сунну, они формулировали новые правила поведения, соответствующие на их взгляд, воле Аллаха и Мухаммеда» [7, с. 619].

В случае же «молчания» Корана и Сунны нормы устанавливались совместным усмотрением либо единолично каждым халифом.

На раннем этапе становления мусульманской правовой доктрины произошел раскол ислама. К этому привели события, случившиеся после смерти Османа – халифа из крупнейшего знатнейшего рода Омейя. Халиф раздавал своим многочисленным родственникам земли и посты в завоеванных странах. Это вызвало недовольство арабов из покоренных областей, их поддержало население Медины (так стал называться город Ясриб после того, как стал прибежищем Мухаммеда).

Османа убили в 656 г., а четвертым халифом провозгласили Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. Но наместник Сирии Муавия, родственник Османа, начал вооруженную борьбу против Али. В этой связи, возникла секта *хариджитов*. Члены данной секты считали, что только община может избирать и низлагать халифов, а последним мог стать любой благочестивый мусульманин независимо от его племенной принадлежности. Но так как ни Али, ни Муавия община не избирала, хариджиты обоих считали узурпаторами [6, с. 102]. В 661 г. ими был убит Али, а покушение на Муавию им не удалось. Он провозгласил себя халифом, основав династию Омейядов, правившую почти век, до 750 г.

Таким образом, все эти события имеют основополагающее значение для мусульманского права, так как именно они обусловили раскол: сторонники Муавии стали называться *суннитами*, что значит «люди традиции», противники Муавии – *шиитами* (от шиат-Али-партия Али).

Сунниты считали, что халифом может быть исключительно выходец из племени курейш, а шииты – что верховная власть должна принадлежать только прямым потомкам Али. В настоящее время шиитское течение составляет меньшинство, всего около 10% мусульман. Основанием раскола послужили разногласия по поводу того, кому стать халифом. Впоследствии, появились идеологические основы понимания, установления верховной власти и способы ее осуществления.

Наряду с этим, возникают различные школы (масхабы). Первая получила название *мекканская* – «сторонники священного предания» (аскабаль-хадис), так как она основывалась на Коране и Сунне. Вторая (масхаб ар-рай), «сторонники самостоятельного суждения» – распространялась на территории Ирана. Ими был разработан и апробирован *метод аналогической дедукции* (*кияс*, араб. сопоставление, сравнение), упростивший анализ правовых явлений. Значение данного метода трудно переоценить, так как, он вошел в основу одного из источников мусульманского права, наряду с Кораном и Сунной [2, с. 388].

Вместе с методом суждения по аналогии (кияс), возникла *иджма*, «согласие, единодушное мнение или решение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу». Реализация конкретных вопросов получило силу закона и отдельное толкование при одобрении мусульманской общины.

Таким образом, иджма является результатом решений конкретной авторитетной группы теологов и юристов. Она, как и кияс, признается многими мусульманскими правоведами источником мусульманского права VIII-IX вв. До X в. существенное влияние на развитие мусульманского права оказали исламские правоведы и мусульманские судьи – *кади*. Они сыграли значительную роль в формировании мусульманской правовой системы, а некоторые исследователи стали определять мусульманское право как право юристов.

К X в. мусульманское правоведение окончательно сложилось как самостоятельная дисциплина, относящаяся к категории религиозных наук.

Предметом мусульманского права выступают: 1) *батат* – нормы, определяющие отношение верующих с Аллахом (правила культа и исполнения религиозных обязанностей); 2) *муамалат* (в своей основе, гражданское право) – нормы, регулирующие взаимоотношения между людьми, государством и подданными. Эволюция мусульманского права в суннитской среде ознаменовалась рождением четырех школ (масхабов) суннитского законоведения.

К XIII в. мусульманское право практически утратило свою целостность и стало правом полидоктринальным, разделенным на разные ветви. Обязанность придерживаться конкретной юридической школы обеспечивалась государством, его правовой политикой. В результате национальное мусульманское право оказалось раздробленным и разведенным по разным национально-государственным образованиям.

Дальнейшее развитие мусульманской правовой доктрины шло по пути последовательного устранения внутренних противоречий, несогласованностей, существующих в рамках того или иного толка, а также создание общих положений, принципов единых для всех мусульманских правовых школ. Эти нормы-принципы придали мусульманскому праву логическую целостность, стройность и значительно повысили его регулятивный потенциал.

Взяв за основу масштабы применения норм мусульманского права и степень их влияния на действующие законодательства, можно предложить следующую классификацию современных правовых систем.

Первую группу составляет правовые системы Саудовской Аравии и Ирана, где мусульманское право продолжает применяться максимально широко. Прежде всего, его нормы и принципы оказывают глубокое влияние на конституционное законодательство и сложившуюся здесь форму правления. Конституция Ирана, например, закрепляет положение об обязательном соответствии шариату (шариат – предписание

верующим: чего они должны и чего они не должны делать) всех принимаемых законов. Во исполнение данного положения здесь изданы законы, ориентирующиеся на закрепление в своих статьях общих принципов и конкретных норм той или иной школы мусульманского права: ханбалистской в Саудовской Аравии и джафаритской в Иране.

Если в Саудовской Аравии мусульманское право никогда не уступало своей роли явно преобладающего источника права, то в Иране оно вновь заняло ведущее место только после свержения шахского режима, в результате проводимого руководством исламской республики курса на исламизацию всех сторон общественно-политической, экономической и государственной жизни страны, и даже сферы личных интересов граждан. В подтверждение этого можно указать на введение системы строгих, а порой жестоких наказаний за малейшее нарушение не только юридических, но и моральных норм, относящихся, в частности, к одежде и формам проведения досуга мусульман. Действующие в стране мусульманские суды, вопреки элементарным требованиям справедливости и демократической законности, строго придерживаясь мусульманских норм при рассмотрении дел, нередко допускают явные нарушения и творят произвол.

Вторую группу составляют правовые системы Ливии (до 2011 г.), Пакистана, Судана. Хотя сфера действия мусульманского права не является здесь столь всеобъемлющей как в первой группе, но все же остается весьма существенной, в последние десятилетия даже обнаруживают тенденцию к расширению. Прежде всего, принципы и нормы мусульманского права оказывают заметное влияние на основные акты конституционного характера и деятельность государственного механизма этих стран. Так, военный режим Пакистана оправдывал отказ от всеобщих выборов тем, что они якобы "не отвечают принципам ислама". В Ливии в 1977 г. Коран вообще был объявлен "законом общества", заменяющим обычную конституцию.

Во всех перечисленных странах второй группы, мусульманское право без каких-либо изъятий продолжает регулировать отношения личного статуса, сохраняются мусульманские суды.

Еще одну многочисленную группу составляют правовые системы большинства арабских стран: Египта, Сирии, Ирака, Ливана, а также ряда стран Африки (Сомали, Мавритании) и Азии (Афганистан).

Их конституционное право закрепляет, как правило, особые положения ислама и мусульманского права. Так, конституции многих из них предусматривают, что главой государства может быть только мусульманин, а мусульманское право является источником законодательства. Данное конституционное положение практически реализуется в других отраслях права и судоустройства. Но с другой стороны, в некоторых из стран (Ирак, Сирия) наблюдается определенная демократизация мусульманско-правовых положений семейного законодательства.

И, наконец, особое положение занимают правовые положения Туниса и Народно-Демократической республики Йемен (НДРЙ). Их брачно-семейные законодательства отказываются от ряда основополагающих институтов мусульманского права: например, в Тунисе законодательно запрещена полигамия, а семейный кодекс НДРЙ в 1974 году, по существу наделил женщину равными правами с мужчинами в семейных отношениях.

Мусульманская правовая форма неразрывно связана с религией, оказывающей до сих пор громадное воздействие на народные массы. Из всех современных миро-

вых религий ислам, пожалуй, наиболее тесно соприкасается с политикой, государством и правом. Связывающим звеном здесь и выступает мусульманское право. При этом оно отказывает воздействие на современное правовое развитие стран Востока, прежде всего через правовую идеологию и правовую психологию. Можно сказать, что сфера действия мусульманского права как идеологического фактора оказывается значительно шире, нежели рамки применения его конкретных нормативных предписаний. Иными словами, нормативистский подход к мусульманскому праву, изучению его как совокупности норм, порождающих конкретные права и обязанности, в действительности оказываются недостаточным для понимания того места, которое мусульманское право занимает в современных правовых системах и во всей правовой надстройке рассматриваемых стран.

Не случайно, в ряде стран был взят курс на конкретизацию норм мусульманского права и их закрепление в действующем законодательстве. Так, в Иране, Пакистане, Судане сфера его действия охватывает не только "личный статус", но и уголовное право и процесс, отдельные виды финансово-экономических отношений и даже институты государственного права.

Подобная практика развития правовых систем ряда стран, в последние годы, вносит известные коррективы и в структуру действующего здесь мусульманского права, отдельные нормы и институты которого, ранее вытесненные законодательством, заимствующим западные правовые модели, вновь возрождаются и начинают применяться на практике.

Подводя итог нашему исследованию, необходимо отметить, что нормы шариата не утратили свою актуальность и сегодня. Как минимум, в 28 странах, где ислам признан государственной или официальной религией (Иран, Ирак, Кувейт, Марокко, Саудовская Аравия, Пакистан и др.), нормы шариата, непосредственно регулируют или оказывают существенное влияние на государственное регулирование широкого круга общественных отношений в основных сферах функционирования государства и общества.

Библиографический список

1. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., Норма, 2004. – 934 с.

2. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. – М., 1988. – 496 с.

3. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997. – 526 с.

4. *Радугин А.А.* Введение в религиоведение: теория, история и современные религии. Курс лекций. 2-е изд., дополн. – М., Центр, 2000. – 240 с.

5. *Васильев Л.С.* История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). Учеб. пособ. для вузов. – М., Высшая школа, 1983. – 368 с.

6. История политических и правовых учений: Учеб. для вузов / Под ред. О.В. Мартышина. – М., 2004. – 791 с.

7. *Ацамба Ф.М.* История религии / Высшая школа. Книга 2. – 2004. – С. 640.

Bibliographic list

1. History of political and legal doctrines: Textbook for universities. / Ed. V.S. Nersesyants. Moscow, Norma, 2004. 934 p.

2. David R. Basic legal systems of our time. Moscow, 1988. 496 p.

3. Legal encyclopedia / Ed. M.Yu. Tikhomirov. Moscow, 1997. 526 p.

4. Radugin A.A. Introduction to Religious Studies: Theory, History and modern religions. Lecture course. 2nd ed. Moscow, Center, 2000. 240 p.

5. Vasiliev L.S. History of religions of the East (religious and cultural traditions and society). Textbook benefits for universities. Moscow, Higher school, 1983. 368 p.

6. History of political and legal doctrines: Textbook. for universities / Ed. O.V. Martishin. Moscow, 2004. 791 p.

7. Atamba F.M. History of religion / Higher school. Book 2. 2004. P. 640.

Д.А. Липинский[*]
Н.В. Макарейко[**]

УДК 340.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019. 15.03.016

СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕР ЗАЩИТЫ[***]

Аннотация. *В статье проведена дифференцированная характеристика юридической ответственности и мер защиты. Определены критерии разграничения названных форм государственного принуждения. Обосновано, что юридическая ответственность и меры защиты органически встроены в систему государственного принуждения и решают широкий круг правоохранительных задач. Они относятся к самостоятельным формам государственного принуждения. Связи между юридической ответственности и мерами защиты проявляются как на уровне нормативного правового регулирования, так и правоприменения. Они не конкурируют, а взаимодействуют между собой на различных стадиях правоохранительной деятельности.*

Ключевые слова: *государственное принуждение; юридическая ответственность; меры защиты; санкции; национальная безопасность; нормативная основа мер защиты; функции мер защиты.*

RELATIONSHIP OF LEGAL RESPONSIBILITY AND PROTECTION MEASURES

Annotation. *The article presents a differentiated characteristic of legal liability and protection measures. The criteria of differentiation of the named forms of state coercion are defined. It is proved that legal responsibility and protection measures are organically built into the system of state coercion and solve a wide range of law enforcement tasks. They are independent forms of state coercion. The links between legal liability and protection measures are evident at both the regulatory and enforcement levels. They do not compete, but interact with each other at various stages of law enforcement.*

Key words: *government enforcement; legal liability; protection measures; sanctions; national security; the regulatory framework of protective measures; the functions of the protection measures.*

[*] ***Липинский Дмитрий Анатольевич***, профессор департамента магистратуры Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: Dmitri8@yandex.ru.

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Professor, Department of magistracy, Togliatti state University, doctor of law, Professor.

[**] ***Макарейко Николай Владимирович***, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Makareiko Nikolay Vladimirovich, Professor of chair administrative law and process in Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, doctor of legal Sciences, associate Professor.

[***] Статья выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00083 A "Legal responsibility in the mechanism of national security".

Вопросы государственного принуждения, его форм и отдельных мер традиционно привлекают внимание исследователей. Широкая линейка мер государственного принуждения порождает проблему классификации, которая имеет не только доктринальное, но и выраженное прикладное значение. Сложный характер государственного принуждения, неоднородный характер образующих его мер предопределили наличие разнообразных подходов к его классификации. При этом, наиболее важным критерием его классификации выступает цель применения и способ обеспечения правопорядка.

В этой связи Ж.И. Овсепян, по сути, используя данный критерии, выделяет минимальную структуру государственного принуждения, что позволило назвать следующие формы (виды) государственного принуждения:

– институт государственно-правового принуждения, связанный с применением мер юридической ответственности;

– институт государственно-правового принуждения, связанного с осуществлением восстановительных мер (мер защиты);

– институт государственно-правового принуждения, выраженного в системе мер пресечения;

– институт государственно-правового принуждения, представляющего собой систему мер предусмотрительного характера [1, с. 202].

Анализ существующих доктринальных подходов позволяет сделать вывод, что практически все исследователи выделяют в качестве самостоятельных форм государственного принуждения юридическую ответственность и меры защиты (правовосстановления). Такой подход может быть объяснен тем, что меры названных форм государственного принуждения наиболее часто применяются в правоприменительной практике, при этом реализуются во взаимосвязи. Этим можно объяснить тот факт, что некоторые исследователи не проводят между ними различия. Так, О.Э. Лейст критикуя позицию авторов, которые разделяют юридическую ответственность и меры защиты считает, что такая позиция является результатом недооценки процессуального аспекта в характеристике юридической ответственности. Он считает, что отказ от проведения различия между названными формами государственного принуждения означает применение мер защиты вне процессуальной формы [2, с. 88–89].

С данной аргументацией нельзя в полной мере согласиться, так как все без исключения, меры государственного принуждения применяются с соблюдением определенной процессуальной формы. Отличие здесь наблюдается в степени детализации процессуального порядка, а не в его отсутствии.

Предваряя разрешение задачи дифференциации юридической ответственности и мер защиты целесообразно рассмотреть, что объединяет данные явления. Такая взаимосвязь проявляется в их принадлежности к государственному принуждению как родовому явлению. Будучи формами государственного принуждения, они в полной мере несут все свойства родового явления.

Юридическая ответственность и меры защиты закрепляются в действующем законодательстве, то есть имеют соответствующее формальное опосредование. Вне действующего законодательства, которое в комплексе регулирует материально-правовые и процессуально-процедурные аспекты, не могут применяться меры юридической ответственности и меры защиты. В основе их реального применения лежат соответствующие юридические факты, которые в большинстве случаев образуют сложный фактический состав. Меры данных форм государственного принужде-

ния реализуются посредством соответствующих мер, то есть имеет место дозированное государственно-принудительное воздействие. В ряде случаев нарушение меры (дозы) юридической ответственности или мер защиты квалифицируется как правонарушение. Привлечение к юридической ответственности, как и применение мер защиты, влекут за собой наступление правоограничений, степень которых предопределяется фактическими основаниями их применения. Говоря о взаимосвязи между данными формами государственного принуждения, следует отметить, что они реализуются в соответствующей процессуальной форме. Наличие процессуального порядка применения и его соблюдение является обязательным условием законности реализации мер защиты и юридической ответственности.

Отметив сходство юридической ответственности и мер защиты, следует акцентировать внимание на тех отличительных свойствах, которые присущи данным формам государственного принуждения. Предваряя содержательное рассмотрение этого вопроса, следует отметить, что нами будет рассмотрена исключительно ретроспективная ответственность, так как именно она является формой государственного принуждения.

При анализе отличий юридической ответственности и мер защиты в первую очередь необходимо обратить внимание на их целевое назначение. С.Н. Кожевниковым было отмечено, что термин «меры защиты» носит условный характер и применяется к восстановительным мерам правового воздействия, целью которых является защита нарушенных субъективных прав [3, с. 3]. По мнению С.С. Алексеева меры защиты носят выраженный правовосстановительный характер: «Это государственно-принудительная деятельность, направленная на осуществление «восстановительных» задач – на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности» [4, с. 282].

В отличие от мер защиты целью юридической ответственности выступает принудительная реакция на факт совершения правонарушений различной степени общественной опасности. В юридической литературе отмечается, что «меры негативной юридической ответственности преследуют цели кары, восстановления, воспитания и предупреждения» [5, с. 166]. Статьей 3.1 КоАП РФ определено, что целью административной ответственности является предупреждение совершение новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. В части 2 ст. 43 УК РФ закреплено, что наказание как основное средство реализации уголовной ответственности применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Не взирая на отсутствие единства в законодательном закреплении целей административной и уголовной ответственности очевидным является, *во-первых,* что доминирующей целью юридической ответственности является все же наказание (кара), а другие цели (предупреждение, восстановление справедливости, перевоспитание) являются целями второго порядка.

Во-вторых, отличия наблюдаются в функциональном назначении данных форм государственного принуждения. Это обусловлено тем, что функции являются производными от целей. Теоретики права отмечают, что меры защиты обладают многофункциональным характером, где доминирует восстановительная функция: «Восстановительная функция мер защиты осуществляется при помощи следующих способов: реализации гражданами субъективных прав на самозащиту; принуждения к исполнению невыполненной обязанности; реализации санкции правовой нормы,

предусматривающей меры защиты; приостановления или прекращения действия нормативно-правовых актов; совершения обязанным субъектом действий, направленных на восстановление общественных отношений» [6, с. 128].

С предложенной аргументацией следует согласиться. Учитывая многофункциональную характеристику юридической ответственности, необходимо признать, что для нее характерно доминирование наказания (кара). Именное через наказание и осуществляется предупреждение, восстановление справедливости и реализация других функций юридической ответственности.

Наша позиция по данному вопросу совпадает с точкой зрения Б.Т. Базылева, который рассматривая отличия юридической ответственности и мер защиты на примере гражданского права, отметил, что «институты ответственности и восстановления прав, осуществление в гражданском праве, имеют различную природу и назначение. Если институт восстановления направлен на возмещение причиненного имущественного ущерба (что важно с точки зрения охраны прав потерпевшего), то институт ответственности имеет целью наказать виновного правонарушителя и стимулировать надлежащее исполнение им своих юридических обязанностей в будущем» [7, с. 272].

В-третьих, отличия состоят и в закреплении в структуре норм права. Правовосстановительные меры излагаются в санкциях правовых норм, но не во всех, а только в правовосстановительных. Они состоят в устранении вреда, возникшего в результате неправомерного поведения, в восстановлении нарушенных прав, обеспечении исполнения обязанности [4, с. 272]. Данные санкции ориентированы на охрану правовых отношений посредством устранения или минимизации вреда (ущерба), причиненного правонарушением или иных фактом.

Юридическая ответственность заключается в карательных (наказательных) санкциях. М.И. Байтиным было отмечено: «Санкция – структурный элемент, предусматривающий последствия нарушения правовой нормы, определяет вид и меру юридической ответственности для нарушителя ее предписаний» [8, с. 187]. Рассмотрение юридических оснований юридической ответственности и мер защиты позволяет увидеть, что они содержаться в санкциях, но отличных по своим характеристикам.

В-четвертых, важное отличие заключено в фактических основаниях реализации мер защиты и юридической ответственности. Основанием применения правовосстановительных мер выступают как правонарушения различной степени общественной опасности, так и иные факты, которые повлекли за собой неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на субъектов юридических обязанностей, что связано как с правонарушением, так и наличием правовых аномалий. Это позволило сделать закономерный вывод, что «меры защиты применяются как в случае совершения правонарушения, так и при отсутствии такового».» [6, с. 127]. В качестве иллюстрации делается ссылка на меры принуждения, которые предусмотрены нормами Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», в связи с чрезвычайными происшествиями природного и техногенного характера [15].

Фактическим основанием юридической ответственности являются исключительно правонарушения соответствующего уровня общественной опасности. Рассматривая специфику ретроспективной юридической ответственности, Н.В. Витрук отмечает: «Юридическая ответственность означает негативную реакцию государства на совершенное правонарушение, нравственно-правовое осуждение, порицание государством правонарушителя. Указанная реакция как специфическое, особое воз-

действие государства на правонарушителя за совершенное им противоправное поведение состоит в справедливом воздаянии» [9, с. 33].

Потенциал мер защиты позволяет применять их при наличии широкого спектра фактических оснований. В то же время привлечение к юридической ответственности не в связи с правонарушениями квалифицируется как нарушение законности, а правоприменитель должен быть привлечен к соответствующему виду юридической ответственности.

В-пятых, отличие между мерами защиты и юридической ответственности обнаруживается и в психологическом отношении соответствующего субъекта, к которому применяются данные формы государственного принуждения, к своему поведению и порождаемым при этом последствиям. Это отличие носит принципиально важный характер. Так, для привлечения к юридической ответственности необходимо установить и доказать, что лицо виновно в совершении соответствующего правонарушения. При этом, в ряде случаев вина дифференцируется на умышленную или неосторожную, что и учитывается при назначении наказания (взыскания). В то время как для применения мер защиты в ряде случаев не имеет принципиального значения наличие вины. А.М. Хужин приходит к закономерному выводу: «Таким образом, невиновное поведение может выступать одним из фактических оснований применения правовосстановительных мер» [10, с. 470].

Для реализации мер защиты принципиальное значение имеет факт причинения ущерба и в меньшей мере отношение субъекта к данному деянию и его последствиям как основанию применения данных мер государственного принуждения. Субъект, причинивший ущерб невиновно, не выражает отрицательного отношения к интересам личности, общества или государства. Вместе с тем, в этом случае, все равно имеет место нарушения определенного порядка, что приводит к причинению ущерба. В этой связи возникает потребность и необходимость восстановления нарушенного правового состояния управомоченного субъекта, что осуществляется посредством применения правовосстановительных мер. При этом важен факт ущерба, а не отношение его причинителя к своему поведению и наступившим последствиям. Нарушенное право должно быть восстановлено независимо от субъективного отношения нарушителя к тем или иным последствиям.

В-шестых, различия наблюдаются в характере государственно-принудительной реакции. Как было отмечено выше, юридической ответственности присущ ярко выраженный штрафной (карательный), «внеэквивалентный» характер. Д.Н. Кархалевым было отмечено, что наличие внеэквивалентных имущественных лишений свойственно только мерам ответственности. Что же касается мер защиты, то их применение сопровождается лишь реализацией обязанности из существовавшего между сторонами правоотношения [11, с. 20]. Схожую позицию высказал С.Н. Кожевников, который отметил, что «правовосстановительные меры не оказывают на обязанного субъекта штрафного (карательного) воздействия, а защищают субъективные права» [12, с. 49].

Сущность мер защиты, которая производна от их целевого назначения, заключается в восстановления нарушенного правового состояния. В этой связи интенсивность мер защиты должна отвечать объему причиненного вреда. Что же касается юридической ответственности, то такое соответствие не выдерживается. Такое положение объясняется тем, что юридическая ответственность является официальной государственно-правовой оценкой факта совершения правонарушения. Особенно

это очевидно на примере публично-правовой ответственности. Для юридической ответственности актуальной, а точнее весьма остро стоящей является проблема справедливости ее реализации. По нашему мнению, обеспечение соответствия между общественной опасностью правонарушения и юридической ответственностью за ее совершение зависит, прежде всего, от воли законодателя, который закрепляет соответствующие санкции данной формы государственного принуждения. В дальнейшем и, в конечном итоге, это находит свое выражение в применении конкретной меры наказания (взыскания) правоприменителем, обеспечении их исполнении.

В-седьмых, отличия между мерами защиты и юридической ответственностью заключаются и в системе составляющих их мер. Данное отличие находится в тесной взаимосвязи с предыдущей особенностью. Юридическая ответственность реализуется посредством применения соответствующих наказаний (взысканий). Ряд авторов при характеристике мер воздействия использует термин «санкция», имея в виду систему наказаний (взысканий). Их перечень детально определен действующим законодательством. Так, система административных наказаний определена ст. 3.2 КоАП РФ, система уголовных наказаний содержится в ст. 44 УК РФ, а дисциплинарных взысканий изложена в ст. 192 ТК РФ, а также нормативных правовых актах регулирующих соответствующие виды государственной и муниципальной службы. В то же время перечень мер гражданско-правовой ответственности носит дискуссионный характер. «К имущественным санкциям гражданско-правовой ответственности относятся неустойка, пеня, штраф, проценты за пользование чужими денежными средствами, денежная компенсация морального вреда, обращение задатка в случае неисполнения обязательства, возмещение убытков, уменьшение стоимости товаров, исполнение обязательства за счет должника и др.» [6, с. 100]. Это обусловлено тем, что данные меры детально не структурированы в гражданско-правовом законодательстве.

Сложнее обстоит дело с определением объема мер защиты. Так, наиболее часто к мерам защиты в гражданском праве относят: признание сделки недействительной; признание недействительными актом органов государственной власти; запрещение деятельности, создающим опасность; признание права; истребование вещи у недобросовестного приобретателя; самозащита гражданских прав [6, с. 130–131].

Широкий перечень мер защиты предусмотрен трудовым законодательством: признание недействительными условий трудового договора, локальных нормативных правовых актов, коллективных договоров, содержащих условия, ограничивающие права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права; допущение к работе незаконно отстраненного от нее работников; предоставление работнику в удобное для него время неиспользованной части отпуска при отзыве из отпуска; ограничение размера удержаний из заработной платы; восстановление работника на прежней работе; выплата работнику среднего заработка за время вынужденного прогула или разницы в заработке за все время выполнения нижеоплачиваемой работы; изменение формулировки основания увольнения на увольнение по собственному желанию и др.

Было бы ошибкой ограничивать меры защиты исключительно отраслями частного права. Например, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено возмещение материального и морального вреда в случае реабилитации (ст.ст. 135–136 УПК РФ), восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного (ст. 399 УПК РФ).

В административном праве наиболее часто применяются следующие виды мер защиты: возмещение ущерба, причиненного административным правонарушением; выселение граждан из самовольно занятых жилых помещений; взыскание недоимки в бюджет; восстановление на службе незаконно уволенного гражданского служащего и др. Отдельные авторы относят к мерам административно-правовой защиты выселение в административном порядке, а снос самовольно возведенного строения к мерам пресечения [13, с. 203].

Очевидно, что не все перечисленные меры относятся к мерам защиты. Такое положение, по мнению С.В. Евдокимова, может объясняться тем, что в большинстве случаев имеет место объединение мер защиты с мерами предупреждения и пресечения. Данный автор приводит аргументы в пользу самостоятельного мер защиты как важной формы государственного принуждения: «Если правовые последствия предупредительных (превентивных) мер заключаются в превенции возможных правонарушений, а правовые последствия пресекательных мер – в прекращении (пресечении) правонарушения, то правовые последствия правовосстановления состоят в восстановлении (возрождении) нарушенного субъективного права в полном объеме его первоначального (до нарушения) состояния» [14, с. 84].

В-восьмых, отличия между юридической ответственностью и мерами защиты проявляются в порядке применения. Процессуальный порядок реализации мер юридической ответственности отличается наибольшей степенью детализации по сравнению с другими формами государственного принуждения. Это во многом объясняется теми правовыми последствиями, которые наступают в связи с привлечением к юридической ответственности, а также наличием кодифицированного законодательства.

Уровень нормативного правового регулирования процессуального порядка привлечения к юридической ответственности предопределен их видовой принадлежностью. Наиболее детально регламентируется применение уголовной ответственности, что установлено уголовно-процессуальным законодательством. В то время как применение дисциплинарной ответственности, которое осуществляется в порядке производства по делам о дисциплинарных правонарушениях, не получило детального процессуального определения.

Меры защиты также получили соответствующее процессуальное опосредование. В зависимости от их отраслевой принадлежности они могут быть урегулированы нормами арбитражно-процессуального, административно-процессуального, гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права и в этой связи имеют существенные отличия. Очевидно, что различия в порядке применения юридической ответственности и мер защиты предопределяется материально-правовой характеристикой соответствующих мер государственного принуждения.

Подводя итог, возможно сделать следующие выводы.

1. Юридическая ответственность и меры защиты органически встроены в систему государственного принуждения и решают широкий круг правоохранительных задач. Они относятся к самостоятельным формам государственного принуждения.

2. Меры юридической ответственности и меры защиты обладают рядом общих и отличительных характеристик. Знание как единых, так и индивидуальных характеристик юридической ответственности и мер защиты позволяет не только избежать нарушений законности в ходе осуществления правоохранительной деятельности, но и повысить эффективность их применения.

3. Связи между юридической ответственности и мерами защиты проявляются как на уровне нормативного правового регулирования, так и правоприменения. Они не конкурируют, а взаимодействуют между собой на различных стадиях правоохранительной деятельности.

4. В настоящее время не исчерпано «проблемное поле» исследования соотношения между юридической ответственности и мерами защиты. Очевидно, что перспективным с эвристических и аксиологических позиций выступает исследование названной проблематики с позиции правовых связей между ними. Реализация такого подхода позволит выявить соответствующие закономерности и учесть их правотворческой и правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. *Овсепян Ж.И.* Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). – Ростов н/Д.: Эверест, 2005. – 276 с.

2. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. – 240 с.

3. *Кожевников С.Н.* Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968. – 20 с.

4. *Алексеев С.С*. Общая теория права: в 2 тт. – Т. 1. – М., 1981. – 361 с.

5. *Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л., Шишкин А.Г*. Меры юридической ответственности: монография. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014. – 231 с.

6. *Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2013. – 139 с.

7. *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. – 120 с.

8. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.

9. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: монография. – М.: РАП, 2008. – 324 с.

10. *Хужин А.М.* Невиновное поведение в праве (общетеоретический аспект): дис. … д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2013. – 608 с.

11. *Кархалев Д.Н.* Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

12. *Кожевников С.Н.* Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Юридический мир. – 2010. – № 9. – С. 45–49.

13. *Коренев А.П.* Административное право: учебник: в 3-х ч. – М.: МЮИ МВД России, 1996. – Ч. 1. – 280 с.

14. *Евдокимов С.В.* Правовосстановительные меры в российском праве: дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999. – 218 с.

15. См.: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

Bibliographic list

1. Ovsepyan J.I. Legal responsibility and state coercion (general theoretical and constitutional legal research). Rostov n / D: “Everest”, 2005. 276 p.

2. Leist O.E. Sanctions and responsibility under Soviet law (theoretical problems). Moscow: Publishing House of Moscow University, 1981. 240 p.

3. Kozhevnikov S. N. Protective measures in Soviet law: author. dis. ... cand. legal sciences. Sverdlovsk, 1968. 20 p.

4. Alekseev S.S. General theory of law: in 2 vols. T. 1. Moscow, 1981. 361 p.

5. Lipinsky D.A., Khachaturov R.L., Shishkin A.G. Legal liability measures: monograph. Moscow: RIOR; INFRA-M, 2014. 231 p.

6. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Legal liability, sanctions and protective measures: monograph. Moscow: RIOR; INFRA-M, 2013. 139 p.

7. Bazylev B.T. Legal responsibility (theoretical issues). – Krasnoyarsk: Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1985. 120 p.

8. Baytin M.I. The essence of law (modern regulatory understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP, 2001. 416 p.

9. Vitruk N.V. The general theory of legal responsibility: a monograph. Mscow: RAP, 2008. 324 p.

10. Khuzhin A.M. Innocent behavior in law (general theoretical aspect): dis. ... Dr. jur. sciences. N. Novgorod, 2013. 608 p.

11. Karkhalev D.N. The ratio of protective measures and measures of responsibility in civil law: author. dis. ... cand. legal sciences. Ekaterinburg, 2003. 22 p.

12. Kozhevnikov S.N. State coercion: regulatory and protective purpose, forms // Legal World. 2010. No. 9. P. 45–49.

13. Korenev A.P. Administrative law: textbook: in 3 hours. Moscow: MUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. Part 1. 280 p.

14. Evdokimov S.V. Remedial measures in Russian law: dis. ... cand. legal sciences. N. Novgorod, 1999. 218 p.

15. See: Federal constitutional law of 30.05.2001 No. 3-FKZ (as amended on 07/03/2016) “On the state of emergency” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2277.

А.К. Мамедов[*]
Л.Ю. Писарева[**]

УДК 34.0
DOI: 0.25839/MATGIP.2019.16.4.011

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЕКТ ПОСТМОДЕРНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПТИКА

Аннотация: *Статья посвящена проблеме меняющейся структуры общественного мнения. Постмодерн как эпоха всеобщей информационной доступности и открытости создает предпосылки для формирования нового типа взаимоотношений государства и индивида, основу которых составляют децентрализация власти и неопределенность развития социально-экономических процессов. Сделан акцент на появлении феномена «массового индивида» и как следствие субъективизации и индивидуализации общества и общественного мнения. Поднимается социально-философская проблема связи личности как духовной субстанции с ее природным и социальным началом как главный вопрос эпохи постмодерн. Глобализация в контексте постмодернистских тенденций представлена фактором проявления центробежных сил, ухода индивида из-под влияния государства и активизации самоорганизуемых начал в обществе. Прогнозируется увеличение исследований общественной направленности с применением феноменологического подхода, включая глубинно-психологический метод – социологическую оптику.*

Ключевые слова: *постмодернизм, институциона-лизм. информационное общество, духовность, массовый индивид, религиозное самосознание, креативный сектор экономики, субъективизация и индивидуализация общественного сознания, феноменология, самоорганизация, глобализация.*

GLOBALIZATION AS A POSTMODERN PROJECT: SOCIOLOGICAL OPTICS

Annotation. *The article is devoted to the problem of changing structure of public consciousness. Postmodern as an era of the overall accessibility and openness of information creates the prerequisites for the formation of a new type of relationship between the state and the individual based on the decentralization of power and the uncertainty of the development of socio-economic processes. The emphasis is placed on the emergence of the phenomenon of the "mass individual" and, as a result, the subjectivity and individualization of society and public consciousness.*

[*] ***Мамедов Агамали Куламович***, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор социологических наук, профессор. E-mail: akmnauka@yandex.ru

Mamedov Agamali Kulamovich, Head of the Sociology of Communication Systems Subdepartment, Sociology Department of Lomonosov Moscow State University, D.Phil. in Social Science, Professor.

[**] ***Писарева Лариса Юрьевна***, доцент кафедры экономики и управления территориальным развитием Финансово-экономического института СВФУ им. М.К. Аммосова, кандидат социологических наук. E-mail: pisareva@inbox.ru

Pisareva Larisa Iurievna, senior professor of the Chair of Economics and Development of Territories of the Institute of Economics and Finance, Ammosov North-Eastern Federal University, Candidate of sciences in Sociology.

It raises the socio-philosophical problem of the connection of the individual as a spiritual substance with her natural and social being to become the main issue of the postmodern era. Globalization in the context of postmodern trends is represented as the factor of manifestation of centrifugal forces, the individual's withdrawal from the influence of the state and the activation of self-organizing principles in society. It is predicted an increase of using a phenomenological approach in public-oriented research, including a deep psychological method – sociological optics.

Key words: *postmodernism, institutionalism, the information society, spirituality, the mass individual, religious identity, the creative sector of the economy, subjectivity, individualization of public consciousness, phenomenology, self-organization, globalization.*

Социальный транзит в новой постиндустриальной стадии исторического развития вызывает колоссальный исследовательский интерес в научном сообществе. Одной из ключевых характеристик общества постмодерна является феномен глобализации, понимаемый нами как постепенная и тотальная экономическая, социальная, политическая и культурная интеграция человечества. В рамках теоретических подходов к исследованию явления глобализации в качестве доминирующей парадигмы все чаще называют *институционализм*, идейно-теоретическое направление социальной мысли, связанное с работой Т. Веблена «Теория праздного класса» (1899 г.). Основанием институционализма выступает теоретический постулат о «неопределенности исторического развития», замещающий «неоклассическую определенность», характерную для индустриального общества. В свою очередь, постулат неопределенности напрямую связан с идеями *субъективизации* и *индивидуализации* постиндустриального общества. Несмотря на то, что данными понятиями проблема проявления феномена глобализации не исчерпывается, они выступают важными компонентами новой парадигмы в эпоху постмодерна.

Теория постиндустриального общества благодаря работе Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) стала впоследствии именоваться теорией «постмодерна», где в отличие от модерна (конец XIX – середина XX века) в центре постмодернистской концепции позиционируется «личность из массы» как *духовная субстанция.* Ранее «человек массы» реализовывал себя лишь в качестве природного и социального существа.

Постмодернистская личность же обладает абсолютной свободой в приятии или неприятии культуры и цивилизации. Она многогранна в своих действиях и в сознании, является субъектом истории и обладает творческим потенциалом, ибо способна в процессе своей деятельности преобразовывать окружающую среду, а также свободно осваивать достижения культуры: «...человек-постмодернист получил счастливую возможность ощутить свободный полет в едином, не ведающем временных и территориальных границ «четвертом измерении культуры», о котором не мог и помышлять его собрат эпохи модерн...» [1].

Тем не менее, у исследователя, пытающегося вникнуть в тренды социогенеза в эпоху глобализации, теория постмодерна может вызвать неудовлетворение от того, каким образом она связывает человека в качестве духовной субстанции с его природным и социальным началом. Приоритет духовности и личностного начала в человеке не создает материальные, экономические и социальные условия для его

существования. Экономический подход требует определения гармонизирующего принципа *индивидуально-духовного* существования человека в материальной среде, без которого реализация свободы, прежде всего свободы выбора, становится необоснованной или произвольной. Если на человеке в качестве субъекта исторического процесса сфокусирована вся институциональная система общества, поиск данного принципа является необходимым.

Как отмечает А. Неклесса, общество утрачивает значимую социальную перспективу, при отсутствии высоких «горизонтов» личности [2]. Экономический вариант трактовки постмодернистской теории основан на идее соединения личности и массовой индивидуальности. Становление европейской личности, которое, по сути, началось в эпоху раннего Возрождения XIV века, было связано с развитием индивидуализма и образованности. Данные качества складывались в процессе борьбы с тиранией, а также в жесткой конкуренции за богатство и славу среди образованных слоев общества. «Личность» была субъектом исторического процесса и оказывала созидательную функцию в последующее культурные эпохи. «Масса» всегда играла роль потребляющего субъекта, то есть субъекта практической духовности.

Швейцарский историк Я. Буркхардт в своей рефлексии об этой эпохе, назвал XIV век для Флоренции веком «всеобщей умелости, развивавшейся… благодаря участию народа в государственных делах, торговле и путешествиях, систематическому исключению из жизни всякой праздности». Он отмечает: «тогда вся Флоренция была грамотна, даже погонщики ослов распевали канцоны Данте» [3]. Массовый индивид как личность – новый термин постмодерна. Принять связь постмодерна со снижением духовного потенциала общества можно только временно, только как явление его исторического старта, ведь для культуры, по выражению И.Бродского, невозможно развитие вспять, ибо она есть «вся преемственность, вся – эхо» [4].

Перспектива развития массовой индивидуальности лежит в сфере преодоления рациональной практичности, а значит, преодоления ситуационности *общественного сознания*, когда население легко подвергается идеологическим воздействиям со стороны государства. В общественное сознание в постмодерне активно включается оценочно-критическая компонента индивидуального сознания и возникает всеобщая потребность в индивидуальном освоении духовности своей эпохи для формирования общественных преференций в диалоге между государством и обществом.

В эпоху постмодерна человек-творец получает небывалый прежде социальный простор, которого он был ранее лишен либо вследствие сопротивления и противостояния государственной идеологии либо вынужденной маргинализации и отчуждения, вызванной непониманием и неприятием его системы ценностей. Важно отметить, что оба вышеупомянутых фактора традиционно конкурировали в культурной сфере. Незабвенной М. Цветаевой принадлежит метафора о контурах взаимодействия художника и общества. Художник – «вода... Можно зачерпнуть стаканом, но можно наполнить и море. Все дело во вместимости сосуда и еще – в размерах жажды» [4]. «Размер жажды» – вот секрет постмодерна, из которого проистекает его плюрализм вплоть до соединения несоединимого. «Освобождение» человека от различных идеологем сопровождается доступом к невиданным техническим возможностям. И соединение этих трендов может дать невиданные симбиозы.

Главные процессы общества постмодерна складываются сегодня:

– в сфере формирования общественного сознания и общественных преференций на основе индивидуализированного выбора продуктов потребления;

– в области государственного строительства и формирования общественных институтов на принципах самодеятельного участия населения.

Эти особенности постмодерна выдвигают на передний план следующий вопрос: что должно лежать в основе собственно духовных потребностей человека и личности, ее интересов, способствующих развитию общества и цивилизации?

По нашему мнению, совершенно закономерными являются попытки связать духовность массового индивида с возрождением религиозного самосознания. Данная позиция противопоставляется теории антропологической революции, сторонники которой обосновывают последнюю в качестве новой парадигмы и используют при осмыслении самой религии [5]. Практически попытки такого рода представляют собой одну из форм секуляризма – так называемого атеизма в религиозной маске. Мы имеем в виду конструктивную основу духовности, благодаря которой человек способен, живя в обществе, дистанцироваться от него и подвергать самостоятельному критическому осмыслению все аспекты и сферы его жизнедеятельности. Без такой предпосылки идея человека как субъекта истории будет выглядеть простым недоразумением.

Религиозное самосознание постоянно побуждает человека к самооценке по критериям высшей нравственности и не позволяет уйти «по ту сторону добра и зла» – в область произвола и насилия. Человек должен проявлять свою духовность активно, выбор добра и зла не может навязываться со стороны, он имеет жизненную структуру, и это – способ искать и находить божественное откровение, истину. Религиозное сознание относится к миру и человеку бережно и с надеждой, для него «мир, будучи творением благого Бога, в силу этого – благо, а потому зло – в том числе и человеческая греховная гордыня – не в состоянии его разрушить: то, что создано бесконечной силой, не может до конца истребить и до конца исказить – сила конечная, хотя, увы, она в состоянии многократно умножить зло и страдание в этом мире» [6].

Человек в своем духовном существовании оказывается один на один с собой, но он никогда не бывает одинок, если с ним его молитва. Молитва – это не просто обращение к Богу, это – Диалог. Диалог лежит «в основании общения человека с другим человеком, человека с обществом, диалог есть модель конвергентного становления мирового сообщества и мировой экономики». Моделью секуляризма и адекватного ему индустриального общества является монолог, от которого легко возводится мост к насилию, даже если оно осуществляется во имя человека и за ним стоит пафос возвеличивания человека как носителя неограниченных возможностей созидания. Важно не просто отвергнуть атеизм, а понять его цивилизационные истоки. Для Запада как определенной экономической и политической системы истоками секуляризма была, как ни странно, сама христианская цивилизация, переживавшая многочисленные взлеты и падения, породившая невиданные социальные конструкты.

Характерной чертой христианской цивилизации является обращение к человеку как к субъекту истории. По мере развития цивилизации, повышения степени *субъектности* в экономике, когда человек может реализовать собственную свободу и ответственность через систему отношений частной собственности, он становится экономическим субъектом или субъектом собственности. В политике повышение роли человека и развитие принципа *субъектности* означает развитие демократических основ государственного устройства. В социальной сфере *субъектность* выражается в индивидуализации общественного существования человека, в персонификации общественных связей и реализуется через механизмы либеральных институтов.

Эпоха постмодерна начинается непросто. Формирование идеологии глобализации идет сегодня в борьбе со сторонниками антропологической революции, которая переводит человека из духовной личности в разряд существа природного и социального. Секуляризм обороняется, используя свои идеологические «бастионы»:

– общественную жажду справедливости;

– приоритетность рационального начала;

– монологичность общественных структур и политиков, в отличие от диалогичности постмодерна;

– императив модальности в духовном существовании человека вместо свободы.

Результаты непростого перехода России к постмодерну ярко проявились в ходе рыночной трансформации в стране. Проявляются очевидные ограничения для массового участия населения в рыночных отношениях. Население вынуждено играть роль объекта политического и экономического манипулирования. Еще более неприемлема монополизация *субъектности* государством, для которого экономические и социальные отношения рассматриваются, в первую очередь, как предмет государственного регулирования, схема которого строится как простое предложение в синтаксисе, где «подлежащее» – государство, «сказуемое» – бюджет, «дополнение» – население.

Взаимодействие человека, государства и рынка – это очень сложный и многогранный процесс, требующий глубокого теоретического осмысления для выработки стратегии перехода в стадию глобализации. Практика не даст здесь однозначных ответов. В известном смысле мировой рынок поглощает государство, пользуясь его же элементами государственного управления: налоговой, кредитно-валютной и таможенной политикой, механизмами регулирования цен, внутренними и внешними инвесторами, финансово-денежной стабилизацией в качестве факторов системной конкуренции. Однако, сложно полностью принять тезис Д. Брока, согласно которому государство должно в итоге утратить свои позиции, нивелироваться до статуса «ночного сторожа», поскольку только экономическая власть обеспечивает реальное право на выбор. Она превосходит политическую власть, «организующую власть, потому что может пользоваться ею как инструментом» [7].

Российский исследователь А. Неклесса указывает на угрозу перехода власти к «неформальным конфигурациям частного капитала» и установления «международного олигархического режима» [8]. Однако, для подобных опасений не достаточно оснований.

Во-первых, системная конкуренция предполагает сохранение национального государства как института манипулирования государственной политикой для поддержания экономических, социальных и политических факторов функционирования рынка.

Во-вторых, вместе с глобализацией не уменьшается, а увеличивается роль государства в обеспечении рыночной конкуренции. При этом происходит структурное разделение мирового и национального уровней экономики и политики, в том числе, в форматах «двухуровневой структуры торгово-политических организаций» [9]. Следовательно, глобализация не ослабляет, а, скорее, укрепляет позиции государства в его прежней функции субъекта регулирования экономики и всех других сфер жизнедеятельности.

В-третьих, государство эпохи постмодерна становится центром общественных институтов, связывая воедино личность, общественные преференции и их реализа-

цию. Во всем мире укрепляются позиции государства как в экономике (рыночной), так и в обществе.

Устоявшееся в российской традиции противопоставление рынка и государства, либерализма и государства на принципах «или-или» неверно. Современная экономика немыслима вне процесса глобализации, посему она немыслима и без государства как активного участника рынка. Глобализацию можно рассматривать как тип экономики, в рамках которой нельзя отделить «экономическое» от «социального и политического». Поэтому для понимания глобализации в предмет исследования чисто экономических проблем нужно непременно включать их социально-политический контекст.

Историческая панорама современной экономики еще только складывается, происходит столкновение коренных свойств модерна и постмодерна. В этом столкновении принимают участие, с одной стороны, старые «индустриальные» титаны: секуляризм (в разных проявлениях монологизма и тоталитаризма), рационализм (рациональное экономическое поведение) и материализм (в формах антропоморфизма). С другой стороны, в нем участвуют еще только набирающие силу молодые титаны постиндустриального общества: религиозность (в формах самоидентификации христианской цивилизации и развития конвергентных механизмов общения всех уровней и типов, исходя из модели диалога), институционализм (как погружение рациональных рыночных структур в синергетический синтез объективного и субъективного, который только начал свое становление) и «глобализация» личности (приоритет духовной сферы индивидуального существования).

Для российской экономики отсюда вытекают *три* кардинальные проблемы.

Во-первых, государство не сможет выступать субъектом рационализации экономики и общества. Ему требуется его собственная трансформация в институциональный центр, который бы объединял социальные институты, формирующие и реализующие общественные преференции, исходя из первичности духовных потребностей человека, а социологической науке нужно исследовать действующие и потенциальные структуры и институты, которые способны преобразовать российскую экономику в систему субъектов динамического диалога с государством.

Во-вторых, государство должно освоить базовые принципы сочетания классического и институционального подходов к развитию общества и экономики. Однако, как включить в экономику массового индивида? Вопрос принципиальный, так как практически речь идет об *институциализации* в экономике не предприятия как первичного и элементарного субъекта рынка, а индивида, определяющего к нему предельные требования. Чистый *институционализм* не решает этой задачи в силу абстрактности, которая присуща классическому направлению: предприятие приравнивается к хозяйствующему субъекту, а последний – к реальному индивиду. Логически из этого вытекает возможность дополнить концепцию рынка.

Вместе с тем, то крыло *неоинституционалистского дискурса*, которое выбрало в качестве предмета структурные уровни в экономике и их институты, очень близко к синергетической методологии экономического анализа. Синергетический подход в полной мере соединяет классику и *институционализм*, так как он открывает мир квантовой природы исторического развития и адекватные ей формы системной эволюции. Ее частным случаем можно считать переход от социализма к рынку, опирающийся на социалистический рыночный потенциал, переходные структуры и социальную энергию, накапливающуюся в ходе спонтанных рыночных преобразований.

В-третьих, пока не вполне ясны механизмы, обеспечивающие автономность человека в экономике и государстве, без чего невозможен приоритет личности в развитии общества. Некоторые исследователи отмечают явление персонификации и индивидуализации всех общественных отношений, обусловливающих «колоссальную фрагментацию социального субъекта» и одновременно «бегство от институтов». Из этого обстоятельства даже выводится тенденция к новой архаике [2, с. 42–43].

Если речь идет о глобальной тенденции, то она, по-видимому, определена неверно. Она не может быть установлена без изучения системных свойств общества, охватывающих в своем единстве развитие рынка, государства и общества в сторону их либерализации. Вместе с тем, тенденция к архаике как одно из направлений развития также имеет достаточно сильные перспективы. Примером может служить стремление государства быть понятым и принятым массовым сознанием вне зависимости от качества предлагаемой продукции. В этом смысле архаике подвержена и идеология реформ: совершенно очевидно, что всерьез принимать в качестве базиса экономики малый и средний бизнес, минуя организующее начало крупного капитала, – значит стремиться к тому, чтобы «понравиться» обществу, приспособиться к упрощенному экономическому и политическому мышлению. Сводить кризисную ситуацию в экономике к воздействию коррупции – означает подменять серьезную политику политиканством.

Вместе с эпохой модерна (индустриального общества) заканчивается и эпоха «экономического человека», поставленного в полную зависимость от рыночной стихии, когда «невидимая рука рынка» управляет практически всеми аспектами жизнедеятельности. При этом не следует считать, что постмодерн есть «постэкономика». Просто экономика перестает быть выражением и «тенью» стихийной зависимости субъективного от объективного, теперь она ту же зависимость выражает через механизмы развития на принципах самоорганизации.

Анализируя тренды транзитивного периода в России, исследователям необходимо понимать их связь с глобализацией и уходом в постмодернистское состояние, причем как в теоретическом, так и практическом планах. Экономика России зачастую опиралась на мировой капитал и его структуры – Международный валютный фонд и Всемирный банк, Парижский и Лондонский клубы, обеспечивавших финансовую поддержку страны кредитами. Принципиальное значение имела обусловленность кредитов реформами, адекватными формуле Вашингтонского консенсуса: либерализацией внутренней экономики, включая экспортно-импортные отношения, при одновременном обеспечении финансово-денежной стабильности и открытости экономики в глобальном масштабе. Открытость экономики, ее вовлеченность в глобальные социально-экономические процессы, в связке с информационной открытостью, подпитываемой бесконечно ускоряющимся обменом данными посредством ИНТЕРНЕТ, способствовала индивидуализации общественного сознания.

На смену массовому общественному мнению приходит масса индивидуальных взглядов, зачастую весьма хаотичных. Индивидуализация массового сознания постепенно возвращает социологов к феноменологической традиции, к поискам смыслов в каждом отдельном проявлении индивида. Данная оптика требует специального «прицела», чтобы отразить и оценить происходящие явления. Социологической методологии как никогда ранее необходим глубинно-психологический инструментарий, а не простой «подсчет голосов», доминирующий пока как основной эмпирический метод.

Рассматривая как сквозь увеличительное стекло связи и коммуникации, пронизывающие сегодня общественные институты, структуры и хозяйствующие субъекты, становится очевидной их нарастающая теснота и многоплановость. Возможности поиска необходимой индивиду информации обеспечивают ему полноценную свободу выбора: продукта, услуги, занятости, страны проживания, сексуальной ориентации, создавая «индивидуализированный» спрос.

Социальные сети формируют индивидуальные каналы взаимодействия, которые позволяют агентам купли-продажи связываться напрямую, минуя официальные структуры. Цифровые технологии и компьютерные программы предлагают все более совершенные средства индивидуализации. Найти такси можно по цене, которая по умолчанию устраивает водителя и пассажира, пользующегося мобильным приложением индивидуального выбора перевозчика Uber или InDriver, что во времена массового спроса на услуги такси было невозможно, и выбор всегда оставался за грубыми таксистами, захватившими рынок городских автоперевозок. Сегодня можно заказать мебель по индивидуальным размерам, спланировать квартиру по индивидуальному вкусу. Государство теряет доминантный контроль над предпочтениями масс.

Официальные каналы средств массовой информации становятся ненужной обузой, замещаясь каналами, создаваемыми отдельными индивидами в Youtube и принимаемыми согласно индивидуальному выбору. Уход индивида из-под контроля государства усиливается возможностью создания децентрализованной системы обменных операций посредством цифровой валюты (криптовалюты). Остановить цифровизацию общества государство не в силах, также как не способно оно и вмешаться в выбор индивида.

Основной тенденцией развития общества «постмодерн» является его переход в самоорганизуемое состояние. Политические игры, которые на большом историческом отрезке заставляли массы быть послушными исполнителями воли государств, уходят в прошлое. Самоорганизация стремится к децентрализации. Общество захватывают вихри центробежных сил – поиск новых, свободных территорий, уход из зоны информационного влияния центра. Для общества «постмодерн» характерно такое явление как «свободная занятость» (фриланс), появление новой отрасли хозяйства – креативной экономики. Это ориентированный на творческую инициативу индивида сектор, который выходит в категорию быстрорастущих направлений развития современного общества. Капитализация творческих индустрий, по данным Петербургского международного экономического форума-2018 [10], по всему миру составляет 2,3 трлн. долларов. В этой сфере создано более30 млн. рабочих мест, что составляет порядка 0,8% от общего числа занятых в экономиках мира.

В целом, под креативной экономикой понимается кинопродукция, IT-приложения, компьютерные игры, искусство и другие смежные индустрии, способные конвергироваться и создавать уникальные продукты на стыке искусства, культуры, бизнеса, технологий, прежде всего, цифровых. Креативная экономика основана на интеллектуальном труде, способном приносить доход не только от созданного продукта, но и от торговли его результатами и правами на интеллектуальную собственность. Культурные и творческие индустрии являются драйверами экономик развитых и развивающихся стран как быстрорастущие глобальные сектора. Креативный сегмент формирует доходы в несырьевом секторе, усиливая тренд на индивидуальную занятость и как следствие на атомизацию и дискретность массового сознания.

Индекс 3Т, предложенный Ричардом Флоридой [11], для определения уровня развития креативного сектора, основывается на трех индикаторах:

– уровень развития в стране технологий (инвестиции в исследования и разработки, определенный по количеству патентов в стране);

– уровень развития креативного класса (определяется долей граждан в высшем образовании и долей занятых в креативной сфере (науке, искусстве, менеджменте, образовании, здравоохранении, праве);

– уровень толерантности в обществе (отношение масс к этническим и расовым меньшинствам и представителям нетрадиционной сексуальной ориентации).

По совокупному индексу 3Т Россия занимает в рейтинге развитых стран 38 место [12]. При этом более высокие позиции у России по показателям развитости технологий – 22 место из 112, а также по наличию талантов – 15 место. Рейтинг показывает включенность российской экономики в глобальные процессы постмодернистской трансформации.

Постмодернизм в свою очередь предлагает новые правила в интерпретации закономерностей общественного бытия. Социология постмодернизма вынужденно уходит от классического взгляда на общество как на целостный, системно упорядоченный и сплоченный организм. Напротив, общество – фрагментарно, мозаично, неупорядоченно – «массово индивидуально». Основным объектом интереса постмодернистских социологов становятся не исследования социальных институтов и структуры, а культуры как главного объяснительного принципа общественного устройства [13].

Эмоциональные и эстетические ориентации приобретают в постмодерне неменьшее значение, чем рациональные подходы индустриального периода развития общества. [14]. Информационное общество, общество развития креативных индустрий требует от социологии активного смещения интереса от структур и институтов на процессы, протекающие в мире повседневности, используя рефлексивный, феноменологический подход. Социологическая оптика как способ глубинного проникновения в мотивы, которые стали побуждающим механизмом индивидуального действия и поступка, может предложить исследователям ценнейший материал для построения новой модели репрезентации социальной жизни [15].

Библиографический список

1. *Чучин-Русов А. Е*. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 5–13.

2. Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 4. – С. 43.

3. *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. – М.: Юрист, 1996. – 591 с.

4. Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. / Сост. Гордин Я. А. – СПб.: Звезда. – 1998. – 318 с.

5. *Киселев Г. С*. «Кризис нашего времени» как проблема человека // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 40–52.

6. *Гайденко П. П*. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – М., 1997. – 495 с.

7. *Брок Д*. Экономика и государство в эпоху глобализации. От национальных экономик к глобализированному мировому хозяйству // Polilekonom. – 1997. – № 3, 4.

8. *Неклесса А*. Конец цивилизации, или Конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 3. – С. 35.

9. *Хиллебранд Р. Вельфенс П. И.* Глобализация экономики: последствия международной конкуренции территориальных условий хозяйствования для экономической политики // Politekonom. – 1997. – № 3–4. – С. 52.

10. Экспортный потенциал креативных индустрий России//Материалы секции ПЭМФ-2018. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: -https://roscongress.org/sessions/eksportnyy-potentsial-kreativnykh-industriy-rossii/discussion/

11. *Ричард Флорида*. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2007. – 421 с.

12. Martin Prosperity Institute// The global Creativity Index- 2015. – 2015.

13. Образ общества в постмодернисткой социологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociology/5.html].

14. *Коркия Э.Д., Мамедов А.К.* Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). – 2017. – № 2. – С. 9–13.

15. *Мамедов А.К.* Самопрезентация социологии в научном знании // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. Изд-во Моск. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 6–25.

Bibliographic list

1. Chuchin-Rusov A. Ye. Novyy kul'turnyy landshaft: postmodernizm ili neoarkhaika? // Voprosy filosofii. 1999. № 4. S. 5–13. [Chuchin-Rusov A.E. New cultural landscape: postmodernism or neoarchaic? // Questions of philosophy. 1999. No 4. P. 5–13].

2. Aktual'nyye voprosy globalizatsii. Kruglyy stol // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1999. № 4. S. 43. [Actual issues of globalization. Round table // World Economy and International Relations. 1999. No. 4. P. 43.].

3. Burkkhardt Y.A. Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii. Opyt issledovaniya. Moscow: Yurist, 1996. 591 p. [Burkhardt J. Renaissance culture in Italy. Research experience. Moscow: Lawyer, 1996. 591 p.].

4. Iosif Brodskiy: tvorchestvo, lichnost', sud'ba. Itogi trekh konferentsiy. SPb., 1998. 318 p. [Joseph Brodsky: creativity, personality, fate. The results of three conferences. SPb., 1998. 318 p.].

5. Kiselev G. S. «Krizis nashego vremeni» kak problema cheloveka // Voprosy filosofii. 1999. № 1. S. 40–52. [Kiselev G. S. “The crisis of our time” as a human problem // Problems of Philosophy. 1999. No. 1. P. 40–52.].

6. Gaydenko P. P. Proryv k transtsendentnomu. Novaya ontologiya XX veka. M., 1997. 495 s. [Gaidenko P. P. Breakthrough to the transcendent. New ontology of the 20th century. M., 1997. 495 p.].

7. Brok D. Ekonomika i gosudarstvo v epokhu globalizatsii. Ot natsional'nykh ekonomik k globalizirovannomu mirovomu khozyaystvu // Polilekonom. 1997. № 3, 4 [Brock D. Economics and the state in the era of globalization. From national economies to a globalized world economy // Polilekonom. 1997. No. 3, 4];

8. Neklessa A. Konets tsivilizatsii, ili Konflikt istorii? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 1999. № 3. S. 35. [Neklessa A. The End of Civilization, or the Conflict of History? // World economy and international relations. 1999. No. 3. P. 35];

9. Khillebrand R. Vel'fens P. I. I. Globalizatsiya ekonomiki: posledstviya mezhdunarodnoy konkurentsii territorial'nykh usloviy khozyaystvovaniya dlya ekonomicheskoy politiki // Polilekonom. 1997. № 3, 4. S. 52. [Hillebrand R. Welfens P. I. I. Globalization of the economy: the consequences of international competition of territorial economic conditions for economic policy // Politekonom. 1997. No. 3–4. P. 52];

10. Eksportnyy potentsial kreativnykh industriy Rossii//Materialy sektsii PEMF-2018. – [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: https://roscongress.org/sessions/eksportnyy-potentsial-kreativnykh-industriy-rossii/discussion/ [Export potential of creative industries in Russia // Materials of the PEMF-2018 section. – [Electronic resource] – Access mode: https://roscongress.org/sessions/eksportnyy-potentsial-kreativnykh-industriy-rossii/discussion/];

11. Richard Florida. Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menyayut budushcheye. M.: Klassika-XXI, 2007. 421 s. [Richard Florida. Creative class: people who change the future. M.: Classic-XXI, 2007/ 421 p.].

12. Martin Prosperity Institute// The global Creativity Index- 2015. – 2015.

13. Obraz obshchestva v postmodernistkoy sotsiologii [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociology/5.html]. [The image of society in postmodern sociology [Electronic resource] – Access mode: http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociol]

14. Korkiya E.D., Mamedov A.K. Virtual Reality Identity: New Alternatives in the journal Theory and Practice of Social Development (electronic journal), 2017, No. 2. P. 9–13.

15. Mamedov A.K. Self-presentation of sociology in scientific knowledge in the journal Vestnik Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science, publishing house Publishing House Mosk. University. 2017. No. 2. P. 6–25.

Е.В. Мицкая*

УДК 342.72/73
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.019

О НЕОПРАВДАННЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. *В статье автор поднимает вопросы о необходимости конкретизации реализации права граждан на участие в заседаниях коллегиальных органов публичной власти, неоправданных препятствиях реализации права граждан на получение информации, приводит свои доводы по усилению правовых гарантий как обеспечения данного права, так и исполнения обязанности органов публичной власти предоставлять необходимую информацию.*

Ключевые слова: *свобода информации, право на информацию, право на обращение, обязанность органов публичной власти предоставлять информацию.*

UNJUSTIFIED OBSTACLES TO THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF CITIZENS TO RECEIVE INFORMATION

Annotation. *In the article, the author raises questions about the need to concretize the realization of the right of citizens to participate in meetings of collegial public authorities, unjustified obstacles to the realization of the right of citizens to receive information, gives reasons for strengthening legal guarantees for both ensuring this right and fulfilling the obligation of public authorities to provide the necessary information.*

Key words: *freedom of information, right to information, right to appeal, obligation of public authorities to provide information.*

Составной частью свободы информации является обязанность соответствующих государственных органов, организаций всех форм собственности предоставлять необходимую информацию. Без выполнения такой обязанности конституционное право личности на информацию, свобода средств массовой информации превращаются в фикцию.

Часть 3 статьи 24 Конституции РФ закрепляет обязанность государственных органов, общественных объединений, должностных лиц и средств массовой информации обеспечить каждому гражданину возможность ознакомиться с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации [1]. Речь в этой норме идет не только о конкретных случаях, когда нарушаются или встает угроза нарушению прав, либо иным образом затрагиваются права личности,

* ***Мицкая Елена Владимировна***, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург); профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауезова (Республика Казахстан, Шымкент). E-mail: elenamits@inbox.ru

Mitskaya Elena Vladimirovna, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg); Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of M. Auezov South Kazakhstan State University (the Republic of Kazakhstan, Shymkent).

но и обо всех актах, действиях государственных органов и должностных лиц, связанных с правами человека. Поэтому реализация данной конституционной нормы находит свое дальнейшее развитие в текущем законодательстве.

Однако, Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в ст. 15 закрепляет за коллегиальными государственными органами и коллегиальными органами местного самоуправления обеспечение возможности присутствия граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления, на своих заседаниях, а иные государственные органы и органы местного самоуправления на заседаниях своих коллегиальных органов [2].

Но далее по тексту ст. 15 реализация права граждан и представителей их объединений присутствовать на заседаниях коллегиальных государственных органов и органов местного самоуправления ставится в зависимость от закрепления в регламентах государственных органов или иных нормативных правовых актов, регламентов органов местного самоуправления или иных муниципальных правовых актов такого присутствия. Иначе говоря, закон предусматривает право граждан и представителей их объединений присутствовать на заседаниях коллегиальных государственных органов и органов местного самоуправления, благодаря которому развивается активная гражданская позиция членов гражданского общества, но нет такой обязанности у органов власти закреплять в регламентах присутствие граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений на своих заседаниях.

Как справедливо обращает внимание Н.Е. Колобаева, «такая форма получения информации не распространена, в том числе потому, что недостаточно поддерживается соответствующими органами» [3, с. 18]. Более того, право на участие в заседаниях органов власти есть, а механизма его реализации нет. Нет законодательного закрепления способов и порядка осведомления физических и юридических лиц о времени и месте проведения, повестке заседаний органов власти, определения порядка доступа заинтересованных лиц к заседаниям, процедуры самого участия (могут ли задавать вопросы, какова их роль при принятии решений, другими словами, активное или пассивное присутствие).

Имеет смысл предусмотреть обязанность органов власти в регламентах иметь перечень вопросов, подлежащие рассмотрению на закрытых заседаниях, исключив тем самым фривольное формирование повестки заседаний не предусматривающей возможности присутствия граждан на них. Таким образом, необходима законодательная конкретизация механизма реализации права граждан на участие в заседаниях коллегиальных органов публичной власти, которая была бы исчерпывающей на федеральном уровне и, соответственно, исключала бы возможность уточнения субъектами РФ.

Способом получения информации закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» устанавливает запрос. Запрос – это обращение. Он является способом реализации права гражданина на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Обращение гражданина может быть направлено в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа, а также устно. Согласно ст. 13 Федерального

закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4] обращение может быть устным при личном приёме руководителями и уполномоченными на то лицами государственных органов, органов местного самоуправления.

Запрос – обращение пользователя информацией в устной или письменной форме, в том числе в виде электронного документа, в государственный орган или орган местного самоуправления либо к его должностному лицу о предоставлении информации о деятельности этого органа. Обратим внимание, на то, что закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» устанавливает одно из оснований, исключающих представление информации, если запрос о подтверждении такой информации, которая непосредственно не связана с защитой прав направившего запрос пользователя информацией (п. 6 ч.1 ст. 20).

Однако, закон даёт определение пользователя информации. Таким лицом является – «гражданин (физическое лицо), организация (юридическое лицо), общественное объединение, осуществляющие поиск информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», а также «государственные органы, органы местного самоуправления, осуществляющие поиск указанной информации в соответствии с настоящим Федеральным законом» (п. 3 ст. 1 закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»), т.е. в определении не закреплена обязательная связь содержания запроса с защитой прав лица или органа, делающего запрос.

Тогда почему в силу п.6 ч.1 ст. 20 данного закона в праве на запрос будет отказано, если запрашиваемая информация непосредственно не связанна «с защитой прав направившего запрос пользователя информацией». Почему право на свободу информации ограничивается такой словесной привязкой? Не видится ли в этом, искусственно созданное ограничение права граждан на управление делами государства и многих других прав. Не кроется ли в этом противоречие с принципами обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, которые закреплены в этом законе, в числе которых свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления любым законным способом.

Причём, согласно ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» не может быть ограничен доступ к нормативным правовым актам, устанавливающим правовое положение организаций, государственных органов и органов местного самоуправления; информации о состоянии окружающей среды; информации о деятельности государственных и муниципальных органов, об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну) [5].

Кроме этого, в ч. 3 ст. 20 закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» закрепляется право государственного органа, органа местного самоуправления не предоставлять информацию о своей деятельности по запросу, если эта информация опубликована в средстве массовой информации или размещена в сети «Интернет». В ответе на запрос органы публичной власти имеют право ограничиться названием исходных данных СМИ, где была опубликована запрашиваемая информация, и (или) электронным адресом официального сайта, на котором информация была размещена.

Возникает ряд вопросов: чтобы найти то СМИ, в котором интересующая информация была опубликована, нужно пойти в библиотеку? Найти для этого время, возможно отпроситься с работы? В то же время эта норма не учитывает категорию людей с ограниченными возможностями, которые по состоянию здоровья либо испытывают трудности при передвижении, либо вообще не могут ходить и пользуются помощью других лиц отправить запрос в органы публичной власти, следовательно, ответ смотреть публикацию в какой-то газете с большей вероятностью мало чем поможет данным лицам при реализации их права на получение информации. Если же в ответе на запрос будет дана ссылка на электронный адрес, то все ли запрашиваемые лица пользуются Интернетом? А если информация была размещена на официальных сайтах государственных органов и органов местного самоуправления, запрос был подан и человек получил ссылку по поиску информации в сети Интернет, решил проверить, но информация уже удалена или ссылка не открывается?

На наш взгляд, основания, установленные п.6 ч.1 и ч.3 ст. 20 закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», исключающие возможность предоставления информации о деятельности публичных органов власти, нужно убрать. Они оберегают государственные органы и органы местного самоуправления в первую очередь от своих собственных граждан, потому что право на обращения в органы публичной власти имеют и иностранцы, и лица без гражданства [6, с. 111], которые своими запросами не обременяли бы их работу. А, собственно, ради кого должно существовать государство. Разве не ради собственных граждан? Такие ограничения воспринимаются как защита данных органов от всех обращающихся к ним лиц.

С одной стороны, данный закон был принят для того, чтобы конкретизировать общее правило деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления об информировании граждан об осуществлении органами власти их полномочий, обеспечении привлечения граждан к обсуждению и принятию властных решений, осуществлении общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления.

А с другой, имеет нормы, подрывающие открытость и прозрачность органов власти, являющиеся признаками демократического государства. С одной стороны, ученые конституционалисты обосновывают понятие конституционно-правового принципа транспарентности, определяющего особый характер осуществления публичной власти, обеспечивающего ее осуществление в интересах большинства народа, а потому, являющегося элементом системы юридических гарантий народовластия как основы конституционного строя современного демократического государства [7, с. 8].

На практике мы имеем законодательно неоправданно установленные ограничения реализации конституционно закреплённого права каждого искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом через которое гражданам автоматически невозможно осуществлять в полной мере и другие разнообразные личные, экономические, политические, культурные, экологические права.

Н.Н. Лебедева указывает на то, что для России и других стран бывшего соцлагеря характерно явление информационной ассиметрии, т.е. недостаточная публичность организационно-управляющих систем [8, с.78, 79]. Да, действительно, это так.

В частности, в Казахстане, к сожалению, практика рассмотрения обращений должностными лицами государственных органов уже не первый год остаётся проблемной [9, с. 114]. Должностные лица нарушают порядок рассмотрения обращений, не соблюдают сроки. На необходимость эффективной защиты частных лиц от возможных нарушений со стороны казахстанских публичных органов власти обращает внимание Президент Республики Казахстан.

Тем не менее, в настоящее время можно отметить стремление российских органов публичной власти быть более открытыми. Нельзя не увидеть того, что предпринимаются меры по преодолению информационного вакуума, обеспечению открытости государственных органов для средств массовой информации и через них – для населения. Однако, формальный подход к предоставлению информации недопустим и вреден по причине формирования в таком случае разрыва между государством и собственными гражданами. Реализация права на доступ к информации имеет значительную ценность для государства. При осуществлении этого права раскрывается важная характеристика демократического государства, так как открывается возможность прямого контакта человека и государства, причем по выбору человека, что должно свидетельствовать о гибком современном стиле деятельности государственных органов. Соответственно, все неоправданные препятствия реализации права граждан на получение информации должны быть устранены с целью усиления правовых гарантий его обеспечения и исполнения обязанности органов публичной власти предоставлять необходимую информацию.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосование 12 декабря 1993 года: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // http://www.consultant.ru/ (дата обращения 08.10.2019).

2. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/ (дата обращения 08.10.2019).

3. *Колобаева Н.Е.* Право на доступ к информации о деятельности органов власти//Российское право: образование, практика, наука. – 2015. № 1(85). – С. 16–22.

4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http: //www. consultant.ru/ (дата обращения 10.10.2019).

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – ст. 3448.

6. *Мицкая Е.В.* Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях интеграционных процессов// Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2010. – №7. – С.110–115.

7. *Манченко П.А.* Конституционно-правовой принцип транспарентности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 25 с.

8. *Лебедева Н.А.* Доступ граждан к информации о деятельности органов государственной власти //Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2005. – № 5. – С. 76–84.

9. *Мицкая Е.В.* Как не пустить плохих чиновников в Таможенный союз (Анализируя отчеты Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан)// Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2012. – № 12. – С. 112–118.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]: adopted by popular vote on December 12, 1993: (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ , dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ December 30, 2008 No. 6-FKZ and No. 8 – FKZ) // http://www.consultant.ru/ (date of access 08.10.2019).

2. Federal law dated 09.02.2009 No 8-ФЗ “On providing access to information on the activities of state bodies and local authorities” [Electronic resource] // http://www.consultant.ru/ (date of access 08.10.2019).

3. Kolobaeva N.E. The right to access information about the activities of government // Russian law: education, practice, science. 2015. No. 1 (85). P. 16–22.

4. Federal Law dated 02.05.2006 No. 59-ФЗ “On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation” [Electronic resource] // http: //www.consultant.ru/ (accessed 10.10.2019).

5. Federal law of July 27, 2006 No 149-ФЗ “On information, information technologies and information protection” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Art. 3448.

6. Mitskaya E.V. Ensuring the rights and freedoms of man and citizen in the context of integration processes // Eurasian integration: economics, law, politics. 2010. No. 7. P. 110–115.

7. Manchenko P.A. The constitutional-legal principle of transparency of activities of state authorities and local authorities in the Russian Federation and foreign states: abstract. dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2012. 25 p.

8. Lebedeva N.A. Access of citizens to information on the activities of public authorities // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2005. No 5. P. 76–84.

9. Mitskaya E.V. How to keep bad officials out of the Customs Union (Analyzing the reports of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2012. No 12. P .112–118.

А.В. Моисеев*

УДК 340.130.24
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.018

СТРУКТУРА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ САНКЦИЙ

Аннотация. *Актуальность вопроса о структуре альтернативных санкций заключается в том, что не все ученые считают возможным говорить о структуре санкции вообще как таковой. В рамках настоящей статьи была предпринята попытка исследовать структурные элементы альтернативной санкции. Прежде всего, была рассмотрена структура санкции нормы права, разновидностью которой является альтернативная санкция. В частности, были выявлены и исследованы такие проблемные вопросы, как: являются ли составляющими элементами санкции нормы права меры юридической ответственности, меры государственного принуждения и меры защиты. Изложенное позволило сделать вывод о том, что обязательными структурными элементами норм позитивной и негативной юридической ответственности являются поощрительные и наказательные санкции. При этом, меры государственно-правового воздействия можно применять как обобщающую категорию, включающую меры позитивного и негативного государственно-правового воздействия. В связи с тем, что альтернативные санкции – это разновидность санкции нормы права, то ее структурными элементами так же являются меры государственно-правового воздействия, предусмат-ривающие негативные или позитивные последствия, изменяющие правовой статус лица, нарушившего или исполнившего диспозицию правовой нормы. Однако в отличие от других санкций нормы права, в альтернативной санкции содержательной ее составляющей являются две и более мер государственно-правового воздействия, одна из которых должна быть выбрана для применения. Меры государственно-правового воздействия, как структурные элементы альтернативной санкции характеризуются качественной и количественной характеристикой.*

Ключевые слова: *санкция нормы права; санкция нормы юридической ответственности; альтернативная санкция; структура альтернативной санкции; меры юридической ответственности; меры государственно-правового воздействия; меры защиты; наказательные санкции; поощрительные санкции.*

STRUCTURE OF ALTERNATIVE SANCTIONS

Annotation. *The relevance of the question of the structure of alternative sanctions lies in the fact that not all scientists consider it possible to talk about the*

* ***Моисеев Александр Владимирович***, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права. Институт права Тольяттинского государственного университета. E-mail: ur63@yandex.ru

Moiseev Alexander Vladimirovich, Senior Lecturer, Department of Constitutional and Administrative Law. Institute of Law, Togliatti State University.

structure of sanctions in general as such. In the framework of this article, an attempt was made to investigate the structural elements of an alternative sanction. First of all, the structure of the sanction of the rule of law was examined, a variant of which is the alternative sanction. In particular, such problematic issues were identified and investigated as: whether the legal norms, measures of state coercion and measures of protection are constituent elements of the sanction of the rule of law. The foregoing allowed us to conclude that the mandatory structural elements of the norms of positive and negative legal liability are incentive and punitive sanctions. At the same time, measures of state legal influence can be applied as a generalizing category, including measures of positive and negative state legal influence. Due to the fact that alternative sanctions are a form of sanction of a rule of law, its structural elements are also measures of state and legal influence, providing for negative or positive consequences, changing the legal status of a person who has violated or executed a disposition of a legal norm. However, unlike other sanctions, the rule of law, in an alternative sanction its substantial component is two or more measures of state legal influence, one of which must be selected for application. Measures of state legal influence as structural elements of alternative sanctions are characterized by qualitative and quantitative characteristics.

Key words: *sanction of the rule of law; sanction of legal liability; alternative sanction; alternative sanction structure; legal liability measures; measures of state legal influence; protection measures; punitive sanctions; incentive sanctions.*

Вопрос о структуре альтернативных санкций является дискуссионным, прежде всего в силу того, что не все ученые считают возможным говорить о структуре санкции вообще как таковой [1, с. 58]. Обосновывают позицию о невозможности конструирования санкции, ученые тем, что в моделировании с помощью юридических конструкций нуждаются отдельные виды наказаний, а санкции являются своеобразной отсылкой к этим наказаниям [2, с. 18].

Однако мы придерживаемся позиции А.В. Наумова, согласно которой, технико-юридические средства и приемы позволяют конструировать не только норму права, но и такую ее содержательную часть, как санкция [3, с. 19]. Такого же мнения придерживается Л.Л. Кругликов, считая, что целесообразно вести речь о конструкции санкций, в основе строения которых лежат уголовно-правовые конструкции наказаний и его виды [1, с. 58].

Н.Н. Дерюга и А.Н. Дерюга важность конструкции санкций видят в том, что «их содержание формирует коридор предельно допустимых размеров … наказаний, их видов, за рамки которого можно выйти лишь в особых случаях, установленных законом» [4, с. 4–10].

По большей своей части, ученые уделяют внимание рассмотрению проблемы построения, технико-юридическому конструированию альтернативных санкций [5; 6; 7; 8; 9; 10], тогда как их содержательная часть рассматривается при рассмотрении понятия альтернативной санкции.

Цель настоящей статьи – исследовать структурные элементы альтернативной санкции.

По своей природе альтернативные санкции являются разновидностью санкции нормы права. В связи с чем, прежде необходимо рассмотреть содержательную со-

ставляющую санкции нормы права, относительно которой в науке можно выделить несколько подходов.

Согласно первому подходу, содержание санкции включает только вид и меру юридической ответственности [10, с. 32–38; 11, с. 194; 12, с. 18; 13, с. 244–245; 14, с. 18]. К примеру, М.И. Байтин пишет о том, что «по своему содержанию санкция есть вид и мера юридической ответственности правонарушителя» [11, с. 194]. Такого же мнению придерживался и О.Э. Лейст, «признавая необходимость охраны каждой нормы права мерами государственного принуждения», конкретно определенными в санкции [12, с. 18].

Б.Т. Базылев, соглашаясь с такой же точкой зрения, что санкция является мерой юридической ответственности, в то же время отмечает, что санкция не является способом охраны юридических норм (применяется после того как нормы нарушены) [15, с. 36–37] и не может быть мерой государственного принуждения, так как при помощи последних (мер государственного принуждения – А.М.) санкция реализуется [10, с. 32–38].

Второй подход к содержанию санкции является более широким и предполагает, что меры юридической ответственности не всегда являются содержательной составляющей санкции, а закрепленные в санкции неблагоприятные последствия – это не обязательно меры юридической ответственности, а меры защиты [16, с. 185; 17, с. 8]. При этом, в качестве содержательных элементов санкции называют: неблагоприятные последствия, возникшие вследствие невыполнения диспозиции нормы права, нарушения нормы права [18, с. 63]; различные формы воздействия на нарушителя диспозиции нормы права [19, с. 86, 88]; санкции-принуждения и санкции-неблагоприятные последствия [15, с. 185; 18, с. 63]; государственно-обеспечительные вид и меры, содержащие итоговую оценку [17, с. 8].

Обозначенные подходы к определению содержательной составляющей санкции правовой нормы, позволяет выявить следующие проблемные вопросы, которые по сей день не имеют однозначного решения в науке.

Во-первых, являются ли меры юридической ответственности обязательными составляющими санкции нормы права?

Во-вторых, стоит ли включать в определение санкции такой содержательный элемент, как меры государственного принуждения и их отличие от мер юридической ответственности?

В-третьих, могут ли меры защиты быть включены в санкции норм права?

На данные вопросы однозначно отвечает А.А. Мусаткина и другие ученые, отмечая, что в санкцию как структурный элемент нормы права могут включаться все обозначенные выше элементы, т.е. меры юридической ответственности, меры государственного принуждения и меры защиты, а кроме того и поощрение [20, с. 63; 21, с. 124].

Присоединяясь в целом к обозначенной точке зрения, следует разобраться с вопросами, что представляют собой такие категории, как «меры юридической ответственности», «государственное принуждение» и «меры защиты».

В науке меры юридической ответственности определяют посредством категории «санкции», т.е. санкции отождествляют с мерами юридической ответственности [22, с. 9; 23, с. 15] или как количественные и качественные параметры государственного принуждения, правовое последствие юридической оценки совершенного деяния [24, с. 26–29].

Что касается отождествления санкции с мерами юридической ответственности, то следует заметить, что, санкция, являясь структурным элементом правовой нормы, представляет собой нормативное выражение мер юридической ответственности, которые в свою очередь могут быть закреплены не в любой санкции.

Авторы, считающие, что меры юридической ответственности являются разновидностью мер государственного принуждения, полагают, что первым (мерам юридической ответственности – *А.М.*) присущи, как общие признаки вторых (государственного принуждения – *А.М.*), так и некоторые признаки юридической ответственности в целом [25]. Кроме того, меры юридической ответственности характеризуются качественной и количественной характеристикой. Качественной характеристикой мер юридической ответственности, являются правовые последствия, т.е. порождаемые отсутствием или наличием соответствующих юридических фактов и предусмотренные нормами права изменения правового статуса субъекта общественных отношений [26, с. 14]. Д.А. Липинский и А.Г. Шишкин качественную характеристику мер юридической ответственности дополняют еще и отраслевой принадлежностью оснований их назначения, видами применяемых ограничений и актами применения права, конкретизирующими меры юридической ответственности [25].

Количественная характеристика мер юридической ответственности отражает продолжительность или пределы их действия и объем.

Таким образом, соглашаясь с тем, что меры юридической ответственности являются разновидностью мер государственного принуждения, пояснения требует вопрос относительно правовых последствий, предусмотренных мерами юридической ответственности и изменяющих правовой статус субъекта общественных отношений.

Так, многие ученые дефиницию санкций выводят исходя из признания последствия как самостоятельного содержательного аспекта санкции. При этом содержательным аспектом санкций признают отрицательные последствия нарушения правовой нормы [10, с. 187, 203], отрицательные и нежелательные для правонарушителя последствия [27, с. 157; 28, с. 19], последствия нарушения или неисполнения [12, с. 7; 29, с. 576]; негативные последствия [30, с. 343, 345], «правовые последствия противоправного или заслуженного поведения лица» [26, с. 49], вид и меру последствий, наступающих в результате соблюдения или нарушения диспозиции [31, с. 62], позитивные последствия выполнения диспозиции нормы права [32, с. 93]. Как можно заметить дискуссионность вопроса состоит в признании как негативных, так и позитивных последствий и отсюда соответственно наказательных и поощрительных санкций.

Корни обозначенного спора лежат в самой научно-теоретической конструкции юридической ответственности, т.е. признание негативной и позитивной юридической ответственности. Присоединяясь к сторонникам существования позитивной юридической ответственности, реализующейся в правомерном или поощряемом государством поведении субъектов юридической ответственности [33], следует также признать и наличие как наказательных, так и поощрительных санкций. Первые являются санкциями норм негативной юридической ответственности, а вторые – позитивной.

При этом, содержанием санкций норм негативной юридической ответственности являются меры юридической ответственности, являющиеся разновидностью мер государственного принуждения и предусматривающие негативные правовые последствия для лица, нарушившего норму права.

Можно выделить следующие отличительные черты санкции, закрепляющей меры юридической ответственности, предусматривающей негативные последствия, т.е. наказательной санкции:

1) содержанием наказательных санкций являются меры юридической ответственности, влекущие неблагоприятные последствия, наступающие в случае совершения правонарушения и изменяющие правовой статус правонарушителя;

2) наказательные санкции выполняют восстановительную и карательную функцию [34, с. 74], но именно наличие второй функции (карательной – *А.М.*) позволяет данную санкцию квалифицировать как наказательную;

3) наказательная санкция имеет особый порядок ее реализации, связанный с основанием реализации (правонарушение) и осуждением, порицанием правонарушителя;

4) в наказательной санкции указываются вид и пределы наказания;

5) виды и пределы наказания, указанные в наказательной санкции, конкретизируются в правоприменительном акте;

5) наказательная санкция формально определена, т.е. закреплена в норме права [20, с. 63–65].

Особенность поощрительных санкций заключаются в том, что поощрения также как и наказания являются мерами юридической ответственности. Однако содержанием санкций позитивной юридической ответственности могут быть не только меры поощрения, но и льготы, дозволения, которые не являются мерами юридической ответственности, а представляют собой, так же как и поощрение – правовые средства, т.е. являются формами выражения государственно-правового воздействия. Категория государственно-правовое воздействие является более широким понятием и включает как меры позитивного государственно-правового воздействия, так и меры государственно-правового принуждения. Иными словами, меры государственно-правового воздействия можно применять как обобщающую категорию, включающую меры позитивного и негативного государственно-правового воздействия.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что поощрительные и наказательные санкции являются обязательными структурными элементами норм позитивной и негативной юридической ответственности соответственно.

Что касается мер защиты, как элемента содержательной составляющей санкции нормы права, то необходимо отметить следующее. Анализ научной литературы, позволяет меры защиты определить как правовое средство, которое в свою очередь понимается как предусмотренные нормами права, обеспечиваемые принудительной силой государства инструменты и деяния, направленные на достижение социально полезных целей и порождающие правовые последствия [35, с. 14; 36, с. 67; 38]. Кроме того, меры защиты тесно связаны с государственным принуждением, а именно являются одной из его разновидностей [38], т.к. основным назначением первых (мер защиты – *А.М.*) является прекращение нарушения правопорядка, восстановление правовых связей и отношений посредством понуждения субъекта к исполнению возложенной, но не выполненной юридической обязанности [39, с. 37].

Меры защиты имеют как общие, так и особенные признаки с мерами юридической ответственности и мерами поощрения. Общим является то, что меры защиты, так же как и меры государственно-правового воздействия (меры юридической ответственности и поощрения), закрепляются в санкции нормы права; основанием применения могут являться как противоправные, так и правомерные юридические

факты; многофункциональны; осуществляются в рамках охранительных правоотношений; порождают правовые последствия.

Однако, в отличие от мер юридической ответственности и поощрений, которые закрепляются в санкциях нормах юридической ответственности, меры защиты закрепляются в санкциях норм права, а также в диспозиции нормы права [20, с. 61]. Особенности правовых последствий мер защиты заключаются в том, что в одних случаях они могут изменять правовой статус обязанного лица, а в других – направлены на сохранение, восстановление правового статуса, кроме того, правовые последствия могут быть как положительными, так и отрицательными.

Таким образом, меры защиты не являются структурным элементом санкции нормы юридической ответственности.

Как уже было отмечено, альтернативные санкции, являясь разновидностью санкции нормы права, имеют общие признаки с ними признаки. Одним из таких общих признаков является микросистемность [11, с. 42], которая предполагает взаимосвязь и взаимодействие внутренних структурных элементов нормы права. Д.А. Липинский справедливо обращает внимание на то, что в случаях, когда санкция носит не простой, а сложный характер, т.е. предусматривает несколько видов наказаний, то она сама обладает свойством микросистемности [40, с. 88]. При этом, термин «микросистемность санкции» употребляется в сравнении с системой права, а также взаимосвязанными элементами структуры нормы права.

Структурными элементами альтернативной санкции, так же как и санкции нормы юридической ответственности являются меры государственно-правового воздействия, предусматривающие негативные или позитивные последствия, изменяющие правовой статус лица, нарушившего или исполнившего диспозицию правовой нормы. Однако в отличие от других санкций нормы права, в альтернативной санкции содержательной ее составляющей являются две и более мер государственно-правового воздействия, одна из которых должна быть выбрана для применения. Меры государственно-правового воздействия, как структурные элементы альтернативной санкции характеризуются качественной и количественной характеристикой. Качественная характеристика конкретной меры юридической ответственности отражается в правовых последствиях, которые она порождает отсутствием или наличием соответствующих юридических фактов и предусмотренные нормами права изменения правового статуса субъекта общественных отношений. Количественная характеристика мер юридической ответственности отражает продолжительность их действия и объем.

Анализ качественной характеристики альтернативной санкции, позволяет выделить парность наказаний и поощрений как мер государственно-правового воздействия, являющихся содержательными составляющими альтернативной санкции. В этом случае парными юридическими категориями являются альтернативная наказательная санкция и альтернативная поощрительная санкция, имеющие как общие, так и противоположные признаки. Кроме того, альтернативные наказательные и поощрительные санкции как парные юридические категории характеризуются взаимным переходом от одной санкции к другой как посредством обеспечения диспозиции нормы права двумя разновидностями санкций (поощрительных и наказательных), так и возможностью выбора между данными мерами (поощрительными и наказательными).

Кроме того, качественная характеристика мер государственно-правового воздействия, позволяет выделить, свойственный отдельным видам альтернативных

санкций такой признак, как парность мер наказания и поощрения, который может проявляться двумя способами:

во-первых, посредством обеспечения диспозиции нормы права двумя разновидностями санкций (поощрительных и наказательных);

во-вторых, возможностью предоставления правоприменителю выбора между поощрительными и наказательными мерами государственно-правового воздействия.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в альтернативной санкции в обязательном порядке присутствует возможность выбора между предусмотренными в конкретной санкции нормы юридической ответственности, вида меры государственно-правового воздействия. Если же такого выбора нет, т.е. в санкции нормы права предусмотрен только один вид меры государственного-правового воздействия, то это безальтернативная санкция. Пределы действия или объем мер государственно-правового воздействия в альтернативной санкции могут быть выражены как посредством выбора, так и без такового. При этом, относительно-определенные и абсолютно-определенные санкции являются количественными характеристиками альтернативной санкции.

Таким образом, альтернативные санкции, будучи структурным элементом нормы юридической ответственности, также имеют самостоятельную содержательную часть, элементами которой, являются две и более мер государственно-правового воздействия, продолжительность действия и объем которых выражаются посредством относительно-определенных или абсолютно-определенных санкций.

Библиографический список

1. *Кругликов Л.Л*. Виды юридических конструкций в уголовном праве // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 58–61.

2. *Иванчин А.В*. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.

3. *Наумов А.В*. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного законодательства. – М., 1984. – С. 19–24.

4. *Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н*. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. – 2018. – № 2. – С. 4–10.

5. *Липинский Д.А*. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3(45). – С. 87–94.

6. *Тихонова С.С., Киселева И.А., Фроловичев Я.В*. Длина альтернативной санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса: теория и законотворческая практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 4 (36). – С. 124–127.

7. *Тихонова С.С., Киселева И.А., Кокунов А.И*. Технико-юридическое конструирование единичных и альтернативных санкций в кодифицированном уголовном законе: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 80–85.

8. *Тихонова С.С*. Наказание как базовая мера государственного принуждения в уголовном праве: к вопросу о конструировании единичных и альтернативных санкций // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 3 (10). – С. 58–61.

9. *Чуклова Е.В*. Конструкции альтернативных санкций // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 10 (166). – С. 126–130.

10. *Базылев Б.Т*. Сущность санкций в советском праве // Правоведение. – 1976. – № 5. –С. 32–38.

11. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – 416 с.

12. *Лейст О.Э.* Санкция и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). – М.: Издательство МГУ, 1981. – 240 с.

13. *Томашевский Н.П*. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Кн.: Вопросы общей теории советского права. – М., 1960. – 340 с.

14. *Гогин А.А*. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 21 с.

15. *Базылев Б.Т*. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. – 120 с.

16. *Пиголкин А.С*. Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. – М., 1960. – С. 185–189.

17. *Сатина Э.А*. Основные аспекты правового санкционирования: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2001. – 28 с.

18. *Недбайло П.Е*. Применение советских правовых норм. – М.: Юридическая литература, 1960. – 511 с.

19. *Элькинд П.С*. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – М., 1976. – 142 с.

20. *Мусаткина А.А*. Понятие и виды санкций норм права. Глава 3 // Юридическая ответственность: история и современность. – Тольятти: ТГУ, 2014. – С. 63–65.

21. *Мусаткина А.А*. К вопросу о понятии мер защиты // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 1 (11). – С. 124–129.

22. *Заболотских Е.М.* Муниципально-правовые санкции как форма выражения ответственности в системе местного самоуправления: Автореферат дис. .. канд. юрид. наук. – М., 2007. – 24 с.

23. *Колосова Н.М*. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: Автореферат дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 44 с.

24. *Черногор Н.Н*. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления: Автореферат дисс. … д-ра юрид. наук. – М., 2007. – 49 с.

25. *Липинский Д.А., Шишкин А.Г*. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 40–49.

26. *Васильев П.В*. Автоматические санкции в Российском праве (теория, практика, техника): Автореферат канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2014. – 23 с.

27. *Казаков В.Н*. Теория государства и права: учебник / Науч. ред. Р.В. Шагиева. – М.: Издательство РААН, 2015. – 470 с.

28. *Золотарев А.П*. Гражданско-правовая ответственность в России: понятие, основания, санкции: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 360 с.

29. *Марченко М.Н*. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 640 с.

30. *Поляков А.В., Тимошина Е.В*. Общая теория права. Учебник. – СПб.: Издательство С-Петербургского государственного университета, 2015. – 629 с.

31. *Калинин А.Ф*. Общая теория права: учеб. пособие. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 277 с.

32. *Гущина Н.А*. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 294 с.

33. *Липинский Д.А*. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. – 2005. – № 11, 12.

34. *Липинский Д.А*. Юридическая ответственность. – Тольятти: Издательство ВУиТ, 2002. – 400 с.

35. *Алексеев С.С*. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.

36. *Малько А.В., Шундиков К.В*. Цели и средства в праве. – Саратов: Издательство СГАП, 2003. – 296 с.

37. *Кузьмин А.В.* Правовые средства правовосстановления. Понятие и признаки правовых средств // Theory and Practice of the restoration of rights. – 2013. – № 1 (1). – С. 1–10.

38. *Бессолицин А.Г*. К вопросу о понятии мер защиты // Право и политика. – 2007. – № 10. – С. 12–18.

39. *Ардашкин В.Д*. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 33–39.

40. *Липинский Д.А*. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 87–94.

Bibliographic list

1. Kruglikov L. L. Types of legal constructions in criminal law // Legal technique. 2013. No. 7-2. P. 58–61.

2. Ivanchin A.V. Criminal law constructions and their role in the construction of criminal legislation: Abstract. dis ... cand. legal sciences. Ekaterinburg, 2003. 24 p.

3. Naumov A.V. The form of the criminal law and its social conditioning // Problems of improving the criminal law. Moscow, 1984. P. 19–24.

4. Deryuga NN, Deryuga AN The legal outline of administrative penology: problems of the current state // Administrative law and process. 2018. No. 2. P. 4–10.

5. Lipinsky D.A. To the question of constructions of alternative sanctions in criminal law // Jurisprudence and law enforcement practice. 2018. No. 3 (45). P. 87–94.

6. Tikhonova S.S., Kiseleva I.A., Frolovichev Y.V. The length of the alternative sanction of the article of the Special Part of the Criminal Code: theory and legislative practice // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2014. No. 4 (36). P. 124–127.

7. Tikhonova S.S., Kiseleva I.A., Kokunov A.I. Technical and legal construction of single and alternative sanctions in the codified criminal law: statement of the problem // Jurisprudence and law enforcement practice. 2016. No. 1 (35). P. 80–85.

8. Tikhonova S.S. Punishment as a basic measure of state coercion in criminal law: on the issue of constructing individual and alternative sanctions // Vector of science at TSU. Series: Jurisprudence. 2012. No. 3 (10). P. 58–61.

9. Chuklova E.V. Constructions of alternative sanctions // Law and state: theory and practice. 2018. No. 10 (166). P. 126–130.

10. Bazylev B.T. The essence of sanctions in Soviet law // Jurisprudence. 1976. No. 5. P. 32–38.

11. Baitin M.I. The essence of law (Modern regulatory understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001.416 p.

12. Leist O.E. Sanction and responsibility under Soviet law (theoretical problems). Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1981. 240 p.

13. Tomashevsky N.P. On the structure of a legal norm and the classification of its elements / Book: Questions of the general theory of Soviet law. Moscow, 1960. 340 p.

14. Gogin A.A. Theoretical and legal issues of tax liability: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2002. 21 p.

15. Bazylev B.T. Legal responsibility (theoretical issues). Krasnoyarsk: Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1985. 120 p.

16. Pigolkin A.S. The norms of Soviet socialist law and their structure // Questions of the general theory of Soviet law. Moscow, 1960. P. 185–189.

17. Satina E.A. The main aspects of legal authorization: Author. diss. ... cand. legal sciences. Tambov, 2001. 28 p.

18. Nedbylo P.E. The application of Soviet legal norms. Moscow: Legal literature, 1960. 511 p.

19. Elkind P.S. The goals and means of their achievement in the Soviet criminal procedure law. Moscow, 1976. 142 p.

20. Musatkina A.A. The concept and types of sanctions of the rule of law. Chapter 3 // Legal responsibility: history and modernity. TSU, 2014. P. 63–65.

21. Musatkina A.A. To the question of the concept of protective measures // Vector of science TSU. 2010. No. 1 (11). P. 124–129.

22. Zabolotskikh E.M. Municipal legal sanctions as a form of expression of responsibility in the local government system: Abstract dis. .. cand. legal sciences. Moscow, 2007. 24 p.

23. Kolosova N.M. Theory of constitutional responsibility: nature, features, structure: Abstract dis. ... Dr. jur. sciences. Moscow, 2006. 44 p.

24. Chernogor N.N. Problems of responsibility in the theory of municipal law and the practice of local self-government: Abstract of diss. ... Dr. jur. sciences. Moscow, 2007. 49 p.

25. Lipinsky D.A., Shishkin A.G. The concept of measures of legal responsibility // Journal of Russian Law. 2013. No. 6. P. 40–49.

26. Vasiliev P.V. Automatic sanctions in Russian law (theory, practice, technology): Abstract of Cand. legal sciences. Nizhny Novgorod, 2014. 23 p.

27. Kazakov V.N. Theory of state and law: textbook / Scientific. Ed. R.V. Shagieva. Moscow: Publishing house of RAAN, 2015. 470 p.

28. Zolotarev A.P. Civil liability in Russia: concept, grounds, sanctions: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 360 p.

29. Marchenko M.N. Theory of state and law: a textbook. 2nd ed., Revised. and add. Moscow: Prospect, 2017. 640 p.

30. Polyakov A.V., Timoshina E.V. General theory of law. Textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2015. 629 p.

31. Kalinin A.F. General theory of law: textbook. allowance. Chita: ChitGU, 2008. 267 p.

32. Gushchina N.A. Incentive norms of Russian law: theory and legislative practice. St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press", 2003. 294 p.

33. Lipinsky D.A. Positive legal responsibility: for and against // Law and Politics. 2005. No. 11, 12.

34. Lipinsky D.A. Legal responsibility. Tolyatti: Publishing house VUiT, 2002. 400 p.

35. Alekseev S.S. Legal means: statement of the problem, concept, classification // Soviet State and Law. 1987. No. 6. P. 12–19.

36. Malko A.V., Shundikov K.V. Goals and means in law. Saratov: SGAP Publishing House, 2003. 296 p.

37. Kuzmin A.V. Legal remedies. The concept and signs of legal means // Theory and Practice of the restoration of rights. 2013. No. 1 (1). P. 1–10.

38. Bessolitsin A.G. To the question of the concept of protective measures // Law and Politics. 2007. No. 10. P. 12–18.

39. Ardashkin V.D. On coercion under Soviet law // Soviet State and Law. 1970. No. 7. P. 33–39.

40. Lipinsky D.A. To the question of constructions of alternative sanctions in criminal law // Jurisprudence and law enforcement practice. 2018. No. 3 (45). P. 87–94.

О.Г. Печникова*
С.Н. Рожнов**

УДК 347.121.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.017

О НОРМАТИВНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОТРАСЛИ «МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО» И ПОРЯДКЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, КАК ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы нормативного определения отрасли «медицинское право», исторические особенности становления и эволюции регламентации основных вопросов организации медицинского образования в России, ставшего частью государственной политики по охране здоровья.*

Ключевые слова: *медицинское право, история медицинского права, история регламентация охраны здоровья, нормативное регулирование медицинского образования, об отрасли «медицинское право».*

ABOUT NORMATIVE DEFINITION OF BRANCH "MEDICAL LAW" AND THE ORDER OF FIXING OF THE MAIN QUESTIONS OF THE ORGANIZATION OF MEDICAL EDUCATION IN RUSSIA AS PART OF THE STATE POLICY ON HEALTH PROTECTION: HISTORY AND MODERNITY

Annotation. *The article considers topical issues of normative definition of the industry "medical law", the historical peculiarities of the formation and evolution of regulation of the basic issues of organization of medical education in Russia, become part of public policy on health.*

Key words: *medical law, history of medical law, history of regulation of health protection, normative regulation of medical education, about the branch "medical law".*

В современных реалиях, отрасль с названием «медицинское право» нормативно не определена (хотя по данному вопросу возникают острые научные дискуссии); но такого рода обстоятельство не является препятствием дальнейшего пересмотра ограниченного перечня отраслей и его расширения в перспективе с включением такового. Основанием для признания законодателем «новой» отрасли права, по нашему мнению, станет дальнейшее усовершенствование системы здравоохранения Российской Федерации и правовой регламентации.

* ***Печникова Ольга Глебовна,*** профессор кафедры теории и истории, государства и права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Москва), доктор юридических наук, доцент. E-mail: lex1881@mail.ru

Pechnikova Olga Glebovna, Professor of the Department of theory and history, state and law of RSU Gubkin,, doctor of law, docent.

** ***Рожнов Сергей Николаевич***, декан юридического факультета РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafedra_tigp@mail.ru

Rozhnov Sergey Nikolaevich, Dean of the faculty of law of RSU Gubkin, head of the Department of theory and history of state and law, doctor of law, Professor.

Государственная политика в области здравоохранения представляет собой сложную конструкцию, в целом позволяющую осуществлять санитарное просвещение населения, профилактику заболеваний, обеспечивать оказание медицинской помощи гражданам, проводить научные исследования в области здравоохранения и подготовку медицинских и фармацевтических работников, поддерживать и развивать материально- техническое оснащение.

Существующий правовой механизм обеспечивает нормативное регулирование всех ведущих направлений медицинской и связанной с ней деятельности, признавая человека, его права и свободы, согласно ст. 2, ст. 7 и ст. 41 Конституции РФ, высшей ценностью, и возлагая на государство ответственность за охрану здоровья граждан.

Организация и подготовки будущих кадров – краеугольный камень всей системы охраны здоровья, как в истории, так и в наши дни. Проблема отсутствия профессиональной подготовки медиков в России особенно остро ощущалась в периоды войн и эпидемий, тогда как монархи имели возможность приглашать для работы при дворе и докторов, и лекарей. Для обеспечения медицинской помощью во время баталий работали также годичные школы «костоправного дела» и мы смогли обнаружить документальные свидетельства о продолжении деятельности таких учебных заведений связанные со временем правления Павла I и Александра I [1].

В допетровские времена особое внимание уделялось практике и изучению записей о состоянии здоровья пациентов, что было обусловлено малым количеством учебных изданий, недостатком преподавателей, (потому что доктора и лекари были только иностранцами) и знаний, которые им предстояло передать. В 1660 г. первые 30 лекарей, окончивших школу, были направлены в распоряжение Стрелецкого приказа. Преимущественно стрельцы, согласно архивным данным, становились помощниками медиков-иностранцев и чаще всего направлялись учиться, потому, что, по роду службы, принимая участие в баталиях, менее других испытывали страх при виде ран, боли и страданий.

Вначале царь Алексей Михайлович, стал интересоваться вопросами обучения будущих медиков; в дальнейшем, осознание необходимости организации обучения российских медиков сформировалось в 1682 г., когда вышел первый «Указ о призрении убогих странников» царя Федора Алексеевича, где монарх распоряжался лечить и «кормить» по монастырям «за кем сто дворов, пять человек» и построить 2 госпиталя. Но смерть правителя не позволила осуществить планируемое.

С восшествием на престол Петра I, 25 мая 1706 г. указ о строительстве такого учреждения был подписан; согласно нему, требовалось спешно начать строительство, возложив финансирование возведения здания и дальнейшее содержание на Монастырский приказ. Открытие госпиталя и лекарской школы при нем датировалось 21 ноября 1707 г., когда «впервые несколько больных в тот же дом приведено», а его штат в тот период времени составлял 4 сотрудника. Вначале госпиталь, которым руководил доктор Бидлоо, назывался – Московский непременный (постоянный) госпиталь (в 1757 г. был переименован в Генеральный Сухопутный Московский госпиталь) [2].

В правление Петра I, гарантом могущества Российской империи, реализующим экономические планы, связанные с расширением границ и прокладыванием торговых путей, выступали боеспособные военно-морские силы. Военные и морские компании требовали гораздо большего количества докторов, лекарей и подлекарей, чем в прежние времена. Приглашаемых из-за границы медиков не хватало для организа-

ции медицинской помощи армии и флоту. Государство нуждалось в отечественных, регулярно пополняемых медицинских кадрах, численно превосходящих размеры их потерь во время военных и морских баталий. Это обстоятельство побудило Петра I обратить более пристальное внимание на подготовку медицинского персонала, основываясь на тесном взаимодействии теории и практики в освоении лечебного дела. Об этом свидетельствуют исторические факты и нормативные документы.

Для привлечения образованных людей из-за границы, (среди которых были врачи и лекари) монарх издал Указ от 20 августа 1715 г. «О призыве в Россию ученых и в правоведении искусных людей для отправления в Коллегиях дел». «Ученым и в правостях искусным людям» не знающим русский язык назначался переводчик, выдавалось из казны «по 500 рублев и готовой без найму двор», «чин асессорской и жалованье против перваго пункта»; сохранялось звание, если оно было выше асессорского. Рассчитывать на дополнительное денежное вознаграждение разрешалось только тогда, когда чиновник «дело свое исполнит».

Глава XXXIII Воинского Устава от 30 марта 1716 г., имела название «О аптеках, о полевых докторах, аптекарях и лекарях, и их должности» и определяла количество учеников и обязательность их подготовки вблизи от поля боя: «по одному аптекарю с двумя гезелями и четырьмя учениками» [3].

Позднее вышел Указ монарха от 23 мая 1719 г. «Об отсылке 30 учеников к доктору Блюментросту для научения медицине», подготовивший благодатную почву для появления медицинских школ, проникновения в различные слои русского общества новейших знаний в области медицины.

Процесс регламентации общественных правоотношений в области российского медицинского образования, связанный с особенностями отечественной внутренней политики и государственного устройства, продолжил свою эволюцию, обретя обновленные смысловое содержание и форму, придя в соответствие современным реалиям и потребностям [4].

К 2019 г. в стране насчитывается уже 105 вузов, осуществляющих подготовку будущих профессионалов в медицинском деле и обучающих по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Среди новых перспективных направлений – появление в Санкт-Петербургском государственном университете магистратуры с названием специальности «Медицинское и фармацевтическое право». Казанский (Приволжский) университет также обучает магистров, но по специальности «Медицинское право».

Современная система здравоохранения осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией, федеральными законами и иными правовыми актами Российской Федерации, ее субъектов, и органов местного самоуправления. Совершенствование нормативного регулирования всей системы здравоохранения и образовательной сферы, в частности, несомненно, ведет к развитию данного направления государственной политики и к улучшению качества жизни каждого человека.

Библиографический список

1. Печникова О.Г. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здравия» в России XVI – начала XIX в. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 496 с.

2. Печникова О.Г. Нормативное регулирование подготовки медицинских кадров; военной и военно-морской санитарно-медицинских служб России с XVI до начала XIX вв. Монография. – Абакан, 2014. – 167 с.

3. Печникова О.Г. Правовая регламентация медицинской деятельности в России (первая половина XIX в.) // Вестник удмуртского университета. – Экономика и право (статья). – Ижевск, 2013. – Вып. 4. – С. 28–35.

4. Правовая регламентация обеспечения лекарствами (медицинскими материалами); противоэпидемических, карантинных и санитарно-гигиенических мероприятий; охраны здоровья матери и ребенка; медико-экспертное законодательство России с XVI до начала XIX вв. Монография. – Абакан, 2015. – 221 с.

Bibliographic list

1. *Pechnikova O.G.* State and legal regulation of the protection of "public health" in Russia of the 16th – early 19th centuries Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 496 p.

2. *Pechnikova O.G*. Normative regulation of medical personnel training; military and naval sanitary-medical services of Russia from the XVI to the beginning of the XIX centuries. Monograph. Abakan, 2014. 167 p.

3. *Pechnikova O. G*. Legal regulation of medical activity in Russia (first half of the 19th century) // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law (article). Izhevsk, 2013. Issue 4. P. 28- 35.

4. Legal regulation of the provision of medicines (medical materials); anti-epidemic, quarantine and sanitary measures; maternal and child health; medical expert legislation of Russia from the XVI to the beginning of the XIX centuries. Monograph. Abakan, 2015. 221 p.

Н.В. Помощикова*
А.Ю. Спиряева**

УДК 347.633
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.016

ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В ходе написания статьи изучена историческая составляющая тематики, связанной с усыновлением (удочерением). В статье рассмотрены и проанализированы статистические данные по вопросу усыновления (удочерения) в России, позволяющие наиболее детально рассмотреть заявленную тему, а также основные проблемные вопросы, существующие на сегодняшний день.*

Ключевые слова: *усыновление (удочерение), усыновители, Семейный Кодекс Российской Федерации.*

THE INSTITUTE OF ADOPTION IN MODERN RUSSIAN LAW: THEORETICAL, LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS

Annotation. *During the writing of the article, the historical component of the topic related to adoption has been studied. The article discusses and analyzes statistical data on the issue of adoption in Russia, allowing the most detailed consideration of the declared topic, as well as the main problematic issues that exist today.*

Keywords: *adoption, adoptive parents, Family Code of the Russian Federation.*

Институт усыновления (удочерения) в современной России является одним из наиболее важных направлений в области благоустройства жизнедеятельности детей, оставшихся по тем или иным причинам без попечения родителей. Как указано в законодательстве РФ процедура усыновления (удочерения) считается приоритетным методом решения вопроса об устройстве детей. Для более полного и детального изучения вопросов усыновления (удочерения) в России следует обратиться к историческим моментам развития рассматриваемого института.

В период Древней Руси процесс усыновления представлял собой «приемы сторонних в состав семьей» [1]. После того, как язычество было заменено христианством, то процесс усыновления (удочерения) стал организовываться непосредственно церковью путем совершения обряда, а также издания специального акта.

В 1803 г. появился указ, по которому бездетным дворянам разрешалось усыновить близких законнорожденных родственников «посредством передачи им при жизни фамилии и герба» [2, с. 24].

* ***Помощикова Надежда Владимировна***, преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

Pomoshikova Nadezhda Vladimirovna, teacher of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

** ***Спиряева Анна Юрьевна***, студент 2 курса юридического факультета Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России.

Spiryaeva Anna Yuryevna, 2nd year student of the Faculty of Law, Institute of Training State and municipal employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

В середине XIX в. был принят свод правил, в соответствии с которым появилась возможность усыновлять не только исключительно детей, которые приобрели статус сироты, но и тех, у кого были родители, которые не оказывали должного воспитания своим детям. Необходимо отметить тот факт, что на такое усыновление необходимо было получить разрешение таких родителей.

Считаем, что такое положение имело значительное влияние на укрепление сферы усыновления и стало своеобразным толчком для его развития. Детальная регламентация норм об усыновлении отразилась в Своде законов гражданских и Уставе гражданского судопроизводства. Здесь указывались разрешительные и ограничительные правовые нормы по таким вопросам, как: кто имеет право быть усыновителем, какого возраста, на каких условиях и др.

Вторая половина XIX в. – издание первого семейного кодекса – «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Вопрос усыновления ребенка решался в судебном порядке. В 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке. Появился административный, а не судебный процесс для того, чтобы усыновить ребенка.

В 1969 г. в Кодексе о браке и семье РСФСР впервые был введен новый термин – «удочерение», что поспособствовало законодательному утверждению возможного усыновления детей обоего пола. В это время был принят ещё ряд основополагающих правовых документов, способствовавших развитию и укреплению исследуемого института, среди них стоит отметить инструкцию «О порядке передачи детей и подростков на усыновление, под опеку (попечительство) и их медицинском обеспечении» [3, с. 29].

В 1996 г. был введен в действие Семейный Кодекс Российской Федерации, который вновь ввел судебный процесс по установлению порядка усыновления.

Согласно Семейному кодексу РФ усыновление или удочерение признается приоритетным способом организации в устройстве детей, признанных оставшимися без опеки родителей, усыновление (удочерение) возможно относительно несовершеннолетних и исключительно в их интересах, а также с учетом возможности обеспечения детям развития, отвечающего требованиям полноценности в аспекте физиологии, психологии, духовности и нравственности [4]. Усыновление (удочерение) брата и сестры разными лицами невозможно, исключая случаи, при которых такое усыновление требуется в интересах детей [5, с. 24].

В соответствии со ст. 127 Семейного кодекса РФ усыновителями признаются совершеннолетние лица мужского и женского пола, кроме:

1) лиц, недееспособность или ограниченная дееспособность которых доказана и установлена в судебном порядке;

2) супругов, один из которых признается в качестве недееспособного или ограниченно дееспособного в суде;

3) граждан, которые лишены в судебном порядке родительских прав или ограничены в родительских правах;

4) граждан, которых отстранили от обязательств опекуна (попечителя) за несоответствующее исполнение обязательств, которые возложены на него;

5) бывших усыновителей, когда судом отменяется усыновление по их вине;

6) лиц, не способных по состоянию здоровья к усыновлению;

7) лиц, которые не имеют на момент усыновления дохода, по которому возможно обеспечение усыновляемому ребенку прожиточного минимума, который ус-

тановлен в субъекте Российской Федерации, в области деятельности которого зарегистрированы указанные лица;

8) лиц, не обладающие постоянным местом жительства, кроме лиц, которые относятся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, проповедующих кочевой и (или) полукочевой образ жизни и. которые не имеют места, в котором они все время или большее количество времени находятся, когда есть факт усыновления такими людьми детей из численности лиц, которые относятся к коренным малочисленным народностям Российской Федерации;

9) лиц, которые имеют или имели судимость, подвергаются или подвергались преследованию в уголовном порядке за противоправные деяния против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также за противоправные действия против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства, против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества;

10) лиц из тех субъектом, указанных в пункте 9, которые имели судимость либо подвергались преследованию в уголовном порядке за преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества, имеющие отношение к преступлениям небольшой или средней тяжести, когда присутствует факт признания в судебном процессе указанных лиц несущими опасность для жизни, здоровья и нравственного воспитания усыновляемого лица;

11) лиц, которые обладали судимостью за тяжкие и особо тяжкие противоправные деяния, которые не относятся к преступлениям, обозначенным в пункте 9;

12) лиц, которые не прошли подготовку;

13) лиц, которые состоят в браке, заключенном между лицами одинакового пола, который признан браком и зарегистрирован согласно законодательству той страны, в которой такой вид брака разрешается, а также лиц, которые являются гражданами указанного государства и не состоят в браке [6, с. 127].

Лица, не имеющие зарегистрированного брака, не имеют права совместно произвести усыновление одного и того же ребенка.

Во исполнение ст. 124 Семейного кодекса РФ усыновление детей иностранцами или лицами без гражданства разрешено только в случаях, если отсутствует возможность определить этих детей в целях воспитания в семьи лиц-граждан Российской Федерации, которые всегда имеют местом проживания территорию Российской Федерации, либо на осуществление усыновления родственниками детей вне зависимости от наличия гражданства и места проживания указанных родственников.

Детей можно передать с целью усыновления гражданам Российской Федерации, которые постоянно проживают за границами территориальной принадлежности Российской Федерации, иностранцам или лицам без гражданства, которые не являются родственниками детей, по прошествии 12 месяцев со дня поступления информации об указанных детях в федеральный банк данных о детях, оставшихся без опекунства родителей.

Запрещена передача детей, которые представляют собой граждан Российской Федерации, на усыновление (удочерение) лицам, имеющим гражданство США, а также запрещена организация в пределах территориальности Российской Федерации функционирования органов и организаций с целью выборки и предоставления детей, имеющих

гражданство Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам США, которые имеют желание усыновить (удочерить) вышеуказанных детей [7, с. 4].

Изучив вопросы усыновления в России, следует отметить, что существует совокупность проблем, препятствующих нормальной организации деятельности по усыновлению детей, которые остались без попечительства родителей.

1. Отсутствие должного информирования усыновителей о возможных заболеваниях усыновляемого ребенка, которые отсутствуют на момент усыновления. Для решения данной проблемы необходимо ввести более тщательное обязательное медицинское обследование.

2. Наличие большого количества новорожденных, оставляемых молодыми матерями в родильных домах. Решение данной проблемы видится в организации специальных домов для проживания молодых мам с детьми, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, до достижения ребенком возраста 3 лет.

3. Законодательно закрепленный возраст, начиная с которого у усыновляемого ребенка спрашивают о согласии быть усыновленным именно указанными усыновителями, вызывает сомнения, так как уровень развития психики у каждого ребенка свой. Поэтому целесообразно было введение обязательной работы психолога с усыновляемым, достигшим возраста 10 лет, для определения его способности к мотивированному ответу.

4. В законодательстве РФ установлено, что обеспечивается тайна усыновления, за несоблюдение которой предусмотрена ответственность. Однако в Семейном кодексе РФ указано, что усыновляемый наделен правом знать своих родителей. Здесь прослеживается противоречие между правовыми нормами. Решение видится в унификации норм права, путем издания нормы. В которой будет закреплен конкретный возраст, до которого будет сохраняться тайна усыновления (например, до достижения усыновленным возраста 18 лет).

В результате анализа статистических данных за 2014–2018 гг. на рис. 1 мы можем наблюдать динамику численности детей, которые остались без попечения родителей.

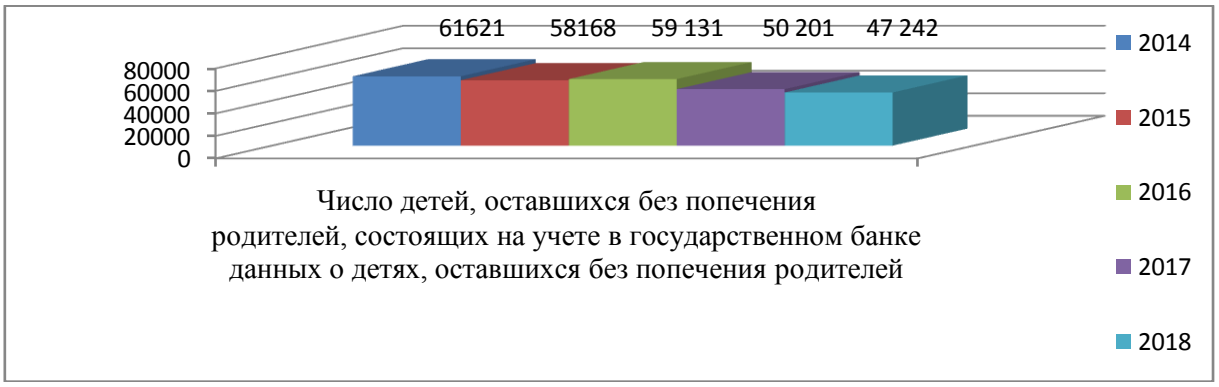

Рис. 1. Число детей в России, оставшихся без опеки родителей, в динамике за 2014 – 2018 гг.

На рис. 2 мы можем проанализировать динамику устройства детей, оставшихся без попечения родителей:

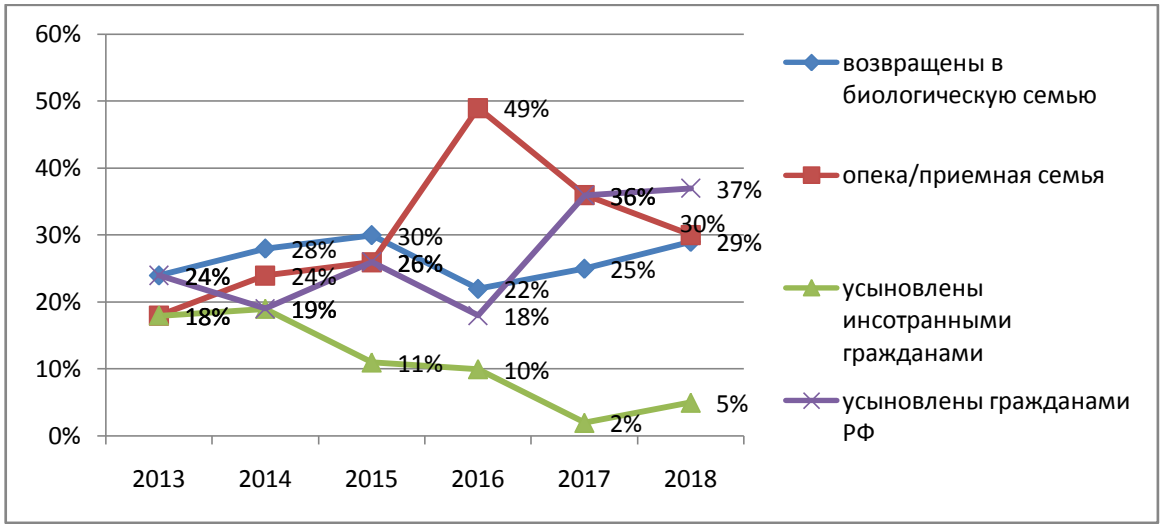

Рис. 2. Динамика устройства детей, оставшихся без попечения родителей в России, за 2013–2018 гг.

Таким образом, изучив историю становления такой процедуры как усыновление в России, необходимо сделать вывод о том, что данный вопрос имеет большое значение в политике государства в рамках регулирования проблематики существования и жизнедеятельности детей, оказавшихся по разным причинам без попечения родителей. Институт усыновления в России является недостаточно развитым и проработанным звеном, требует дальнейшего изучения и устранения существующих пробелов и недостатков в области регулирования вопросов усыновления.

Библиографический список

1. *Карибян С.О.* Становление института усыновления в дореволюционной России // Вестник ВУиТ. – 2015. – № 2 (82). – С. 1–7.

2. *Борисов В.Н., Власова Н.В., Доронина Н.Г., Марышева Н.И.* Международное частное право: Учебник. – М.: ИЗиСП, 2018. – 848 с.

3. *Курбанов Р.А., Лалетина А.С.* Международное частное право: Учебник. – М.: Проспект, 2015. – 216 с.

4. *Мусаев М. Г.* Проблема усыновления (удочерения) детей в современной России // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 2. – С. 162–166.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019) // Российская газета, 2001, 28 ноября.

6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации // Под ред. С.А. Степанова. – М.: Проспект, Институт частного права, 2015. – 329 с.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

Bibliographic list

1. Karibyan S.O. The establishment of the adoption institution in pre-revolutionary Russia // Bulletin of the Higher School of Economics 2015. No. 2 (82). P. 1–7.

2. Borisov V.N., Vlasova N.V., Doronina N.G., Marysheva N.I. Private International Law: Textbook. Moscow: IZISP, 2018. 848 p.

3. Kurbanov R.A., Laletina A.S. Private International Law: Textbook. Moscow: Prospect, 2015. 216 p.

4. Musaev M. G. The problem of adoption of children in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. P. 162–166.

5. Civil Code of the Russian Federation (part three) dated November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on August 3, 2018) (as amended and supplemented, entered into force on June 1, 2019) // Rossiyskaya Gazeta, 2001, November 28.

6. Commentary on the Family Code of the Russian Federation // Ed. S.A. Stepanova. Moscow: Prospect, Institute of Private Law, 2015. 332 p.

7. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on May 29, 2019) //Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

А.В. Попова*

УДК 340.122
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.015

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ТРУДАХ Ш.-Л. ДЕ МОНТЕСКЬЁ

Аннотация. *Автор статьи анализирует философское наследие Ш.Л. де Монтескье, останавливаясь на характеристике права собственности, законах о торговле, экономических правах граждан государства, раскрывая их особенности в зависимости от принципа и природы правления. При этом в тексте научной статьи обосновывается особое значение общественного договора, который, по мнению французского мыслителя, представляет собой соглашение, которое заключается не между членами общества для создания государства, а представляет собой основанную на духе народа договоренность о создании положительных законов, регулирующих взаимных права и обязанности между обществом и правителем. Заслуживает пристального внимания тезис просветителя о том, что значение торговли заключается в том, что она влияет на развитие промышленности в государстве, имея целью достижение роскоши, а для создания предметов роскоши в необходимом количестве для ведения торговой деятельности необходимо для развития сначала ремесленного, а затем и промышленного производства. Особую значимость имеют рассуждения Ш.Л. де Монтескье о сущности денег и их значении в развитии государств с различной природой и принципами правления, философ выделяет три вида стоимости, уделяя особое внимание вексельному праву.*

Автором статьи делается вывод о возможности использования в современных условиях теории различения государственной экономики, формируемой гражданскими законами, и нравственной экономики, основанной на религиозно-нравственных нормах.

Ключевые слова: *философия права, философия экономики, государственная власть, вексельное право, форма правления, стоимость, государственный долг*

ECONOMIC AND LEGAL CATEGORIES IN THE WORKS SH. L. DE MONTESQUIEU

Annotation. *The author of article analyzes philosophical heritage of Montesquieu, stopping on characteristic of the property right, laws on trade, the eco-*

* ***Попова Анна Владиславовна***, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru

Popova Anna Vladislavovna, Professor of Department of legal regulation of economic activities, Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Department of theory of state and law of the Institute of law of the Bashkir state University, Doctor in Law, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor.

nomic rights of citizens of the state, revealing their features depending on the principle and the nature of board. At the same time the special value of the public contract which, according to the French thinker, represents the agreement which is concluded not between members of society for creation of the state is proved in the text of the scientific article, and represents the arrangement on creation of the positive laws regulating mutual the rights and duties between society and the governor based on spirit of the people. The thesis of the educator that the value of trade is that it influences development of the industry in the state deserves close attention, aiming at achievement of luxury, and for creation of luxury goods in necessary quantity for conducting trade activity it is necessary for development at first of craft, and then and industrial production. Montesquieu's reasonings on essence of money and their value in development of the states with various nature and the principles of board have the special importance, the philosopher allocates three types of cost, paying special attention to the bill right.

The author of article draws a conclusion about a possibility of use in modern conditions of the theory of distinction of the state economy formed by civil laws and the moral economy based on religious ethical standards.

Key words: *legal philosophy, economy philosophy, government, bill right, form of government, cost, public debt.*

Шарль Луи де Секондá, барон де Ля Брэд и де Монтескьё (далее – Ш.-Л. Монтескьё) – известный представитель французского Просвещения, в своих трудах, раскрывая особенности жизни общества, приходит к выводу, что действующие в нем социальные законы общежития отличны от природным и соотносятся только с духом каждого народа. Так же, как и большинству мыслителей, разделявших идеи естественно-правовой доктрины происхождения государства, развитие духа народа (развитие ментального начала) представлялось ему двухэтапным: если на первом этапе «дикости и варварства» царят естественные законы, основанные на физическом состоянии людей, включающем и географические условия их проживания, то на втором этапе приоритет отдается государственным (положительным или позитивным) законам, принятие которых напрямую зависит от природы и принципа государства.

Таким образом, дух народа, появившийся уже в догосударственный период, определяет систему и существо положительного права на государственном этапе развития социума.

Человеческое общество, по мысли Ш.-Л. Монтескьё проходит три стадии в своем развитии – естественную, общественную и государственную, данные идеи имеют определенное сходство с работами Т. Гоббса. Однако в отличие от последнего, полагавшего, что в догосударственном состоянии люди стремятся напасть друг на друга, когда только определенные требования разума останавливают их на определенное время от этого шага, французский мыслитель полагал, что в догосударственном обществе действуют естественные законы, в качестве которых он определял следующие:

1) мирное сосуществование людей;

2) стремление добывать себе пищу; 3) человеку свойственно просить помощи друг у друга;

4) желание жить в обществе [2, с. 10].

Именно последний, четвертый естественный закон и приводит к состоянию войны «всех против всех» по выражению Т. Гоббса, т. к. «слабый» человек, существующий в естественной стадии своего развития, превращается в сильного, желающего властвовать над другими в рамках гражданского общества. Поэтому государство возникает в силу общественного договора только на определенной стадии развития социальных отношений, когда в результате развития правовых и экономических отношений появляется частная собственность, заставляющая часть общества «отбирать» имущество у другой, что и представляет войну за перераспределение имущественных благ.

Для предотвращения гибели общества, люди, по мнению философа права, полагают необходимым создать государство, которое становится представителем воли и силу каждого из членов общества. Целью создаваемого государства становится примирение общественных и частных противоречий, при использовании принудительной силой. «Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества – отсюда война между отдельными лицами» [2, с. 11]. Нахождение в состоянии ведения этих двух типов войн порождает необходимость принятия государственных (позитивных) законов, определяющих три типа права – международное, политическое и гражданское. «Международное право основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов». Политическое право заключается в том, что «особенные свойства правительства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено», поэтому «политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума» [2, с. 11–12].

Для Ш.-Л. Монтескьё общественный договор представляет собой соглашение, которое, в отличие от английских представителей школы естественного права, заключается не между членами общества для создания государства, а представляет собой основанную на духе народа договоренность о создании положительных законов, регулирующих взаимных права и обязанности между обществом и правителем. Поэтому особое значение приобретает вопрос, в интересах какой части общества принимаются эти законы, и какова природа и принципы создаваемого ими в ходе подобного соглашения духа народа государства.

Как он отмечает: «Различие между природой правления и его принципом в том, что природа его есть то, что делает его таким, каково оно есть; а принцип – это то, что заставляет его действовать. Первая есть его особенный строй, а второй – человеческие страсти, которые двигают им» [2, с. 21]. Именно политические, гражданские законы должны соответствовать естественным законам, образу (природе) и принципу государственного правления, при этом первые устанавливают само правительство и «устройство» государственной власти, а вторые принимаются правительством с целью поддержание его существования.

В зависимости от содержания этого духа и приверженности народа к определенной характеристики государственной власти, Ш.-Л. Монтескьё характеризует разновидности природы государства, или как пишет сам философ – образа правления, в виде монархии, республики (в различении признаков демократической и аристократической форм) и деспотии [3]. Каждая из видов природы власти обладает собственным принципом правления, от существа которой зависела, по нашему убе-

ждению, и порядок взаимодействия между индивидом, обществом и самим государством. В основу различения положены «три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица» [2, с. 11].

Для верного понимания роли населения для природы (образа) и принципа правления государства особую роль призвана решать характеристика свободы, принадлежащей гражданам либо от их человеческой природы (естественная свобода) [4], либо получаемая ими при заключении общественного договора уже от государства. Ш.-Л. Монтескьё полагал, что догосударственный этап развития социума был неоднороден в историческом плане и включал в себя период варварства, когда такие категории как свобода и равенства носили умозрительный характер и основывались на правах и обычаях дикарей, и период создания человеческого общежития как результата естественного стремления людей к коллективной жизни. В государственном состоянии люди, объединяясь в единый организм, на всенародных собраниях принимают положительные законы с целью восстановления утраченных свободы и равенства, но не в их естественном виде, а в качестве политической свободы, понимаемой как «право делать то, что дозволено законами. В политической свободе содержалась характеристика принципа взаимодействия индивида и государства – «если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, т. к. то же самое могли бы делать и прочие граждане» [1, с. 64].

Географический детерминизм, заключающийся в соответствии образа и принципа правления от климата, характера почвы и др., оказывал также влияние на систему социально-экономических отношений. Ведь политические и гражданские законы, устанавливаемые для каждого типа государства «должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются» [2, с. 12].

Так, в жарком климате, при деспотическом правлении человек вступает в возраст дееспособности раньше, чем в других странах, а, следовательно, должен платить налоги в более раннем возрасте, но долги в следствие отсутствия имущества следует налагать на самого человека, а в иных случаях возможна и полная конфискация имущества. В умеренном климате и республиканская форме государства – дееспособность наступает позднее, гражданин успевает либо торговлей заработать богатство, либо вступить в наследство, поэтому может быть «освобожден от своих долгов уже уступкой своего имущества кредитору». Конфискация имущества крайне нежелательна, ведь «лишая гражданина всех средств к жизни, причинили бы зло нарушением равенства, которое составляет душу этого правления» [1, с. 63]. В деспотическом же государстве «бедность и непрочность владения имуществами неизбежно приводят к развитию в них ростовщичества, (…) нищета проникает в эти государства со всех сторон» [1, с. 62].

Кроме того, образ и принцип правления влияет на содержание уголовных и гражданских законов, а также отправления правосудия в государстве. Так, «в деспотических государствах нет закона: там сам судья – закон. В монархических государствах есть законы, и если они ясны, то судья руководится ими, а если нет, то он старается уразуметь их дух. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковывать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни» [1, с. 64]. Правила применения наказания также зависит от формы государства, поэтому самые жесткие наказания – в деспотии, в силу необходимости поддержания страха, в то время как в монархиях и республиках гражданские законы в них не так нуждаются в силу принципа правления – чести и умеренности соответственно.

Среди политических и гражданских законов, описываемых Ш.-Л. Монтескьё в трактате «О духе законов», особое место занимают законы о торговле, которым целиком посвящена Книги 20 и 21. По мнению мыслителя, торговля призвана объединять народы, но не частных лиц, т. к. там, «где людей воодушевляет только дух торговли, все их дела и даже моральные добродетели становятся предметом торга. Малейшие вещи, даже те, которых требует человеколюбие, там делаются или доставляются за деньги» [2, с. 299].

Кроме того, характер торговли полностью зависит от природы и принципа правления, в монархии – она олицетворяет роскошь, «главная цель ее состоит в том, чтобы доставить торгующему народу все, что может служить его тщеславию, наслаждениям и прихотям», для ее обеспечения необходимы большие производства, монополии. Такое положение дел характерно и для аристократической республики, в которой монополии, связанны с общественными делами, и поэтому необходимы для проведения в жизнь принципа умеренности. Это происходит из-за того, что люди уверены в гарантированности сохранности своего имущества со стороны правления многих, поэтому спокойно рискуют частью своего имущества, создавая большие предприятия.

При республиканской форме правления в виде демократии торговля, наоборот, основана на экономии, поэтому там царствуют мелкие и средние производства. Такая экономичная торговля «обязана своим происхождением насилиям и притеснениям» [2, с. 299–301].

Кроме того, для развития подобного вида торговли, по мнению мыслителя, необходима развитая система банков, «которые с помощью своего кредита создают новые знаки ценности», при этом он предостерегает от их создания в монархических государствах, т. к. в них «только сам государь обладает или может обладать сокровищами, все же сокровища прочих лиц, как только они достигают более или менее крупных размеров, тотчас же становятся сокровищами государя» [2, с. 304]. Интересна мысль Ш.-Л. Монтескьё о необходимости введения не только уголовной ответственности за нарушение долговых обязательств, но и запрета занимать государственные должности тем лицам, которые не выплатили долги своих отцов и те так и остались должниками.

Заслуживает внимания и рассуждения французского просветителя о содержании права собственности и разделении ее объектов на движимое и недвижимое имущество. Автор «О духе законов» утверждает, что недвижимая собственность в виде земельных участков не может находиться во владении иностранцев ни в каком государстве, объясняя это тем, что «Богатства этого рода принадлежат поэтому

каждому государству в отдельности». К объектам движимого имущества им отнесены «деньги, банковые билеты, векселя, акции компаний, корабли и всякие товары», поэтому они не являются собственностью частных лиц или отдельных государств, а «принадлежат всему миру; весь мир составляет по отношению к ним одно государство, членами которого являются все общества; и самый богатый народ тот, у кого всего более этих движимостей общемирового значения» [2, с. 310].

В целях достижения наибольшего блага для наибольшего числа людей, государство обязано быть торговым, ибо «от торговли проигрывают не те народы, которые ни в чем не нуждаются, а те, которые нуждаются во всем; и отсутствие внешней торговли выгодно не тем народам, у которых всего довольно, а тем, которые у себя ничего не имеют» [1, с. 312].

Значение торговли заключается в том, что она влияет на развитие промышленности в государстве, имея целью достижение роскоши, а для создания предметов роскоши в необходимом количестве для ведения торговой деятельности необходимо для развития сначала ремесленного, а затем и промышленного производства. В эпоху Средневековья, после падения Рима и установленных им правил внутренней и внешней торговли, для развития новых государств стали использовать конфискацию движимого имущества евреев, которым по нормам Торы предписано заниматься торговлей и ростовщичеством, поэтому последние стали использовать вексель, «посредством которого имущество богатейших торговцев принимало неуловимую форму, в которой оно могло переноситься всюду, не оставляя следа нигде» [1, с. 341].

В эпоху Нового времени вексель получает широкое распространение в связи с чем его значимость вырастает. Данное положение вещей связано с тем, что «вексельные операции, чрезвычайно облегчившие перевод денег из одной страны в другую, привели к тому, что, как только в каком-нибудь месте обнаруживался недостаток денег, они начинали притекать туда отовсюду, где только находились в изобилии» [1, с. 353]. Поэтому с развитием колониализма в торговле был установлен жесточайший запрет на право ведения торговли самими колониями, в то время как торговля между метрополиями поощрялась как ведущая к достижению всеобщего блага.

Не потеряли значимости и сегодня слова Ш.-Л. Монтескьё о том, что «Европа держит в своих руках торговлю и мореплавание трех прочих частей света, подобно тому, как Франция, Англия и Голландия держат в своих руках торговлю и мореплавание почти всей Европы» [1, с. 344].

Особую значимость имеют его рассуждения о сущности денег и их значении в развитии государств с различной природой и принципами правления. Для мыслителя деньги необходимы для ведения торговли, т. к. «удобный для перемещения металл служит средством к сокращению многих расходов, которые были бы неизбежны, если бы во всех случаях прибегали к обмену» [1, с. 349]. Именно деньги определяют ценность товара, поэтому «государство процветает постольку, поскольку, с одной стороны, деньги действительно представляют в нем все предметы, а с другой – всякий предмет представляет собой деньги, и они взаимно служат друг другу знаками, т. е. тот, кто имеет одно, может получить и другое соответственно их относительной ценности» [1, с. 350].

Такое положение вещей естественно для республиканских форм и не может быть в деспотии. Установление цены на товар представляется для него главным основанием для достижения наибольшего блага для наибольшего числа граждан. Французский мыслитель выводит следующую закономерность, от которой не следует отступать:

«цены определяются пропорцией между отношением совокупности всех вещей к совокупности всех знаков и отношением совокупности всех вещей, находящихся в торговом обороте, к совокупности всех знаков, также находящихся в обороте» [1, с. 354].

В государстве, по мнению философа права, существуют три вида стоимости:

1) идеальная стоимость («разница между относительными и действительными обилием и редкостью» для каждой вещи);

2) положительная стоимость, устанавливаемая гражданским законом государства (одновременное сочетание следующих правомочий суверена:

а) определение отношения между количеством серебра как металла и количеством его как монеты;

б) установление отношения ценности между различными металлами, употребляемыми в качестве денег;

в) определение веса и пробы каждого монетного знака;

г) установление для каждого из них идеальной стоимости);

3) относительная стоимость (определение стоимости монеты в отдельном государстве в сравнении с монетами иных стран) [2, с. 355–356].

При этом, «деньги составляют не только знак вещей, но и знак самих денег, т. е. деньги могут представлять деньги», поэтому огромное значение должен иметь т. н. вексельный курс, как «определение действительной, в данный момент существующей ценности денег» [2, с. 350, 356]. Вексельный курс соотносится именно с относительной стоимостью денег, т. к. при ее установлении «различные нации должны в значительной степени сообразоваться с той, которая имеет наибольшее количество денег» [2, с. 356].

Для определения правильности курса в целях развития государства и достижения общественного блага, по мнению мыслителя, сначала надо выявить положительные и отрицательные черты вексельного курса отдельно для ситуации, когда государство является должником и отдельно – когда оно играет роль кредитора; отдельно для роли продавца и отдельно для покупателя. «Если курс ниже альпари, государство теряет как должник и выигрывает как кредитор, теряет как покупщик и выигрывает как продавец» [2, с. 362]. Значение вексельного курса состоит в том, что постепенно банкиры всех стран сумеют объективно «сравнивать между собою монеты всех стран света», что позволит определить их действительное достоинство» [2, с. 365].

В своих произведениях Ш.-Л. Монтескьё объясняет причины возможных финансово-кредитных кризисов, которые возникают в случае недобросовестного установления вексельного курса со стороны суверена. По общим правилам, такой курс должен устанавливаться после завершения начатых государством торговых сделок.

Но, если государство нарушает законы воспитания и вместо определения легислатуры монеты в законе, разрешает создание более легковесной монеты (внутри страны имеют одновременное хождение и «старая» (более тяжеловесная) и новая (легковесная)), но вексельный курс будет ориентироваться на новую в силу того, что старая для внешних сношений выведена из оборота. Но на самом деле вексельный курс является средним между новой и старой монетой, поэтому банкирам выгодно «выпускать» вовне старую «тяжелую» монету, потому что это дает им такие же выгоды, какие давал бы курс, регулируемый старой монетой, а с другой стороны, получая обратно разницу по более низкому курсу, среднему между новой и старой монетами, они получают выгоду уже внутри страны.

Банк государства, определяющий вексельный курс поднимает его путем выдачи векселей, аккумулируя у себя всю новую монету, поэтому все остальные банковские дома для выполнения собственных кредитно-денежных обязательств производят платежи, «представляя имеющуюся у них старую монету на монетный двор и передавая главному банку все свои переводные векселя по завышенному курсу, им устанавливаемому. Государство ввергнется в кризис из-за резкого сокращения наличных средств платежа, «во-первых, потому что приходится изъять из обращения большую часть их, во-вторых, потому что придется вывезти часть их за границу, в-третьих, потому что все будут скрывать их, не желая уступить государю прибыли» [1, с. 359–363].

Крайне важны рассуждения французского мыслителя о государственном долге и тех последствиях, которые он влечет за собой относительно целеполагания разных государств. Ш.-Л. Монтескьё утверждает, что «государство может быть кредитором без ограничения, но должником оно может быть только до известного предела, далее которого оно «утрачивает право быть кредитором».

Так, если государство имеет твердый кредит, то «размер процента определяется капиталистами, поэтому если оно (государство – *А.П.*) предлагает уплатить долг, то оно может само определить и размер процента». Если же кредит имеет «плавающий» характер, то для предотвращения финансового кризиса, необходимо создание специализированного фонда погашения в целях «возвращения утраченного доверия» государству. При этом такой фонд играет разные роли при различных формах природы и принципов правления. «Если это государство – республика, (…) то капитал фонда погашения может быть незначителен. В монархии размер его должен быть больше» [2, с. 23].

Ш.-Л. Монтескьё определяет, что при погашении долга должны быть задействованы все сословия государства – «землевладельцы, лица торговых профессий, земледельцы и ремесленники и, наконец, лица, живущие на доход с государственной ренты или капиталов», причет уплата долга должна быть равной для всех этих категорий граждан, т. к. «класс заимодавцев наиболее подвергается угрозе каких-либо преобразований со стороны правительства и всегда находится, так сказать, у него на глазах и под рукой, – надо, чтобы государство оказывало ему особое покровительство и чтобы должник не имел никогда ни малейших преимуществ перед заимодавцами» [1, с. 369].

Ш.-Л. Монтескьё различает государственную экономику, формируемую гражданскими законами, и нравственную экономику, формируемую религиозно-нравственными нормами. Основание для такого различения служит ссуда под проценты. Так, беспроцентная ссуда соотносится с нравственной экономикой и является благом для души христианина, но не является благом для развития государства, основанного на развитии промышленности, для которой важна торговая деятельность. Поэтому для «правильного хода торговли необходимо, чтобы деньги имели известную цену и, чтобы цена эта была невысока» и небольшой процент за кредит является необходимым инструментом государственной политики в целях достижения всеобщего блага.

Исключением из этого правила служат высокие процентные ставки в морской торговле, объясняемые «опасностью морских плаваний, вследствие чего люди решаются одалживать свои деньги лишь в расчете получить гораздо больше, и легкостью, с которой заемщик может совершать в короткий срок многочисленные круп-

ные торговые операции» [1, с. 370]. По мнению философа, «кроме торговой ссуды в государстве существует своеобразная ссуда по гражданскому договору, дающая также процент – простой или лихвенный» [1, с. 371], устанавливающие ростовщичество, ведущее к обнищанию населения и гибели государства, примером чего может служить история Древнего Рима.

Таким образом, Ш.-Л. Монтескье ставит успешность государства и права в отдельной стране в прямую зависимость от развития торговой деятельности, промышленности, банковского сектора, соответствующих образу (природы), принципу правления, положительным (позитивных) законам (законам воспитания) в государстве, возможности достижения каждым отдельным государством основной своей цели в виде наибольшего блага (благополучия, прежде всего, в материальном плане) для наибольшего числа граждан. Подобный вывод хорошо соотносится и с сегодняшними экономико-правовыми реалиями и может быть использован и в современном правовом пространстве.

Библиографический список

1. *Монтескье Ш.-Л.* О духе законов. // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf (дата обращения 28.08.2019).

2. *Монтескье Ш.-Л.* Избранные произведение о духе законов. // URL: http://lex.am/docs/sharle.pdf (дата обращения 26.08.2019)

3. *Милованов К.Ю*. Философский проект «свободного государства» Монтескье и его критика современниками // Проблемы современного образования. – 2016. – № 5. – С. 25–38.

4. *Торубарова Т.В.* Рационализм как ключ к пониманию «духа законов» в философии Ш.-Л. Монтескье // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 2 (26). – С. 130–137.

Bibliographic list

1. Montesquieu S. L. On the spirit of the laws. / Electronic library "Civil society". URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odushe.pdf (accessed 28.08.2019).

2. Montesquieu S. L. Selected work on the spirit of the laws // URL: http://lex.am/docs/sharle.pdf (accessed 26.08.2019)

3. Milovanov, Y. K. (2016) Philosophical project "the free state" Montesquieu and his criticism of his contemporaries // *Problems of modern education*, No. 5, Pp. 25–38.

4. Torubarova T. V. (2013) Rationalism as the key to understanding the "spirit of laws" in the philosophy of S.-L. Montesquieu Scientific //Electronic scientific journal of Kursk state University, No. 2 (26), Pp. 130–137.

М.В. Пыльцина*

УДК 340.124
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.014

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ О ЗАКОНЕ (XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

Аннотация. *В статье анализируются различные взгляды и подходы к понятию закона и его сущности. Развитие концепций о законе было предопределено проникновением идей европейского законоведения и пониманием со стороны властей необходимости проведения реформ, что, в свою очередь, требовало поиска новых подходов к законотворческой деятельности. Подчеркивается, что периодом фундаментального развития отечественных теоретических конструкций о законе, надолго определившим направления дальнейших исследований закона и права в России, следует считать рубеж XVIII – XIX вв.*

Ключевые слова*: закон, концепция, политико-правовая мысль, история, философия права.*

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC CONCEPTIONS OF LAW (XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY)

Annotation. *The article analyzes various views and approaches to the concept of law and its essence. The development of ideas in the field of conceptualization of law was predetermined by the invasion of European jurisprudence ideas and the authorities' awareness of the need for reform, which, in turn, required a research for new approaches to lawmaking. It is emphasized that the period of the XVIII – XIX centuries should be considered as the period of the fundamental development of domestic theoretical constructions about concept of law, which for a long time determined the directions of further legal studies in Russia.*

Keywords: *law, conception, political and legal thought, history, philosophy of law.*

Вплоть до начала XVIII столетия термин «закон» не имел активного употребления в русскоязычном правовом дискурсе – прежде всего в силу того, что его понятие было монополизировано православным церковным словоупотреблением. При этом современные исследователи в области отечественной истории права могут назвать множество альтернатив анализируемому понятию, имевших хождение в ранней русской юридической лексике – например, «правда», «указ» или «устав» [1, с. 12].

Возникновение в отечественном светском дискурсе понятия закона, а также первые попытки построения его юридически обоснованного определения историче-

* ***Пыльцина Марина Викторовна***, доцент кафедры конституционного и административного права Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: pmvistoria@mail.ru

Pyltsina Marina Viktorovna, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, candidate of historical sciences, associate professor.

ски связаны с законотворчеством петровской эпохи. Именно в этот период в отечественные исследования начинают активно проникать идеи европейского законоведения, формируя тем самым основы фундаментального изучения закона и права в российской научной традиции. По мнению Н. А. Воскресенского, именно в петровскую эпоху закладывается концептуально-правовая основа законности, делаются первые попытки провести грань между законами и указами [2, с. XXXIII].

Для понимания теоретического контекста ранних законоведческих исследований русскоязычных авторов, следует подробнее рассмотреть идеи некоторых из этих ученых.

Так, А. Н. Радищев в своих работах исходил из понимания закона как инструмента государственного действия, имеющего своим предметом «нравы, вольность и сохранность граждан». Отдельно он отмечал связь закона с принципами естественного права: «предписание же закона положительного не иное что быть должно, как безбедное употребление прав естественных» [3, с. 11].

Идеи М. М. Щербатова во многом наследовали позиции Ш.-Л. Монтескье, согласно которым он предполагал географический и этнокультурный детерминизм ключевым фактором эффективности законотворчества, не отрицая, впрочем, естественно-правовых установок всякой законодательной деятельности: «Цель закона – сохранение жизни и здоровья граждан и защита их собственности...», что позволит гарантировать «его эффективное применение» [4].

Я. П. Козельскому, одному из крупнейших российских просветителей своего времени, удалось построить оригинальный законоведческий аппарат, отличительной чертой которого было системное разграничение закона и права, оставляющее за последним фундаментальный приоритет, и, как следствие, выделение соответствующих дисциплин – легиспруденции и юриспруденции. Говоря словами самого исследователя, «юриспруденция есть знание всех возможных прав, и философы называют знание употребительных на свете законов юриспруденцией несправедливо, а лучше такое знание называть легиспруденцией, т. е. знанием законов, а не юриспруденцией, т. е. знанием прав. Законы разнятся от прав, потому, что законы хотя, по большей части, основаны на справедливости, но иные из них случаются основаны на несправедливости …» [5, с. 122].

Принимая во внимание исторические условия возникновения концепции Я.П. Козельского, а также его собственные исследования свойств всякого закона (в числе которых ученый особо выделял принудительность), следует согласиться с точкой зрения современных исследователей по поводу правовых аспектов теории мыслителя: «С помощью рассуждений, различающих закон и право, Козельский открывал теоретическую возможность критиковать современное ему законодательство, как несоответствующее естественному и божественному праву» [6, с. 195].

В описанных выше концепциях наряду с политическими (а порой, публицистскими) аспектами, несомненно, присутствуют зачатки целостных юридических исследований, однако в современной истории отечественного права совершенно обоснованно принято считать рубежом возникновения на российской интеллектуальной арене системных и методически проработанных законоведческих учений XVIII–XIX века.

Почему же именно этот период стал ключевым для качественного прорыва отечественной правовой мысли? По нашему мнению, такой скачок имел своим фундаментом радикальное расхождение мировых тенденций в области законоведения

и реальной законотворческой и законоприменительной практики в Российской империи того времени. К концу XVIII столетия в России по-прежнему отсутствовала эффективная система управления, способная оптимальным образом удовлетворить растущий общественный запрос на политическую эволюцию государства.

Российское общество было явным образом разделено по сословному признаку, в сфере законотворчества господствовали обычаи и традиции. При этом во многом благодаря развивающейся системе образования, в стране появлялись представители европейских философских и правовых школ, прежде всего последователи Х. Вольфа и немецкой классической философии – носители передовых по тем временам социально-политических и правовых идей, способных при должной поддержке государственной власти вывести страну из юридического тупика. Встать на путь разрешения нарастающего конфликта теории и практики удалось в эпоху реформ Александра I.

В центр умеренно-либеральной политики Александра I впервые в отечественной истории была поставлена идея законности, под ее эгидой проводилось реформирование политической власти в стране, предпринимались попытки стандартизации законодательства и создания законосовещательных органов. «… В едином законе начало и источник народного блаженства …», – отмечалось в Высочайшем рескрипте 1801 г. об учреждении Комиссии составления законов [7, с. 48].

Российские законоведческие концепции нового толка возникли в среде профессоров Московского университета, среди которых особо стоят имена Л. А. Цветаева и З. А. Горюшкина, первых отечественных профессиональных преподавателей юриспруденции, за авторством которых были изданы ключевые для российского правоведения того времени учебники и учебные курсы. Речь идет, прежде всего, о курсе лекций «Краткая теория законов» (1810) Л.А. Цветаева, где он определяет, что закон «есть правило действий и отношений между собой» [8, с. 35], предлагая своеобразную систематику законов, основанную на интересных онтологических и теологических предпосылках.

Все множество существующих в мире законов Л.А. Цветаев разбивал на два класса – физические законы и нравственные. С точки зрения права интерес представляет второй класс, предписывающий, по мысли ученого, обязанности людям. Нравственные законы либо даются человеку в Откровении, либо постигаются самим человеком – такое разделение генезиса порождает соответствующее разбиение онтологии: нравственные законы делятся на божественные и человеческие. Человеческие законы, в свою очередь, делились им на нравоучительные и судебные, которые «суть или положительные, или естественные [8, с. 37].

Несмотря на достаточно строгую правовую систематизацию, предложенную Л.А. Цветаевым, его можно критиковать с историко-философских позиций. Так, можно заметить, что, не отказываясь от естественно-правовых предпосылок, а временами опираясь на постулаты немецкого идеализма (основанием всякого закона, по Л.А. Цветаеву, является кантианский категорический императив), он использовал явно устаревшую к XIX веку схоластическую модель онтологии, предполагавшую теологические аксиомы и принцип предопределенности – что, в конечном счете, внесло внутренние противоречия в его концепцию.

Среди сильных сторон теории Л.А. Цветаева, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие отечественной законоведческой мысли, стоит упомянуть заложенную им стратегию мягкого сосуществования в рамках единой теории традиционных для отечественной юриспруденции того времени взглядов на природу

права с прогрессивными взглядами европейских философов и правоведов на отдельные аспекты законоведческих проблем.

Как будет показано далее, с развитием правовых учений в России традиционализм в понимании закона и права будет постепенно угасать, уступая более позитивным воззрениям – однако благодаря существованию переходных концепций Л.А. Цветаева и некоторых других исследователей отечественному правоведению удалось избежать резких смен парадигм.

Одной из таких значимых переходных концепций по праву считается теория, предложенная З. А. Горюшкиным, снискавшим славу по большей части в качестве юриста-практика. Он отличался более позитивными взглядами на природу права и закона.

Основанием всякого закона, под которым З.А. Горюшкин предлагает понимать «все те постановления, которые ни в какое время не могут переменяться» [9, с. 75], является «народное умствование». Он использовал этот термин для описания некоторого общественного запроса на легитимизацию того или иного феномена социальной жизни. Такой запрос должен исполняться монархом, который в концепции З.А. Горюшкина своим законотворческим действием лишь выражает народную волю.

Теория З.А. Горюшкина содержит множество интересных, а порой даже экзотических аспектов – например, он вводил в своих работах понятие права животных, которое также должно быть отражено в законодательстве государства. Кроме того, ученый не считал законотворчество монарха единственной формой выражения народной воли – общественный запрос по его мнению находит свое отражение в фольклоре, например, пословицах.

Некоторые отечественные историки права (например, Н. М. Коркунов) относили З.А. Горюшкина к строгим позитивистам, что на наш взгляд, является некоторым преувеличением. Несмотря на прагматические установки и явные интенции в сторону либерального понимания политического устройства государства, З.А. Горюшкин в своей теории не смог отказаться от рационалистических воззрений – что неудивительно, учитывая, что становление мыслителя пришлось на конец XVIII столетия – время популярности догматического рационализма. Так, он писал о незыблемости, непроизвольности всякого закона, его объективности. При этом, исходя из объективного понимания закона, З.А. Горюшкин описывает природные и, что немаловажно, социальные факторы, порождающие эту объективность, что, безусловно, сближает его с социологическими позитивистами.

Нужно заметить, что для законоведческой мысли России эпохи правления Александра I характерна общеполитическая тенденция к либерализации взглядов, и, отвлекаясь от трудов правоведов Московского университета, стоит упомянуть несколько исследователей закона и права, стоящих у основ теоретического либерализма в нашей стране.

В числе таких мыслителей особо выделяют профессора Царскосельского Лицея А. П. Куницына, известного своей работой в области философии права «Право естественное» (1818–1820). К числу ключевых достоинств этой работы можно отнести теоретическое обобщение и переосмысление политико-правовых идей западноевропейских философов – прежде всего Ж.-Ж. Руссо и И. Канта.

Правовая система, по А.П. Куницыну, представляет собой двухуровневую структуру, где за фундамент берется естественное право, а за производную структуру – право положительное. Важно обратиться в данном контексте к его определени-

ям: «право естественное есть наука прав или совокупность условий, при которых внешняя свобода людей существовать может», «при определении законов положительных главным руководством служит начало права естественного» [10, с. 54].

Интересно рассмотреть законоведческие исследования А.П. Куницына. Например, закон он определял как некоторую границу свободы индивида, пересечение которой есть нарушение свобод других индивидов. Очевидно, что рассмотрение юридических концептов сквозь оптику свободы человека позволило ему соединить этические практики либерализма с правоведческими построениями, и именно в такой направленности теории ученого наиболее отчетливо прослеживается влияние западноевропейской мысли.

Важно отметить, что, хотя в работах П.П. Куницына явно выражено негативное отношение к теологическим установкам в генезисе права, он не смог отказаться от метафизической аксиоматики, переплетая ее с кантианскими воззрениями на этику.

Говоря о либеральных исследованиях закона и права в России начала XIX века нельзя обойти вниманием М. М. Сперанского. Подобно А.П. Куницыну в своих трудах М.М. Сперанский активно оперировал понятием свободы – однако в его работах свобода является уже не столько этической моделью, вокруг которой выстраивается система права, а скорее, критерием оценки уровня законности политической системы – налицо влияние идей Ш.-Л. Монтескьё.

Важно говорить о М.М. Сперанском не только как о философе права и теоретике законоведения, но и как о крупном практике юриспруденции и государственного управления – будучи выходцем из низов сословной России, он смог своими идеями привлечь внимание императора, а впоследствии – возглавить реформирование государства. Ключевыми же теоретическими его решениями в области законоведения стала выработка системы гарантий правового характера государственности, в структуру которой ученый ввел свободу в уже описанном контексте.

М.М. Сперанский в своих работах явным образом исходил из идеи разделения властей – это можно видеть на примере различия мыслителем закона как акта законодательной власти и учреждения (регламента) как акта власти исполнительной. К ведению законодательной власти он относил «отношения постоянные», к ведению исполнительной – «происшествия, непрестанной перемене подлежащие» [11, с. 154].

Среди всего множества юридических законов, считал он, стоит выделять основные (коренные) и распорядительные, выполняющие вспомогательный функционал относительно первых. Обе ветви, в свою очередь, делятся на учредительные (составляют юридическую основу создания органов власти) и уставные (формируют порядок исполнительного производства некоторой функции государственной власти). По содержанию законы им разделялись на государственные и гражданские [11, с. 2]. Кроме того, М.М. Сперанский считал общезначимость закона его имманентным свойством, определяющим природу данного правового феномена.

Подводя итог, следует отметить, что отечественное законоведение возникло в эпоху бурного развития с одной стороны европейской философии, с другой – российского государства. Сочетание этих факторов позволило российской законоведческой мысли оперативно отвечать мировым тенденциям в области права и одновременно получать практическую реализацию в реформирующемся государстве.

Российские концепции о законе формировались под влиянием множества спорящих между собой традиций европейской философии – от догматического рационализма до немецкой классики, от естественно-правовой теории до либеральных

учений. Многим из отечественных исследователей удалось адаптировать западноевропейское влияние к российским реалиям, создав переходные (от российского традиционализма к самым современным на тот момент теориям) формы законоведческих учений, и применить разработанные подходы в законотворчестве.

Библиографический список

1. *Лукьянова, Е. Г*. Учение о законе в русской юриспруденции: монография / Е. Г. Лукьянова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 160 с.

2. *Воскресенский, Н. А*. Законодательные акты Петра I. Т. 1. Акты о высших государственных установлениях / Н. А. Воскресенский; под ред. Б. И. Сыромятникова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – XLIII. 601 с.

3. *Радищев, А. Н*. Опыт о законодавстве / А. Н. Радищев // Полное собрание сочинений в 3 т. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 676 с.

4. *Назаренко, Б. А*. Взгляды М. М. Щербатова на государство и право и их значение для современной России / Б. А. Назаренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiselawyer.ru/poleznoe/54871-vzglyady-shherbatova-gosudarstvo-pravo-znachenie- dlya-sovremennoj (дата обращения: 26.07.2019).

5. *Малахов, В. П*. История политических и правовых учений: хрестоматия / В. П. Малахов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 479 с.

6. *Исаев, И. А*. История политических и правовых учений России: хрестоматия / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – М.: Юрист, 2003. – 506 с.

7. *Богданович, М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1 / М. И. Богданович. – СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869. – 539 с.

8. *Цветаев, Л. А.* Начертание теории законов / Л. А. Цветаев. – М.: В Универ. тип., 1816. – 337 с.

9. *Горюшкин, З. А*. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1 / З. А. Горюшкин. – СПб.: В Университ. тип., 1811. – 364, VII с.

10. *Куницын, А. П.* О человеке и праве / А. П. Куницын // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. – СПб.: Алетейя, 1997. – 398 с.

11. *Сперанский, М. М*. План государственного преобразования М. М. Сперанского. – М.: Изд. «Русской мысли», 1905. – VI, 359 с.

Bibliographic list

1. Lukyanova, E. G. The doctrine of the law in Russian jurisprudence: monograph / E. G. Lukyanova. Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. 160 p.

2. Voskresensky, N. A. Legislative acts of Peter I. T. 1. Acts on the highest state institutions / N. A. Voskresensky; under the editorship of B. I. Syromyatnikova. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1945. XLIII. 601 p.

3. Radishchev, A. N. Experience on the legislation / A. N. Radishchev // Complete works in 3 vols. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 676 p.

4. Nazarenko, B. A. The views of M. M. Shcherbatov on the state and law and their significance for modern Russia / B. A. Nazarenko [Electronic resource] //https:// wiselawyer.ru/ poleznoe/ 54871-vzglyady-shherbatova-gosudarstvo-pravo-znachenie-dlya-sovremennoj (acces-sed: 07.26.2019).

5. Malakhov, V.P. History of political and legal doctrines: anthology / V.P. Malakhov. – 2nd ed., Revised. and add. Moscow: UNITY-DANA, 2008. 479 p.

6. Isaev, I. A. History of political and legal doctrines of Russia: anthology / I. A. Isaev, N. M. Zolotukhina. Moscow: Lawyer, 2003. 506 p.

7. Bogdanovich, M. I. The history of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time. T. 1 / M.I. Bogdanovich. St. Petersburg: Type. F. Sushinsky, 1869. 539 p.

8. Tsvetaev, L. A. Inscription of the theory of laws / L. A. Tsvetaev. Moscow: In Univer. typ., 1816. 337 p.

9. Goryushkin, Z. A. Guide to the knowledge of Russian law. T. 1 / Z. A. Goryushkin. St. Petersburg: At the University. typ., 1811. 364, VII p.

10. Kunitsyn, A. P. About Man and Law / A. P. Kunitsyn // Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality. Anthology. St. Petersburg: Aletheya, 1997. 398 p.

11. Speransky, M. M. Plan of state transformation M. M. Speransky. Moscow: Publishing. “Russian thought”, 1905. VI. 359 p.

Н.В. Селихов*

УДК 321.01; 321.7; 342.3; 342.5.
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.013

НАРОДОВЛАСТИЕ: УЧЕНИЕ, ТЕОРИЯ, ДОГМА?

Аннотация. *Статья затрагивает проблему соответствия современных научных представлений о народовластии классической структуре научного знания, их применимости в решении задач текущего государственного строительства. В указанной области на онтологическом и функциональном уровне исследованы такие формы научного знания как учение, теория и догма, определён механизм их коррекционного взаимодействия в рамках научно-эволюционной познавательной конструкции. В результате выявлен ряд моментов, препятствующих теоретическому осмыслению сущности народовластия, причины преобладания в нём философских мотивов. Таковой предложено считать слабую развертку доктрины народного суверенитета на теоретическом и догматическом уровнях, что делает невозможным практическую реализацию их положений. Данная ситуация не позволяет вести научный поиск средств и методов социального единения граждан в государстве, создаёт условия для дальнейшей стратификации гражданского общества и бесконтрольного развития институтов свободного политического представительства. Прежние модели общественного управления, основанные на идеях свободного политического представительства, социалистического самоуправления и общественного согласования решений органов власти, к формированию должного политико-правового режима народовластия не привели. Этим обстоятельством предопределена необходимость разработки новой модели, основу должны составить теоретизированные положения о публичных коллективных правосубъектах (социальных общностях) и народном государстве. В ней следует заложить принципы самоуправлении народа и непосредственной реализации его коллективной воли. Апробированным теоретическим и практическим обоснованием такой модели станет социальный эксперимент, к которому надлежит обращаться как на стадии разработки обновлённой теории, так и в процессе её практической верификации.*

Ключевые слова*: народовластие, учение, теория, догма, социальный эксперимент, народное государство.*

DEMOCRACY: IS IT A DOCTRINE, A THEORY OR A DOGMA?

Annotation. *The article touches upon the issues of modern scientific ideas' accordance about democracy to the classical structure of scientific knowledge, their applicability in solving the problems of the current state construction. In this area such forms of scientific knowledge as doctrine, theory and dogma are studied on the ontological and functional level and the mechanism of their corrective inte-*

* ***Селихов Николай Васильевич***, кандидат юридических наук, независимый исследователь (Москва). E-mail: selihovnv@mai.ru

Nikolay V. Selikhov, candidate of legal sciences, independent resercher (Moscow).

raction within the framework of the scientific evolutionary cognitive construction is defined. As a result, a number of factors that hinder the theoretical understanding of the essence of democracy and the reasons for the prevalence of philosophical motives in it are revealed. It is suggested that such a weak unfolding of the doctrine of people's sovereignty at the theoretical and dogmatic levels makes it impossible for the practical implementation of their provisions. This situation does not allow carrying through scientific research of means and methods of social cohesion of citizens in the state, and it also creates conditions for further stratification of civil society and uncontrolled development of institutions of free political representation. Prior models of public administration based on ideas of free political representation, socialist self-government and public coordination of decisions of government bodies did not lead to the formation of a proper political and legal regime of democracy. Thus, the necessity to develop a new model is predetermined; the basis of this model should be the theorized provisions on public collective legal entities (social communities) and the people's state. The model should lay down the principles of people's autonomy and the immediate realization of its collective will. Approved theoretical and practical justification for such a model will be a social experiment, to which must be referred both at the stage of developing the updated theory and in the process of its practical verification.

Key words: *democracy, doctrine, theory, dogma, social experiment, people's state.*

Более века проблема народовластия пребывает в поле зрения отечественной и зарубежной теории государства. Видные ученые посвятили ей фундаментальные труды с разнящимися онтологическими, гносеологическими и аксиологическими трактовками, заложившими основу нынешних представлений о демократическом государстве. В них народовластие видится то политико-правовым режимом, построенном на привлечении большинства граждан к управлению общими делами, то правлением выборных народом лиц или органов, то коммуникативной практикой, связанной с процессом образования коллективного мнения и воли и т.п. Между тем такое публично-коллективное соуправление постепенно превратилось в «краеугольный камень» современной государственности – конституционно провозглашённый принцип суверенитета народа, который в различных интерпретациях прописан в подавляющем большинстве конституций мира.

Казалось бы, столь изученная тема вопросов более не вызывает, знания о ней объективны и практически применимы в государственном строительстве. Понятия «демократия» и «демократическое государство» стали настолько обыденными, что любой начинающий студент уверенно перечисляет их существенные признаки, упомянутые в многочисленных учебниках. Представители науки оперируют более сложными терминами («непосредственная демократия», «представительная демократия», «делиберативная демократия», «демократия участия», «консоциативная демократия» и т.д.), вкладывая различные, а иногда и противоречивые смыслы в представления о сути народовластия. Своё понимание они подкрепляют позициями видных мыслителей, начиная с эпохи древнегреческой философии и заканчивая синтетическими теориями наших дней [36, с. 6–7]. Но эта кажущаяся первичная простота бесследно улетучивается при пристальном взгляде на народовластие как на умозрительный *объект* познания и *явление* социальной практики.

Пытаясь сравнивать их, мы вдруг обнаруживаем столь значительные расхождения, ставящие под сомнение научные знания в этой области. Порой это подталкивают нас к выводам о том, что демократии никогда не существовало [11, с. 111] и человечество отягощено философской наивностью в отношении данного вида политического правления. Можно объяснять это гносеологической ошибкой, связанной с неоднозначностью детерминизма [26, с. 13] народовластия и смешением конкретно-научных и философских представлений о нём в рамках юриспруденции, но логика дальнейшего рассуждения еще печальнее. Получается, что конституционно-правовые тексты строятся на эфемерных идеях, реализовать которые невозможно? Иными словами, в основание позитивного права изначально вкралась логическая погрешность, приводящая всякого разумного, а тем более ученого человека в состояние когнитивного диссонанса.

В чём причины такого положения дел? Думается, их немало, но коренная из них заключена в нарушении стройности процесса научного познания действительности в этом направлении, смешении и произвольном чередовании его элементов применительно в изучаемому объекту. Поэтому В.А. Черепанов справедливо призывает к поиску решения проблемы научного осмысления сущности народовластия [35, с. 36].

Наша ***задача*** – разобраться с современными представлениями о народовластии в отечественной юриспруденции, выяснить, насколько они адекватны потребностям государственного строительства в нашей стране.

Задача исследования предопределена потребностью поиска адекватного современным взглядам теоретического концепта народовластия. Прежние (советские) доктринальные трактовки данного явления отвергнуты, насаждаемые западные традиции свободной представительной демократии претят российскому обществу, обновлённые целостные воззрения в современном государствоведении так и не сложились. Именно *отсутствие современных научно-структурированных знаний об актуальной модели народовластия и представляется* ***проблемой****, подлежащей разрешению на теоретическом и практическом уровне в современной России*.

Приступать к ней нужно с переосмысления научных взглядов.

Начнём с попытки определить форму знаний о народовластии. Воспринимаются ли они *учением* или *теорией*? Может таковые развились до уровня *теоретической догмы* – неизменного и повсеместно воспринятого научного восприятия, прямо реализуемого в законодательной и правоприменительной практике?

Уже эта первостепенная задача с ходу оказывается неподъёмной, ибо современная юриспруденция применительно к стоящей задаче четко не разграничивает формы знания, не определяет последовательность их появления и механизм сосуществования. Отсюда непонятно, как отличить учение от теории, а теорию от догмы, хотя очевидно, что это нетождественные формы знания. Между тем специальные исследования по этому поводу отсутствуют, особенно в интересующей нас области. Это и является главной *проблемой*, поднимаемой в данной статье.

Можно назвать такую постановку вопроса несостоятельной, фактически отождествить учение и теорию [24, с. 14], а догматику воспринимать особой теорией, формулирующей правила и определения для законотворческой, правоприменительной и научной деятельности [22, с. 18–19]. Только поможет ли такой подход устранить философскую гипертрофированность («метафизичность») в понимании сути народовластия и лежащего в его основе народного суверенитета, добавит ли им теоретической весомости и практической значимости? Сомнительно.

Возможно, найдутся противники использования самого термина «догма» в исследовании народовластия (по сути, – в государствоведении), позиция которых будет строиться на принадлежности данной категории исключительно к правоведению, в недрах которого она возникла и развивалась длительное время. Но кажущаяся обоснованность такого замечания рушится при пристальном рассмотрении, ведь государство и право представляются взаимообусловленными явлениями с «понятийно-правовым единством» [24, с. 7], раздельная экзистенция которых невозможна.

Современное государство строится и существует согласно установленному правовому плану (конституции) и другого стержня уже не знает. В нём сведены основные юридические принципы (правила) обустройства публичной власти в государственно организованном сообществе граждан, посему конституционная форма бытия государственности сегодня справедливо признаётся наиболее развитой [24, с. 7].

По этой причине догматический уровень познания основных проблем государства, к которым отнесено и народовластие, просто необходим. Для нас он выступает истоком определённого знания, пригодного для практического применения в формировании особого политико-правового режима, создаваемого правящим коллективным публично-правовым субъектом – народом. К тому нас подталкивает необходимость реализации конституционно заявленного принципа народовластия. Мы не можем провозглашать в позитивном праве недостижимые идеалы, обрамлять их декларативными формулировками без конкретных юридических последствий. Это прямо разрушает лежащий в основе народного суверенитета принцип всеобщности и общезначимости правового равенства [24, с. 6–7] публично единящихся в государстве граждан, подспудно подбивает к мысли о существовании юридических фикций.

Выясняя суть стоящей проблемы, сразу оговоримся относительно применяемой терминологии и авторского видения функционального соотношения рассматриваемых понятий: учения, теории, догмы. Этот взгляд является частнонаучным, впрочем, как и все иные, ибо догматизированного до уровня единственно верного научного воззрения по этому поводу не существует, а теоретические оценки скорее соотносятся с мировоззренческими позициями авторов [31, с. 35].

Учение является концептуальной идеей-предположением (доктриной) о свойствах и связях исследуемой действительности – предметах и явлениях реальности. По сути, оно формирует подход-принцип к познанию их природы и сущности. При этом частнонаучность учения не увязывается исключительно с какой-то определённой наукой, но более тяготеет к личности конкретного исследователя. Этим объясняется тот факт, что в его названии зачастую фигурирует имя автора (учение Птолемея о геоцентрической системе мира, учение Гераклита о правлении лучших или социалистическое учение К.Маркса и Ф.Энгельса). Постепенно преобразуясь в платформу единомыслия, учение способствует формированию не только частнонаучных, но и общенаучных взглядов (картин мира).

Но учение не есть теория. Их очень четко и обосновано разграничивает Н.Н. Тарасов†, подчеркивая, что таковые находятся в разных эпистемологических пространствах. В теории он видит пребывающую в конкретной парадигме и методологической традиции форму научной мысли, научного знания, определяющих результат познавательного процесса. Ей свойственен собственный понятийный аппарат и способ обоснования результата исследования (эксперимент, наблюдение и т.д.).

† Взгляды Н.Н.Тарасова далее излагаются в авторской интерпретации (личная переписка от 14.06.2018).

Доктрина для него не представляется строгой формой научного знания или результатом исследования, ведь в её основе могут лежать не только знания, но и убеждения, представления и, даже, мифы и им подобные формы сознания. По этой причине доктрине отводится скорее не познавательная, а организационная роль, воздействующая на мировоззрение и деятельность ученого. Отсюда, теория и доктрина различаются им функционально.

Выражая полное согласие с позицией Н.Н. Тарасова, хотел бы добавить, что доктрина вследствие своей понятийной неопределённости и неясности лежащих в её основании законов, относится к области научного знания скорее в силу *признания*, чем предметной принадлежности. Похожая мысль ранее была озвучена В.С. Нерсесянцем при характеристике юснатуралистического типа правопонимания, привычно причисляемого к философии права *по признанию* [24, с. 12]. Но, не будем ломать устоявшихся представлений о значении доктрины в науке, уточним лишь, что её основой более видим научные знания, очищенные от иных форм человеческого сознания.

Отсюда предназначение *теории* заключается [34, с. 23] в познании *объекта* (предмета или явления) исследуемой действительности через концептуальную призму доктрины с выявлением и теоретическим осмыслением научных фактов о его свойствах и связях; с разработкой гипотезы о природе и сущности объекта; с созданием теоретической модели для проверки гипотезы на истинность через объяснение установленных научных фактов; с построением логически стройной и основанной на выявленных законах системы знаний об объекте с собственной терминологией [6, с. 4], способной объяснять суть происходящего сейчас и в будущем.

Есть один важный момент: учение и теория в какой-то момент могут восприниматься в образе *научного предположения*. В общем, таковая постановка вопроса справедлива, но их различает *степень* такого предположения. В первом случае оно более опирается на первоначальный *личный* эмпирический опыт, во втором упор делается на обязательную *абстрактно-логическую обработку* специально установленных научных фактов.

Догма связана с формированием и использованием прикладного категориального аппарата, разворачивающего научную теорию в практической плоскости. Опираясь на мнение С.А. Муромцева, согласимся, что догматизация теории в строгом смысле предполагает некую последовательность познавательных процессов: описание, обобщение, определение (формирование прикладного понятийного аппарата) и классификацию форм и фактов [22, с. 12–18]. В этом мы наблюдаем дедуктивную развертку теоретических обобщений, показываем переход знания от общего к частному или единичному.

Таким образом, строится поступательная, логически завершённая цепь познания (*научно-эволюционная познавательная конструкция*), которая выглядит так: «учение – теория – догма». Отсюда правило: всякая научная идея в своём развитии проходит стадии теоретизации, догматизации и практической апробирования. Последняя стадия является проверочной, т.к. позволяет оценить степень распространения или воздействия абстрактных теоретических воззрений на реальный мир предметов и явлений. Развивая эту мысль, можно говорить о том, что *механизм* сосуществования учения, теории и догматики заключается в их коррекционном взаимовоздействии, проводимом на основе меняющихся интерпретаций и практического апробирования.

Пользуясь данной познавательной конструкцией, следует помнить, что она является идеальной, логически применимой в рамках определённой научной парадигмы. Полученные с её помощью знания представляются звеном общей познавательной цепи человечества, строящейся по спирали. Всё по тому, что накопление знаний и их проверка порождают потребность в коррекции доктрины. Это автоматически ведёт к появлению новых теоретических моделей, повторной переработке с их помощью всего массива фактов. В результате, полученные знания выступают основанием уточнённой доктрины. В какой-то момент такое поступательное движение способно изменить коренным образом и саму парадигму, что ведёт к научным прорывам (*научно-революционная познавательная конструкция*).

Смена научных представлений видится бесконечным процессом, ограниченным в своем развитии лишь продолжительностью существования цивилизации.

Используя познавательные конструкции, попробуем определить форму современных знаний о народовластии. При этом заранее уточним, что формат статьи не позволяет провести анализ всех учений, теорий или утвердившихся на их основании догматических элементов. Заинтересованные в этом могут проверить обоснованность излагаемой авторской позиции самостоятельно. Укажем лишь наиболее общие и важные моменты.

Народовластие как учение. Современная юриспруденция в качестве учений рассматривает концептуальные идеи мыслителей прошлого. Последним и наиболее заметным из них выступает *марксизм*. Появившись во второй половине XIX в., он какое-то время успешно конкурировал с давно известной *либерально-демократической доктриной*, постепенно разворачиваемой со времен ликвидации английского абсолютизма в XVII в. Несмотря на принципиальные различия между ними, можно с уверенностью отыскать их корни в противоположных по духу философских взглядах эпох Просвещения и Нового времени, палитру которых по качественному переходу от одной доктрины к другой можно расположить так: Д.Локк (идея правящего политического представительства) – Ж.-Ж.Руссо (идея суверенитета народа) – К.Маркс (идея социалистического самоуправления народа). Несмотря на то, что они разрослись до собственных научно-революционных познавательных конструкций, назвать предложенные доктрины строго научными, избавленными от влияния личных убеждений и представлений их авторов, нельзя.

Воспринятые в научно-теоретическом и практическом плане, сегодня они соотносятся следующим образом.

Либерально-демократическое учение о народовластии основывается на фундаментальном принципе социального управления в государстве – *политическом представительстве* при формально-юридическом равенстве граждан. Ввиду их разобщенности по разным основаниям, народ не рассматривается единым коллективным субъектом публичного управления. Народовластие же видится формой сосуществования юридически признаваемых личностей (людей), выражающих свою волю в большинстве случаев через *независимых* политических представителей. Государственный механизм считается инструментом реализации воли представительского корпуса.

Народно-демократическая доктрина при сохранении институтов политического представительства, скорее видит последние вспомогательным, но подконтрольным инструментом, необходимым для формирования и изъявления воли народа, воспринимаемого правящим коллективным субъектом. Государственный аппарат

при таком политическом режиме формально не играет роль генератора собственной политической воли, превалирующей над мнением народа, который одобряет или отклоняет законодательные или управленческие решения своих представителей, способен предложить их инициативно в коллективном порядке.

Марксизм, особенно в трактовке марксизма-ленинизма, считает основным средством упорядочения социальных связей *самоуправление* [30, с. 9–12 и др.] граждан, широко привлекаемых к решению общественных дел в коммунах – сообществах нового типа (*социалистическая доктрина*). Возникающая в период перехода от государственной к постгосударственной (коммунистической) форме существования общества особая коллективная социальная сущность – советский народ [17, с. 81–84; 13, с. 7–8, 12 и др.] – постепенно приучается к самостоятельному управлению, в т.ч. с использованием подотчетных ему представительных структур. Не органы государственной власти, а общественное мнение и порицание, выражающие волю всего народа [27, с. 17], придают социальной жизни последовательный характер. При этом народ аксиологически и материально един при равном социальном статусе своих граждан.

Более древние представления о народовластии как форме правления народа теряются перед этими антагонистами, ибо ныне уже не формируют иной четкой умозрительной концепции в понимании того, каким образом видится само правление народа. Античные и средневековые примеры непосредственной и представительной демократии упоминаются скорее для протоформы, чем в качестве их самодостаточного противовеса. Более того, все три существующие доктрины считают их своей первоосновой. Одна её ветвь – выборное правление – переросла в древо либерально-политического представительства, другая – прямое народоправство – в идеи суверенного правления народа в государстве и социалистического самоуправления. Думается, тут мы наблюдаем пример качественного развития давней и когда-то целостной идеи о правлении народа до уровня конкурирующих политико-правовых учений. Противостояние между ними не шуточное, каждое требует признать оппонентов самозванными, не относящимся к истинной демократии [32, с. 4–6; 7, с. 192–194].

Как в условиях разделения представлений на уровне доктрины выбрать истинное для научного познания учение о народовластии и правильно применить эволюционную познавательную конструкцию? Вопрос не праздный, того требует формальная логика, ведь полярные представления не способны привести к тождеству научных знаний. Разворачивая их в дальнейшем на этапе теории и догмы, мы получим совершенно разные результаты.

Анализ исторических событий показывает, что выбор доктрины для практического применения – прерогатива «права сильного» [3, с. 8], т.е. происходит по воле реально правящего субъекта (фактического суверена) [18, с. 75]: всего народа, какой-то социальной общности и даже индивида. Здесь случайностей не бывает и все зависит от степени политической организованности претендента на власть в момент её перехода. Затем практический подход экстраполируется в официальную научную доктрину, где подлежит теоретизации и догматизации. Исключения из этого правила не известны. Инакомыслие способно к попутному существованию с официальной идеологией до тех пор, пока не угрожает политико-правовому режиму, устроенному по образцу одного из учений о народовластии. Смена режимов, как правило, происходит революционным путём.

В современной России проблема практического выбора доктрины народоправства особенна остра. Богатый и небезуспешный опыт построения системы социалистического самоуправления народа резко контрастирует с результатами переустройства государства по типу либерального политического представительства, вызывает заметную социальную напряженность, связанную с противопоставлением интересов правящих элит и остального народа (в обывательском представлении – государства и гражданского общества).

В научном мире, особенно в первые постсоветские годы, также возобладала доктрина о свободном политическом представительстве [39, с. 181–198], получившая признание в правоприменительной практике высших судебных органов (позиция Конституционного Суда Российской Федерации о «свободном мандате» (пункт 3.1 Постановления от 28.02.2012 № 4-П.).

Не вступая в споры о правоте конкретной доктрины и её применимости в обустройстве отечественной политической системы, хочется отметить, что разнонаправленное научное восприятие желаемого образа народовластия отразилось даже в конституционном тексте. Провозглашаемый в нём принцип суверенитета народа – единственного источника всякой власти – нивелируется объемом и характером полномочий органов государственной власти, ранжируемых через разделение властей. В результате невозможно ни официально признать правовое бессилие народа перед правящим политическим представительством, ни отрегулировать механизмы обязательного согласования их интересов и избирательного контроля.

Взаимная критика доктрин бесперспективна, ибо этот «вечный» процесс напоминает теологические споры религий, даже несмотря на то обстоятельство, что формальная логика требует поиска единственного основания для верного умозаключения. Выбрать сегодня однозначно, какое из учений более соответствует идее народовластия, затруднительно. Причина того в отсутствии четкого понимания самого народоправства. Каждая из доктрин имеет собственное представление об этом, поэтому правило взаимного исключения учений результата не даёт.

Между тем, следует особо подчеркнуть, что простое указание на учение, как единственно верное, сегодня может строиться лишь на *вере,* основанной на *личном убеждении*, но не на *объективно-научном обосновании*. И вот почему.

Следуя развороту научно-эволюционной познавательной конструкции, за появлением новых и «обновлённых» учений и их выбором научным сообществом в качестве основополагающих доктрин, следует этап теоретического осмысления общей для них проблемы (явления). Этим объясняет возникновение теорий, научно конкретизирующих доктрины и готовящих догматическую основу для их практической проверки. Интересен факт, что междоктринальных теорий, тем более в отношении народовластия, не существует.

Народовластие как теория. Представлений о правлении народа, формально называемых теориями множество. Каждая из них пытается вывести или просто постулировать собственную закономерность существования народоправства, иногда предлагает усовершенствованный понятийный аппарат и способ обоснования результата исследования. Представлять их простой совокупностью и прямо противопоставлять, значит совершать логическую ошибку, аналогичную той, которая объясняет причины противоборства доктрин.

Напрашивается правило: всякая теория может подвергаться обоснованной критике лишь с позиции лежащей в её основе концептуальной доктрины. Ведь кри-

тикуя теорию, учёный зачастую использует знания, полученные в иной парадигме и методологической традиции. Тем самым он одновременно начинает тяжбу и с конкретной теорией, и с породившим её учением. Более продуктивна и оправдана внутридоктринальная критика теорий, связанная с их проверкой на соответствие первоначально заявленному идеалу.

Начну с теории с классической структурой. При этом постараюсь исключить авторские идеологические предпочтения, проявить объективность.

Марксистко-ленинская теория опирается на дедуктивно выстроенную экономическую модель устроения социальных отношений, выраженную в последовательно сменяющих друг друга в историческом развитии общественно-экономических формаций. Каждой из них присущ собственный классовый состав общества, отражающий его дифференциацию по участию в производственных отношениях и владению средствами производства. Именно по этой причине государство в собственном смысле слова всегда представляется «машиной для подавления классов», т.е. выступает средством обеспечения публичного возвышения одной социальной общности над другими. Освобождение от государства как формы организации жизни общества и переход к внегосударственной (коммунистической) форме его существования представляется закономерной сменой способа публичного управления. Представительное правление (публичное представительство) постепенно заменяется общественным самоуправлением на всех уровнях [14, с. 32; 20, с. 56].

Отсюда *модель коммунистической* (советской) *демократии* строиться на самоуправлении народа вне традиционных структур государства.

В данной материалистической теории четко просматривается вышеупомянутая структура научного знания. Применяемая ею концепция *всемирно-исторического подхода,* оперирующего такими социологическими единицами как *государство* и *национальность* (народ) [10, с. 2, 4], использована для фиксации и анализа научных фактов (демонстрации антагонистической структуры общества на отдельных этапах его существования), сформирован *адаптированный понятийный аппарат* (общественно-экономическая формация, экономический базис, классы, советский народ и т.д.), предложена *теоретическая модель* (система социальных отношений, строящаяся вокруг экономического базиса). Всё это выложено в логически целостную структуру – теорию, объясняющую ход поступательного развития общества через прогрессивную смену формаций. В её основе лежат три *диалектических закона*: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицание отрицания. Согласно этой теории, народ, избавленный от классовой стратификации (советский народ – коллективный субъект) будет способен к самоуправлению в коммунах, обладая полным экономическим и политически суверенитетом.

Таким образом, внутренняя непротиворечивость социалистической теории народовластия формально воспринимается следствием глубокой научной проработки на уровне теории, отвечавшей на главный вопрос народовластия: на основе чего и каким образом народ будет управлять собственными делами.

Можно пытаться оспорить высокую теоретичность марксизма-ленинизма, ссылаясь на практическую невозможность формирования *единого народа* – непосредственно самоуправляющегося коллективного субъекта, говорить о неисправимом несовершенстве социалистической экономики (системе материального равенства граждан), заявлять о тотально давящей гегемонии единственной руководящей партии.

Только всё это будет походить на ту же вечную борьбу учений и никак не лишит данную теории признаков полноценно выстроенной системы научных знаний, практическая верификация которых не закончилась прогнозируемым результатом лишь вследствие несоизмеримости экономических потенциалов государств социалистического и капиталистического блоков, управляемых принципиально разными способами. В жесткой конфронтации нарождающемуся социалистическому самоуправлению не удалось одолеть укоренившейся либерально-демократической системы, сломит ее стержень – самостоятельное политическое представительство.

Семьдесят лет открытого противостояния разных по природе демократий не следует воспринимать достаточным периодом для практической проверки конкретной теории. Проводя некоторую аналогию, можно сказать, что христианство как массовая аксиологическая система самоутверждалась более трехсот лет, идеям современного социализма история отвела срок в трое меньший. Думается, точку в их судьбе ставить рано. Социальный прогресс будет вынужден обращаться и уже обращается к социалистическому опыту в том или ином виде. Например, его отдельные моменты вплетены в концепцию «социального государства».

В конечном счете, сегодня мы наблюдаем не внутридоктринальную критику марксизма, но его противопоставление другим учениям и теориям народоправства, а иногда и простой обывательский остракизм, вызванный субъективной неприязнью или новыми веяниями в науке. При этом забываем, что целостность теории обеспечивается её *внутренней* непротиворечивостью и логической способностью объяснять действительность и будущее без исключений, но не победой в идеологической борьбе. Идеология не всегда теоретична, т.к. допускает пребывание в своей основе ненаучных форм сознания.

Обращаясь к *теориям представительного народовластия* – наиболее давним (XIX – нач. XX вв.), но признаваемым и сегодня, отметим их принципиальные особенности.

Своим появлением они обязаны *типологическому подходу*, использующему категории культурно-социальных явлений [10, с. 4], в т.ч. политических и юридических. Как и марксисты, сторонники представительного правления (Дж. Милль, А. Эсмен и др.) прибегали к анализу исторических фактов, но рассматривали их под более острым углом (представительные институты, формы участия народа в управлении, исполнительная власть, суверенитет и т.д.).

Базовой идеей данных теорий выступает следующий постулат: единство народа невозможно, поэтому свободное политическое представительство является исключительным инструментом публичного управления. Сообразуясь в рамках механизма разделения властей, оно удерживает в целостности гражданское общество и государство.

Остаётся только привести научно-обоснованные факты, обобщить их и приступить к построению модели социального управления, базирующейся на политическом представительстве народных масс выборными лицами, указать закономерности её появления и дальнейшего развития.

К удивлению, обнаруживается, что теории представительного народовластия в своем основании почти не имеют научных фактов (объективно установленных свойств и связей действительности), по сути – эмпирического научного базиса, слагаемого во всемирно-историческом контексте. Последние просто замещаются авторскими трактовками политических и юридических обобщений, превращаемых в по-

стулаты без опытной проверки их истинности. Вместо деятельностного содержания социальной реальности – объекта теоретического отражения [1, с. 7–8, 10–11] (общественных отношений) – данные теории зачастую строятся на личных убеждениях, воззрениях и т.п. ненаучных формах человеческого сознания. По этой причине в практике они стараются обрести общезначимость через утвердившиеся в социальной жизни институты, например, через публичную власть или позитивное право.

Похожее наблюдается и в отношении гипотезы таких теорий, особенностей их моделирования. При этом проблема формулировки их сущностных законов остается и вовсе нерешённой.

Для убедительности исследуем некоторые общие исходные, но так и недоказанные положения таких теорий.

Неспособность большинства граждан государства к управлению общими делами [21, с. 7; 29, с. 271–272]. Какие научные факты обосновали появление данного постулата, объективно продемонстрировали неизменно низкие интеллектуальные способности рядового гражданина, препятствующие его личному участию в решении общественных проблем? И какими приёмами познания добыты доказательства высокой компетенции политических избранников в сословном или партийном представительстве? Вопросов более, чем ответов. Довод о том, что «так было всегда по умолчанию» признать объективным научным фактом нельзя. Для этого формальная логика потребует определённой комбинации положительных и отрицательных суждений действительности (единичных, частных, общих), подтверждающих наличие или отсутствие связи между способностью к личному участию в публичном управлении и принадлежностью к определённой социальной общности (общественному большинству или представительскому корпусу). В итоге, единичные суждения о неспособности рядовых граждан к руководящей деятельности должны перерасти в суждения общие, которые сторонники представительных теорий так и не приводят.

В подтверждение авторского взгляда история предлагает собственные доказательства: социальная дисперсия (стратификация) общества всегда осуществлялась по какому-либо *цензу* (принадлежности к социальной группе, классу, сословию; имущественному положению; образованию; партийному членству и т.д.). Иных оснований, предопределяющих высшие интеллектуальные и профессиональные свойства выборных управленцев, объективно возвышающих их над остальным обществом, не установлено. Ценз не создаёт сверхчеловека, наделённого необычными по отношению к другим способностями, поэтому называть его научным фактом мы также не вправе.

Отсутствие научно-фактической базы в теориях представительного народовластия делает ненужным выдвижение гипотез, объективно предполагающих таковое единственным способом социального управления. Гипотезы как основанные на научных фактах предположения либо не выдвигаются совсем, либо заменяются искусственными идеальными конструкциями, по большей части политическими или правовыми, формирующими определённую концепцию (систему взглядов). Они покоятся на принимаемых на веру постулатах и призваны объяснить некоторые *известные* свойства народовластия как социального явления. Но из них не вытекает следствий, предсказывающих *неизвестные* или разкрывающие ещё *необъяснимые* свойства объекта исследования. Например, приведённая ниже общая конструкция представительного народовластия не позволяет истолковать очевидное и периодически реа-

лизуемое стремление и потенцию «неспособного большинства» к свободе от сложившихся образцов политического представительства через революционные преобразования.

Воля публичного представительства тождественна воле народа [40, с. 29, 41–43]. Трудно представить, чтобы такая зависимость отчетливо наблюдалась в социальной реальности, моделировалась или выводилась из неё экспериментальным путём. Не подкрепляется она и дополнительными доводами о практической невозможности привлечения каждого к управлению общими делами и высокими собственными воззрениями публичных представителей на общее благополучие [21, с. 63, 109; 23, с. 83–84 и др.]. Эта идея, как справедливо заметил Г. Еллинек, имеет чисто юридическую природу [9, с. 417], т.е. опирается не на научные факты, а на искусственные допущения, закреплённые в позитивном праве. Она доходчиво объясняет давнюю сентенцию: «Суды не знают воли народа, если она не выражена в парламентских актах» [4, с. 56].

Передача народом права на власть своим избранникам [40, с. 43; 39, с. 143, 156] представляется не менее вымышленным юридическим допущением, поясняющим механизм тождества воли народа и его избранников. Справедливо критикуя эту условность, В.А. Черепанов указал на его принципиальное порочное следствие – противопоставление государства и общества, соотносимых друг с другом как *форма* и *содержание* [35, с. 37].

Классические либерально-демократические теории попытались решить эту проблему схоластически, заявив, что народ воздействует сам на себя через издающего законы *суверенного законодателя,* по сути представляющего собой административную власть, порождаемую политической системой [33, с. 48–50].

Такой постулат, изначально содержит логическую ошибку, автоматически нуждается в следующем правовом подкреплении.

Независимость избранников от народа (свободный мандат) [40, с. 43–44]. Он имеет всю ту же правовую природу и выражается в *безответственности* и *бесконтрольности* политических представителей перед своими избирателями.

В его основе лежат три юридические составляющие, выведенные опытным путём для придания представительству особого статуса публичной независимости: личная неприкосновенность, свобода слова и гражданско-правовой иммунитет [37, с. 12–13, 97]. Часто подкрепляемый материально-правовой привилегией – неподсудностью за действия, совершенные в период осуществления властных полномочий, он лишает избирателей всякого контроля за выборными лицами.

В итоге, *модель представительной демократии* строится на принципе самостоятельного управления общественными делами выборными народом лицами и органами, функционирование которой должно осуществляться по конкретным юридическим законам. Думается, в этом случае теория «подгоняется» под практику.

Правда, тут мы наблюдаем еще одно слабое звено, не позволяющее воспринимать взгляды на представительное правление в качестве теорий. Нам не удаётся найти сформулированных ими объективных сущностных законов, объясняющих устойчивость работы социального механизма данной модели демократии. Таковых попросту нет.

Оказывается, что искомые законы здесь опосредуются не через исследуемую социальную реальность, но с помощью искусственно выстраиваемых с через позитивное право общественных связей. Иными словами, социальные закономерности

вытекают не из естественной логики отношений изначально равных людей, а из юридических законов, издаваемых политическим представительством. Такой подход стратифицирует общество, придаёт позитивному праву неискоренимо субъективный характер, ибо правящий субъект всегда стремится навязать свою волю остальным, вне зависимости от того, формируется ли он сословно или в виде выборной аристократии [21, с. 109]. В таком разрезе мы получаем народовластие, осуществляемое аристократическим способом [19, с. 168], что не вяжется с традиционной градацией форм правления.

Можно пытаться сблизить объективные общественные и юридические законы через категорию «правовой закон», правда, аксиологических установок политического представительства тут будет явно недостаточно. В идеале, они должны совпасть с ценностными представлениями остального общества. В этой точке, следуя позиции В.С. Нерсесянца, социальная справедливость и справедливость правовая сливаются, образуя правовое равенство [24, с. 11], основанное на формальном равенстве людей (единой мере и общей форме взаимоотношений), их формальной свободе (взаимной независимости при равной мере и форме действия) и формальной справедливости (равной мере и форме дозволений, запретов, исключающих привилегий) [24, с. 4]. Ничего похожего в случае с теориями представительной демократии мы обнаружить не сможем, ведь правовое равенство, формирует не только правовое единство, но и разрушает жизненный корень политического представительства – его публичные привилегии в управлении обществом. Закон *правового равенства* в их отношении неприменим.

Остается непонятным еще один принципиальный момент. Как объяснить с позиции теорий представительной демократии эволюцию народовластия? Что является её движителем? Если предположить, что оно, почти миновав сословную стадию, ныне преодолевает этап партийно-политического представительства и продолжает развиваться, то в каком направлении? Тут особенно остро чувствуется нехватка четко сформулированного объективного социального закона, раскрывающего суть таких теорий. По этой причине они неспособны выполнять прогностическую функцию.

В итоге, мы видим, что упомянутые исследования представительного народовластия невозможно считать теориями, т.е. полновесной формой научных знаний, слагаемых в рамках научно-эволюционной познавательной конструкции. Выдвижение условных постулатов в сочетании с типологическим подходом, вынуждает их авторов опираться на искусственные умозаключения, практическая жизнеспособность которых зависит от того, будут ли они восприняты правящим субъектом (публичным представительством) в качестве *политических обычаев* и получат ли закрепление в позитивном праве.

Народно-демократических теорий с классической структурой мы также не обнаруживаем. По большей части, они используют всё тот же типологический подход в познании, их эмпирический базис неконкретизирован, а гипотезы подменены авторскими абстрактными построениями, возводимыми на весьма условных постулатах.

В отличие от марксизма, рассматривающего общество бесклассовым, свободным от государства и права [38, с. 27], они не стремятся избавить социум от «оков» государственного механизма и свободного политического представительства, но стоят на принципе публичной апробации, т.е. *общественного согласования* властных решений.

Последнее видится логическим разворотом представлений о народном суверенитете, практическим способом его реализации. Правда, вместо выявления правящего субъекта и способов его руководства, эти исследования стараются представить народовластие скорее *социальным процессом*, чем политико-правовым режимом. Такой подход присущ классическим народно-демократическим теориям.

В период со второй половины XIX в. по конец первой четверти XX в. теоретические разработки велись под влиянием активно развивавшихся социалистических воззрений. Исторический опыт отдельных стран соотносился с идеей марксизма о самоуправлении народа. В итоге публичная апробация проводилась через реализуемое в коллективных формах *право народа*. Он в виде совокупности избирателей должен был путем голосования *одобрить* или *отвергнуть* законодательные и управленческие инициативы своих представителей, мог внести в коллективном порядке собственные предложения реализуя нормотворческую инициативу [8, с. 17, 24–25]. На том строилась «державность народа» [15, с. 49–53], а народная демократия воспринималась набором определённых действий участвующих в публичном управлении граждан, в т.ч. через общественные выборы [32, с. 161–186].

В итоге гражданское самоуправление в народно-демократических теориях в сравнении с марксистскими трактовками выглядело усечённым, более пассивным. В них не сам народ является генератором форм и методов публичного регулирования общественных отношений, т.е. выступает полноценным правящим коллективным субъектом, а совокупность разобщенных граждан оценивает предложенные его представителями управленческие решения или поддерживает публичные кандидатуры.

К народно-демократическим можно отнести и различные теории *правового государства,* в которых граждане и общности, т.е. индивидуальные и коллективные субъекты, путём взаимодействия и консенсуса участвуют в осуществлении публичной власти через позитивное право [39, с. 123; 11, с. 112–115]. Правда, допускают, что принимаемые таким образом решения не всегда соответствуют интересам всего общества [11, с.115–116].

Уязвимость этих теорий продиктована ошибками, аналогичными упущениям теорий представительного народовластия. Уповая исключительно на позитивное право, они не решают проблемы разобщенности общества и подмены объективных социальных закономерностей юридическими законами.

Современные демократические теории фундамент общественного согласования заместили конструкцией *организованного взаимодействия граждан* в процессе публичного управления общими делами.

Так *делиберативная теория* Ю. Хабермаса видит демократию *процедурой* коммуникативного формирования легитимной власти в рамках либеральной политической культуры. Социальный контакт свободных личностей, возникающий в процессе их дискурса (общения, связанного с образованием мнений и воли) программирует законы, через которые происходит воздействие граждан на самих себя. Дискурс порождает власть коммуникативную, стремящуюся ограничить влияние власти административной. Уровень их взаимовлияния определяется эмпирически [33, с. 33, 47 и др.]. При этом демократия видится совокупностью «частных режимов», устанавливающих свои правила для представительного общения [28, с. 51].

Близка к ней теория *консоциативной* (сообщественной) *демократии* А. Лейпхарта, которая воспринимает народоправство *организованным взаимодействием* сегментированных социальных общностей, образующих государство [16, с. 20, 28].

С некоторой натяжкой к ним приближается теория *полиархии* Р.Даля, которая строится на соблюдении множества условий (различных прав) демократического существования социума, образующих институциональные гарантии его членов. Существующее в нём соперничество решается с помощью конструкции публичного оспаривания и права на участие [5, с. 7–8, 11–14], поэтому политика воспринимается процессом переговоров и достижения компромиссов в обществе [12, с. 164].

Дальше приводить подобные исследования смысла особого не имеет. Они различаются нюансами, но все формируются на основе *функционально-прагматической модели*, демонстрирующей механизм взаимодействия граждан и социальных общностей на почве общего интереса и стремления урегулировать конфликтные ситуации. Несмотря на заявления о её эмпирических и нормативных основаниях [16, с. 36–37 и др.], найти с таковые с помощью классических элементов теории не удаётся. Посему называть социальное общение особым свойством или связью народовластия, т.е. научным фактом, некорректно. Оно присуще любому политико-правовому режиму. Неясны также закономерности (объективные социальные законы), которыми народовластие объявляется этими теориями нормой обустройства общественной жизни.

В этой связи современные народно-демократические теории правильнее называть научными концепциями, ведь по своей сути они выступают авторским пониманием оснований теоретического исследования, которые следует разворачивать по классической схеме. Иначе, как правильно заметил Л.А. Шалланд, народный суверенитет так и останется в глазах общества нравственно-теоретическим принципом, определяющим отношения власти и народа, но не юридической категорией [37, с. 82].

С практической стороны, как видится, выбрать истинную теорию, формирующую модель демократии, в которой народовластие раскрывается через категорию народного суверенитета должным образом, мы не можем. Научная обоснованность общественного самоуправления, свободного политического представительства или общественного согласования остаётся для нас субъективной.

Народовластие как догма. Раскрывая данную проблему, нам придётся ответить на вопрос: какое развернутое через теорию положение о народовластии является истинным, не требующим доказательства и повсеместно применяемым в законодательной и управленческой практике?

Нас ожидают еще более удручающие результаты. И вот почему.

Во-первых, учитывая, что либерально-демократические и народно-демократические теории скорее представляются научными концептами, с усечённой и изменённой внутренней структурой, лишенной классического построения, мы не найдём объективного подтверждения истинности провозглашаемых ими политических и правовых стандартов, облачённых в пригодный для практического использования понятийный аппарат. Можно говорить об их не научной, а скорее опытно-практической основе. Совершенно очевидно, что дедуктивной развертки по схеме С.А. Муромцева они не получат.

Во-вторых, взаимная идеологическая неприязнь сторонников той или иной вариации понимания идеи народного суверенитета, в том числе развернутой на теоретическом уровне, заставляет нас критически относится к любым устоявшимся в политике и праве положениям.

В призме этих условий некоторые наиболее значимые догматы будут восприниматься в следующем плане.

Разделение властей уже подверглось осуждению одним из первых, хотя во многих конституциях, включая и Конституцию Российской Федерации (статья 11), оно закреплено нормативно и практически реализовано через разграничение сферы публичной деятельности органов государственной власти.

Корни сего политико-правового стандарта выросли из сословного представительства, ставшего инструментом раздела публичной власти между устойчивыми социальными общностями [32, с. 2–3]. Представительные органы тогда часто совмещали законодательные, управленческие и даже судебные функции (напр., английский парламент раннего периода). Возникшее в них противостояние эволюционировало в выделение самостоятельных ветвей власти, а затем в специализацию государственных органов и дробление управленческого штата. Особенно это стало заметно к концу XIX в., когда большинство западноевропейских обществ, познав республиканскую форму общежития, устроенного на формальном правовом равенстве граждан, перешли к партийно-политическому представительству.

Сословность стала рудиментом без реальных социальных привилегий. Политическая борьба, правда, не исчезла, но переродилась из сословной в межпартийную. Так возникло социальное сословие иного рода и сущности – свободное политическое представительство. Причастность к нему определялась не титулом, а принадлежностью к новой социально открытой общности – чиновничьему аппарату, реализующему собственную волю в управлении общественными делами. Учитывая, что либерально-демократические теории не выявили объективных социальных законов, обосновавших неизбежность раздела публичной власти, данное правило догматизировано практикой через политический обычай и юридические установления. Затем распространённый прикладной приём получил теоретическое обоснование по факту.

Следуя заключающейся в нём логике, народовластие осуществляется через независимые и периодически конфликтующие ветви власти [2, с. 345–346], т.е. механизм, угрожающий жизнеспособности государства и целостности его общества. Догмат разделения властей [37, с. 5] также не содержит теоретического обоснования привилегированного положения института независимого политического представительства (свободного мандата).

Марксисты, оценив упомянутые противоречия, увидели в политическом представительстве одну из главных причин социальной стратификации граждан, обосновав его превратность собственным видением сути народного суверенитета. В нём мнение и воля общественного большинства должны предопределять действия представителей власти. Большинство членов общества, выраженное в единстве трудящихся классов (рабочих и крестьян), было признано коллективным правосубъектом, определяющим формы и методы общественного управления самостоятельно. Возник догмат *самоуправляющегося советского народа*. В социалистических республиках он также стал политическим обычаем, закреплённым в праве.

Догмат *прав человека* (включая политический плюрализм) стал результатом практической адаптации некоторых положений народно-демократических теорий. Получив нормативное закрепление, в современном обществе он достиг высшей точки своего развития, нивелировав господствовавшее прежде *право народа*. В итоге, социальное противостояние только усилилось. В борьбу между *гражданским обществом* и *государством* с самостоятельной ролью включилась *личность*.

В итоге, противоборствующее трио перечеркнуло выделяемый некоторыми догмат *народной воли* [39, с. 123], тем более, что теоретического обоснования или

практического признания последний явно так и не получил. Не совсем понятно, как он раскрывает принцип народного суверенитета.

Анализ столь запутанной ситуации показывает насколько трудно выбрать истинное положение о народовластии, пригодное для практической реализации. Их следовало бы разграничивать по подходу, применяемому к обоснованию принципа народного суверенитета. Логичнее выделять догматы *индивидуализма* (социальной стратификации) и *коллективизма* (социального единства), которые представляются не только философскими категориями. Они располагают собственными политическими и правовыми опорами (политическими обычаями и правовыми формами), поэтому, следуя эволюционной познавательной конструкции, должны раскрывать научное обоснование способов существования народа в государстве.

Практическое противостояние между ними демонстрирует реальное социальное противоречие, подтверждающее диалектичность развития представлений о народовластии. И коль скоро прежние догматы социального единства ныне отвергнуты по идеологическим причинам, а их антиподы порождают противостояние социальных общностей (неустойчивость государства), то напрашивается потребность в поиске обновленного основания единства гражданского общества и государства. Оно может быть сформировано в рамках теории народного государства, раскрывающей принцип народовластия через коллективную правосубъектность народа.

Завершая исследование форм знаний о народовластии, хотел бы затронуть проблему *способа обоснования* результатов теоретического исследования. Во многом именно он представляется ключом проверки истинности теории, выстраивает лекало её практической реализации. Таковым может выступать только *социальный эксперимент*. По сути, он представляется одним из видов научного опыта и в равной степени использовался для построения и практической апробации всех моделей демократии.

В теории социальный эксперимент часто сочетается с различными социологическими методами (опросами, анкетированием, статистическим анализом и т.д.), в практике он объективирует теоретические модели, т.е. демонстрирует качественные изменения социальных связей, методов и способов общественного управления, позитивного права и т.д., обнаруживает ошибки теоретических представлений либо подтверждает верность выстроенных догматов.

Примеров широких социальных экспериментов с народовластием множество. К ним относится появление моделей английского парламентаризма и якобинской диктатуры конца XVIII в., здравствующего поныне самоуправления в швейцарских кантонах, им объясняется социалистическая революция в России в 1917 году и переход к представительной демократии в 1993 году. Словом, социальный эксперимент выступает вполне адекватным средством проверки теории в практике. Нужна лишь верная структура его проведения, строго опирающаяся на анализ научных фактов и выявленные социальные законы, но не личные воззрения или идеологию. Над этим также стоит серьёзно задуматься.

Подводя ***итог***, можно констатировать следующее.

Первое. В настоящее время научные представления о народовластии носят фрагментарный характер и не могут закладываться в основу практического государственного строительства.

Второе. Принцип народного суверенитета требует нового теоретического осмысления и догматизации, что потребует возврата к проработке проблемы признании социальных общностей коллективными правосубъектами.

Третье. Укрепление гражданского единства в государстве и сглаживание социальных противоречий в публичной сфере возможно лишь на основе принципиально обновлённой модели регулирования общественных отношений, строящейся на самоуправлении народа и непосредственной реализации его коллективной воли.

В ***заключении*** хотелось бы сказать, что решение указанных задач представляется сложнейшей научной проблемой, потребует длительной коллективной работы ученых. Возможно придётся пересмотреть взгляды на структуру научной теории и механизм формирования догмы, но тем более заманчива её цель – выявления истинного облика народовластия, которое человечество провозгласило своим ориентиром.

Библиографический список

1. *Баранов Г.С.* Понятие и образ в структуре социальной теории. – Томск: Издательство Томского университета, 1991. – 172 с.

2. *Ворошилов Н.Н.* Критический обзор учения о разделении властей. – Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1871. – 454 с.

3. *Грингмут В.А.* История народовластия. – М.: «Русская Печатня», 1908. – 78 с.

4. *Дайси А.В.* Основы государственного права Англии. – Спб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1891. – 370 с.

5. *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. – М.: Издательство Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.

6. Диалектика принципов и законов в структуре научной теории / А.П. Шептулин, Р. Аманбаева, Р.М. Имамалиева и др. – Ташкент: Издательство «Фан», 1979. – 144 с.

7. *Джилас М.* Новый класс. – Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер, 1961. – 248 с.

8. *Дюнан А.* Народное законодательство в Швейцарии: исторический обзор. – Спб.: Типография Альтшулера, 1906. – 95 с.

9. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – Спб.: Издание юридического книжного магазина Н.К.Мартынова, 1908. – 626 с.

10. *Кареев Н.И.* Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. – Спб.: 1905. – 52 с.

11. *Козлихин И.Ю.* Идея правового государства: история и современность. – Спб.: издательство СПБУ, 1993. – 150 с.

12. *Козлихин И.Ю.* Избранные труды. – Спб.: Юридический центр-Пресс, 2012. – 538 с.

13. *Корельский В.М.* Власть, демократия, перестройка. – М.: Мысль, 1990. – 237 с.

14. *Корельский В.М.* Общая теория социалистического государства. – Свердловск, 1970. – 198 с.

15. *Курти Ф.* История народного законодательства и демократии в Швейцарии. – Спб.: Типография Н.Н.Клобукова, 1900. – 240 с.

16. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. –М.: Аспект-пресс, 1997. – 287 с.

17. *Ленин В.И.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 160 с.

18. *Магазинер Я.М.* Самодержавие народа (опыт социально-политической конструкции суверенитета). – Спб.: Издание Н.Глаголева, 1907. – 143 с.

19. *Манен Б.* Принципы представительного правления. – Спб.: Издательство Европейского университета, 2008. – 323 с.

20. *Марченко М.Н., Рожко И.Н.* Демократия в СССР: факты и домыслы. – М.: Мысль, 1988. – 282 с.

21. *Милль Дж.С.* Размышления о представительном правлении. – Спб.: Типография Ю.А.Бакрама, 1863. – 361 с.

22. *Муромцев С.А.* Что такое догма права? – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1885. – 21 с.

23. *Мэдисон Дж.* Федералист № 10. К народу штата Нью-Йорк. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1993. – 586 с.

24. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристь, 1996. – 160 с.

25. *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

26. *Орланов Г.Б.* Категория причинности и структура научной теории. – Воронеж: издательство Воронежского университета, 1982. – 105 с.

27. *Перевалов В.Д.* Политическая система развитого социализма (вопросы правосубъектности и законности). – Свердловск: СЮИ, 1984. – 95 с.

28. *Посконин В.В., Посконина О.В.* Значимость понятия «Дискурс» в модели деливеративной демократии // Вестник Удмуртского университета. – Сер. Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 41–56.

29. *Рейснер М.А.* Государство. Часть II. Государство и общество. Часть III. Государственные формы. – М.: типография т-ва И.Д. Сытина, 1912. – 292 с.

30. *Скуратов Ю.И.* Система социалистического самоуправления советского народа: проблемы конституционной теории и практики. – Свердловск: издательство Уральского университета, 1987. – 352 с.

31. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, 2001. – 264 с.

32. *Тахтарев К.М.* От представительства к народовластию. – Спб.: Издание «Библиотеки Обществознания», 1907. – 228 с.

33. *Хабермс Ю*. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Изд. центр «ACADEMIA», 1995. – 244 с.

34. *Хокинг С.* Краткая история времени: От Большого Взрыва до черных дыр. – Спб: Амфора, 2008. – 231 с.

35. *Черепанов В.А.* О народовластии в России: продолжение дискуссии // Государство и право. – 2014. – № 1. – С. 36–44.

36. *Черепанов В.А.* Проблемы российской государственности: опыт системного исследования. – М.: Норма, 2018. – 336 с.

37. *Шалланд Л.А.* Безответственность и неприкосновенность депутатов во Франции. – Юрьев: типография К.Маттисена, 1910. – 122 с.

38. *Шафиров В.М.* Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 24–33.

39. *Эбзеев Б.С.* Конституция. Власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2014. – 336 с.

40. *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. – Спб.: типография Б.М.Вольфа, 1898. – 357 с.

Bibliographic list

1. Baranov G.S. Concept and image in the structure of social theory. Tomsk: Tomsk University Press, 1991. 172 p.

2. Voroshilov N.N. A critical review of the doctrine of separation of powers. Yaroslavl: Printing house of the Provincial Zemstvo Administration, 1871. 454 p.

3. Gringmut V.A. History of democracy. Moscow: "Russian Pechatnia", 1908. 78 p.

4. Daisi A.V. Foundations of Public Law in England. St. Petersburg: Edition of LF Panteleev, 1891. 370 p.

5. Dal R.Poliarchia: participation and opposition. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2010. 288 p.

6. Dialectics of principles and laws in the structure of scientific theory / А.П. Sheptulin, R. Amanbaeva, R.M. Imamaliev, etc. Tashkent: publishing house "Fan", 1979. 144 p.

7. Djilas M. A new class. New York: Publishing House Frederick A. Preger, 1961. 248 p.

8. Dunant A. People's legislation in Switzerland: a historical overview. St. Petersburg: Printing house Altshuler, 1906. – 95 p.

9. Jellinek G. General doctrine of the state. St. Petersburg: Publication of the legal bookstore NKMartynova, 1908. 626 p.

10. Kareyev N.I. Typological and world-historical point of view in the study of history. St. Petersburg: 1905. 52 p.

11. Kozlikhin I.Yu. The idea of the rule of law: history and modernity. St. Petersburg: publishing house SPBU, 1993. 150 p.

12. Kozlikhin I.Yu. Selected Works. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2012. 538 pp.

13. Korelsky V.M. Power, democracy, restructuring. Moscow: Thought, 1990. 237 p.

14. Korelsky V.M. General theory of the socialist state. Sverdlovsk, 1970. 198 p.

15. Kurti F. The history of people's legislation and democracy in Switzerland. St. Petersburg: Printing house NN Klobukova, 1900. 240 p.

16. Leiphart A. Democracy in multi-component societies: a comparative study. Moscow: Aspect-press, 1997. 287 p.

17. Lenin V.I. State and Revolution: The teaching of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution. Moscow-Leningrad: State Publishing House, 1930. 160 p.

18. Magaziner Ya.M. Autocracy of the people (experience of socio-political construction of sovereignty). St. Petersburg: The publication of N. Glagolev, 1907. 143 p.

19. Manen B. Principles of representative government. St. Petersburg: Publishing house of the European University, 2008. 323 p.

20. Marchenko M.N., Rozhko I.N. Democracy in the USSR: facts and speculation. Moscow: Thought, 1988. 282 p.

21. Mill J.S. Reflections on representative government. St. Petersburg: Printing house of Y.A.Bakram, 1863. – 361 p.

22. Muromtsev S.A. What is the dogma of law? Moscow: Type. A.I. Mamontova and Co., 1885. 21 p.

23. Madison J. Federalist No. 10. To the people of New York State. Federalist: The political essays of A. Hamilton, J. Madison and J. Jay. Moscow: Publishing group "Progress"-"Litera", 1993. 586 p.

24. Nersesyants V.S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the past and perspectives. Moscow: Jurist, 1996. 160 p.

25. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: libertarian-legal concept // Issues of Philosophy. 2002. № 3. P. 3–15.

26. Orlanov G.B. The category of causality and the structure of scientific theory. Voronezh: publishing house of Voronezh University, 1982. – 105 p.

27. Perevalov V.D. Political system of developed socialism (questions of legal personality and legality). Sverdlovsk: SSI, 1984. – 95 p.

28. Poskonin V.V., Poskonina O.V. The Importance of Discourse in the Model of Deliberative Democracy // Bulletin of the Udmurt University. Ser. Jurisprudence, 2007. № 6. P. 41–56.

29. Reisner M.A. The state. Part II. State and society. Part III. State forms. Moscow: Printing house of ID I.D. Sytin, 1912. 292 p.

30. Skuratov Yu.I. The system of socialist self-government of the Soviet people: the problems of constitutional theory and practice. Sverdlovsk: publishing house of the Ural University, 1987. 352 p.

31. Tarasov N.N. Methodological problems of legal science. Ekaterinburg: publishing house of the Humanitarian University, 2001. 264 p.

32. Takhtarev K.M. From representation to democracy. St. Petersburg: Publication of the Library of Social Science, 1907. 228 p.

33. Habermes J. Democracy. Mind. Moral. Moscow: Ed. center "ACADEMIA", 1995. 244 p.

34. Hawking S. A Brief History of Time: From the Big Bang to the Black Holes. St. Petersburg: Amphora, 2008. 231 p.

35. Cherepanov V.A. On democracy in Russia: the continuation of the discussion // State and Law, 2014. No. 1. P. 36–44.

36. Cherepanov V.A. Problems of Russian statehood: the experience of system research. Moscow: Norma, 2018. 336 p.

37. Shalland L.A. Irresponsibility and inviolability of deputies in France. Yuryev: K.Mattisen's printing house, 1910. 122 p.

38. Shafirov V.M. Integrative legal understanding and rigid positivism // Journal of Russian Law. 2017. No. 7. P. 24–33.

39. Ebzeev B.S. Constitution. Power and freedom in Russia: the experience of synthetic research. Moscow: Prospekt, 2014. – 336 p.

40. Esmen A. General grounds for constitutional law. St. Petersburg: printing house B.M. Wolf, 1898. 357 p.

Д.И. Советов*

УДК 340.111.55
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.012

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ СОВЕРШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ОШИБОК В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются причины и условия совершения юридических ошибок посредством определения правовой природы рассматриваемого явления в теории права. Автором приводятся понятия данных категорий и оцениваются последствия, к которым приводит факт совершения юридической ошибки. На основании приводимых доводов формулируется вывод о содержании «детерминизма юридических ошибок», изучение которого может быть полезно в целях минимизации будущих юридических ошибок и устранения неблагоприятных последствий в отечественной практике.*

Ключевые слова: *юридические ошибки; причины ошибок; условия совершения ошибок; детерминизм юридических ошибок; сплошная кассация.*

PROBLEMS OF DEFINITION OF THE LEGAL NATURE OF THE REASONS AND CONDITIONS OF COMMISSION OF LEGAL MISTAKES IN DOMESTIC PRACTICE

Annotation. *This article discusses the causes and conditions of legal errors by determining the legal nature of the phenomenon in the theory of law. The author presents the concepts of these categories and assesses the consequences resulting from the fact of committing a legal error. On the basis of these arguments, it draws conclusions about the content of "determinism legal errors" which can be useful to minimize future legal errors and remedy in domestic practice.*

Key words: *legal errors; causes of errors; conditions of making mistakes; determinism of legal errors; continuous cassation.*

Опыт преодоления юридических ошибок основывается на определении причин и условий, которые лежат в основе их совершения. Причины и условия совершения подобных ошибок, в свою очередь, исходят из юридической природы исследуемого явления.

Затронутая проблема в силу своей практической значимости рассматривалась в работах многих исследователей, однако, вопрос организации мер по устранению юридических ошибок продолжает оставаться неразрешенным аспектом, что и побуждает интерес к новым исследованиям в области теории права, посвященным вопросам причинности. Неразрешенность проблемы в подобном ключе, предположи-

* ***Советов Денис Игоревич***, ассистент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (ВШГА) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: sovetov-work@mail.ru

Sovetov Denis Igorevich, assistant of the department of Economic and financial investigations MSU named after M. V. Lomonosov.

тельно, может исходить от наличия факта отсутствия понимания причин и условий, способствующих совершению юридических ошибок.

В данной статье необходимо обозначить понятие юридической ошибки, сущность и содержание условий и причин, как теоретических категорий, что позволит устранить неясность.

Прежде чем обратиться к анализу сущности причин и условий, важно определить понятие юридической ошибки. С одной стороны, юридическая ошибка представляет собой «не соответствующий истинным знаниям (применимо к конкретной ситуации) результат интеллектуальной или волевой деятельности человека, противоположный правильному» [3, с. 3–7].

С другой стороны, общепризнанной, следует считать позицию о том, что юридические ошибки – это неправильные представления лица о правовой сущности или правовых последствиях совершаемого деяния [4, с.237].

Ошибки большинством автором рассматриваются применительно к отдельным отраслям, а не применительно к праву в целом. Круг осмысления изучаемого явления снижается и сводится лишь к пониманию отдельных видов юридических ошибок, таких, как правоприменительные и фактические ошибки.

По нашему мнению в широком смысле под юридической ошибкой следует понимать заблуждение лица относительно обстоятельств, имеющих правовое значение. Подобное понятие юридической ошибки не включает спор, существующий относительно формы вины, которая ложится в основу субъективного поведения лица, допустившего ошибку.

По своей сути «юридическая ошибка» не может быть умышленной. В ином случае, речь идет о факте заблуждения либо невиновно (то есть добросовестно), либо неосторожно (без должной осмотрительности). При умысле лицо осознает деяние, предвидит и желает наступления соответствующих последствий, что невозможно считать заблуждением, которое допускает факт освобождения от ответственности в отношении лица, допустившего ошибку.

Для выработки новых механизмов процессуального противодействия, необходимо обратиться к правовой природе юридической ошибки, которая, как видится, складывается из целого ряда аспектов и категорий.

Довольно часто в сфере юриспруденции упоминается термин «правовая природа». Многие авторы утверждают, что данный термин в науке воспринимается, как данность без учета анализа его сущности. Стремление определить правовую природу какого-либо явления крайне редко объясняет вопрос о том, что на самом деле они имеют в виду. Лишь немногие авторы, предваряя процесс исследования правовой природы, останавливаются на определении заданного [5, с. 24].

Так, например, С.С. Алексеев определяет юридическую природу через юридические характеристики правового явления, что позволяет увидеть структуру, место и роль объекта познания среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [1, с. 227]. В то время как А.В. Захаров утверждает, что правовая природа явления – это, по сути, вопрос об отраслевой принадлежности норм, которыми эти отношения регламентируются с целью определения норм «ответственности» за регулирование данной группы общественных отношений [2, с. 52].

Представляется, что задача определения правовой природы близка к задаче правовой квалификации явления и отличается только объемом исследования [7, с. 190]. Можно предположить, что природа юридических ошибок кардинальным об-

разом связана с причинами и условиями их совершения, так как сам факт ошибки по отношению к причинам и условием будет являться явлением, а, следовательно, наступившим юридическим фактом в определенном промежутке времени. Под последним понимается конкретное фактическое жизненное обстоятельство, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения [9, с. 377].

В теории права анализ юридических ошибок, стал самостоятельным направлением исследования, однако, уяснение природы не дает точного и универсального ответа, который бы позволил преодолеть данное негативное явление.

На законодательном уровне, унификация теоретических наработок также не была доведена до логического завершения, несмотря на попытки, которые осуществлялись в преобладающем большинстве сфер. Однако, подобные попытки, все же, имеются и их нельзя исключать. Так, по состоянию на 2019 год можно предположить эффективность преодоления юридических ошибок в процессуальной сфере в связи с переходом судебной системы, к примеру, от принципа «выборочной кассации», при которой суды рассматривали от 3 до 10% жалоб, к новому режиму – «сплошной кассации».

Данное предложение на сегодняшний день хоть и «слабо апробировано», однако, прогнозирует выработку способов «наиболее эффективного выявления судебных ошибок» в будущем, подвергая кассационному рассмотрению наибольшее число дел, в которых имеются основания и условия допуска подобных юридических ошибок [8].

Рассматривая приведенный пример, нельзя относить долю только лишь судебных ошибок к числу юридических. В связи с чем, данный пример свидетельствует о необходимости в дальнейшей работе по иным отраслям схожим образом, что позволит повысить шансы исправления юридических ошибок в дальнейшем. «Сплошная кассация» устраняет ошибки лишь в одном аспекте и может служить «нотой» для дальнейших преобразований в подобном положительном ключе. Приведенный пример также демонстрирует, что именно определение природы условий и причин позволяет выработать механизм их преодоления.

Применительно к данной ситуации, причину следует считать тем фактором, который вызывает ошибку. Количество причин может различаться и варьироваться в каждом отдельно взятом правоотношении. Условием будет являться совокупность обстоятельств, при наступлении которых складывается благоприятная ситуация, когда может быть допущена ошибка при наличии соответствующей причины. Таким образом, при должном соотношении причин и условий наступает явление, выраженное в юридическом факте, то есть отдельной ошибки.

Поэтому предлагается дифференцировать на самостоятельные группы «причины» и «условия», которые необходимы для определения природы юридической ошибки, ибо их смешение нельзя считать допустимым. Данное разграничение необходимо в связи с тем, что причины и условия представляются отличными друг по отношению другу обстоятельствами, которые требуют установления в процессе преодоления негативных тенденций допуска ошибки.

При этом следует учитывать и тот факт, что причины первичны по отношению к условиям. Количество причин, как правило, меньше, чем количество условий в отдельно взятом правоотношении. Устранение причины может послужить основанием для снижения угрозы, исходящей от условий.

Причины совершения юридических ошибок также представляется возможным классифицировать. При этом следует исходить из единства субъективного (волевого отношения субъекта) и объективного (внешних причин окружающего мира). Исходя из этого возможен вывод о том, что юридические ошибки складываются в сфере личностных свойств субъекта правоотношения, которые активизируются в социальной действительности.

Интересной и обоснованной представляется классификация причин юридических ошибок, приведенная в работах А.Б. Лисюткина, который называет некоторые из объективных причин ошибочной юридической деятельности. Среди них он указывает историческую относительность человеческих знаний о закономерностях развития правовой материи в целом; слабый уровень развития методов познания и объяснения правовой реальности; несовершенство и неоднородность правосознания и юридической практики; отсутствие единой правовой политики в деятельности органов государственной власти; слабую развитость правовых ценностей, исходящих из официальной правовой политикой государства и прочее [6, с. 197].

При этом приведенные группы следует считать абстрактными причинами, которые могут быть заложены в основу совершения любой юридической ошибки. Предлагается классификация причинности юридических ошибок на такие категории, как:

– абстрактные причины юридических ошибок (свойственны всем видам ошибок, как правило, зависящие от эффективности системы права в отдельно взятом государстве);

– конкретные причины юридических ошибок (свойственны отдельно взятому юридическому факту, то есть явлению, при котором наступает юридическая ошибка).

Данная классификация может служить интересной предпосылкой в исследовании юридических ошибок («конкретных») на отдельно взятых примерах, для обобщения наиболее типичных ситуаций, при которых возможно наступление юридических ошибок. Такое исследование позволяет выявить типичные ситуации совершения ошибок с целью разработки механизма дальнейшего противодействия.

В завершение данной статьи необходимо остановиться на понятии «детерминизм юридических ошибок». Данное понятие, «детерминизм», определяется, как учение о причинности. В таком случае уместно говорить о детерминизме юридических ошибок, как о совокупности причин и условий юридических ошибок, которые повлекли последствия, не соответствующие нормам права. Последствия, которые наступают в результате юридической ошибки, возможно считать следствием от действия, которое в свою очередь, являлось причиной. На данном этапе анализа возникает еще одна интересная проблема, связанная с оценкой последствий, наступивших от юридического факта совершения ошибки.

С одной стороны, последствия такой разновидности ошибки, как фактическая ошибка, не представляет той опасности, которую несет, так, например, правоприменительная ошибка. По своей сути фактическая ошибка, может лишь обладать техническим значением и не наносить вреда. Однако, наибольшую опасность, как правило, привносят ошибки смысловые, неправильно интерпретирующие нормы в процессе право применения.

Подводя итоги, сделаем вывод о том, что юридические ошибки – нередкое, опасное, требующее исследования явление, стремительно распространяющееся в правовом пространстве с учетом условий срочности применения норм права при отсут-

ствии должной квалификации со стороны субъектов правоотношений. Минимизация последствий, которые наступают в результате совершения юридических ошибок, возможна в случае уяснения причин и условий их совершения, исходящих из природы юридической ошибки и объясняющих следствия (последствия), к которым они приводят. Всецело причины и условия, повлекшие последствия юридической ошибки, следует именовать «детерминацией юридических ошибок».

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и запреты в советском праве. – М.: Юридическая литература. 1998. – С. 227.

2. *Захаров В.А*. Создание юридических лиц: правовые вопросы. – М.: Норма, 2002. – С. 52.

3. *Казгериева Э.В.* Общенаучная постановка проблемы ошибок и необходимость теоретического обоснования в правоведении // Юридическое образование и наука. – 2006. – № 3. – С. 3–7.

4. *Кауфман М.А.* Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. – 2016. – № 9 (237).

5. *Комиссарова Е.Г.* Формально-логические аспекты понятия «Правовая природа» // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 24.

6. *Лисюткин, А.Б.* Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект // А.Б. Лисюткин. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права. – 2001. – С. 197–198.

7. *Малько А.В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. метод. пособие. 4-е изд., перераб, и доп. – М. Юристъ, 2002. – С. 190.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.09.2019 № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Размещен на URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_ doc_LAW_333371/

9. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры /С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

Bibliographic list

1. Alekseev S. S. General permits and prohibitions in Soviet law. Moscow: Legal literature, 1998. P. 227.

2. Zakharov V. A. Creation of legal entities: legal issues. Moscow: Norma, 2002. P. 52.

3. Kazgerieva E. V. General scientific formulation of the problem of errors and the need for theoretical justification in law / / Legal education and science. 2006. No. 3. P. 3–7.

4. Kaufman Mikhail Aleksandrovich. Law-making mistakes in criminal law // Journal of Russian law. 2016. No. 9 (237).

5. Komissarova E. G. Formal and logical aspects of the concept of "Legal nature" // Vestnik Perm University. Legal science. 2012. No. 2. P. 24.

6. Lisyutkin, A. B. Legal significance of the category "error": theoretical and methodological aspect // A. B. Lisyutkin. Saratov: Sarat Publishing House. State Acad. rights. 2001. P. 197–198.

7. Malko A.V. Theory of state and law in questions and answers. method. benefit. 4th ed., pererab, and additional. Moscow: Jurist, 2002. P. 190.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.09.2019 No. 30 "on the day of commencement of the cassation and appeal courts of General jurisdiction, the Central district military court" // Posted on URL: http://www. consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_333371/

9. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate programs / p. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 506 p. – (Series: Bachelor and Master. Academic Course).

М.Ю. Спирин*

УДК 340.128
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.020

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА О МАТЕРИАЛЬНОМ ИСТОКЕ И ВОЛЕВОМ ИСТОЧНИКЕ ПРАВА

Аннотация. *Проблематика соотношения материального истока и волевого источника права рассматривается с использованием основных положений материалистической (марксистской) юридической доктрины на примере важнейших положений и выводов из работ Е. Б. Пашуканиса и В. М. Сырых.*

Делаются выводы о важности положений материалистической теории права для развития волевой концепции правообразования, о принципиальной зависимости воль товаровладельцев (участников гражданского оборота) от характера товарно-стоимостных отношений.

Ключевые слова: *материальный исток права, волевой источник права, первоисток права, материалистическая юридическая доктрина, воли товаровладельцев, формы права, правовая форма экономических взаимодействий, индивидуальное право, фактическое правоотношение, сингулярные формы права.*

MATERIALISTIC LEGAL THEORY ABOUT THE MATERIAL ORIGIN AND WILLED SOURCE OF LAW

Annotation. *The problems of relation between material origin and willed source of law are considered using the key points of the materialistic (Marxist) legal theory on example of the most important elements and conclusions from the works of E. B. Pashukanis and V. M. Syrykh.*

Conclusions on the importance of the materialistic theory of law`s key points for the development of the willed concept of law-making, on the fundamental dependence of the wills of commodity owners (participants in civil turnover) on the nature of commodity-value relations are drawn.

Key words: *material origin of law, willed source of law, primary origin of law, materialistic legal theory, wills of commodity owners, legal forms, legal form of economic interactions, individual law, real relationship, singular legal forms.*

Рассмотрение проблематики материального истока и волевого источника права в заявленном контексте следует начать с указания о необходимости разграничения категорий «исток права» и «источник права». Такое разграничение является закономерным следствием логико-юридического различения категорий «источник права» и «форма права» [1, с. 3–4], поскольку, в этом случае, нас интересуют не

* ***Спирин Михаил Юрьевич***, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: smy@samaradom.ru.

Spirin Mikhail Yurievich, associate professor of the Department of theory and history of state and law and international law, Law faculty of named after S. P. Korolyov Samara national research university (Samara university), candidate of legal sciences, associate professor.

столько уровни и конкретные способы формального закрепления норм права в документах (юридических текстах), выражающих авторитетную публичную волю субъекта правотворчества [2, с. 173], сколько проблематика происхождения права как социального регулятора и его действенность при осуществлении правовой регламентации (сама жизнь права). В этом случае мы должны применять не столько формально-догматический (позитивистский), сколько социолого-правовой подход [3; 4].

Именно в духе рассуждений Рудольфа фон Иеринга и Н. М. Коркунова истоки права можно увидеть в социальной реальности межличностных и межгрупповых отношений в качестве основополагающих правообразующих факторов объективного характера. Источники права в этом смысле подвержены принципиальному воздействию этих объективных истоков; в том случае, если они воспринимаются как формальные источники, они отождествляются с формами закрепления юридических норм, в том же случае, если их рассматривать как волевые источники права, то они формируются и кратковременно существуют именно под воздействием этих правообразующих факторов (истоков права).

При этом исток права следует принципиально отличать от ещё более абстрактной категории «первоисток права», которая не является предметом изучения юриспруденции, но входит в комплексную объектную область психологии и общей социологии. Под первоистоком права в общем виде следует понимать саму принципиальную возможность человека понимать необходимость существования и действия права как регулятора его настоящих и будущих отношений с другими людьми, коллективами и обществом в целом, а также способность человека подчиняться регулирующему воздействию права, его предписаниям, запретам и дозволениям. По существу, сама разумность человека являет собой первоисток всего правового регулирования [5, с. 23–24].

Таким образом, категория «исток права», по своей сути, отображает правообразующий фактор объективного характера, который определяет характер и направленность последующего правового регулирования а) уже сложившихся и б) складывающихся в настоящее время социальных взаимодействий. При этом, как правило, таких факторов действует одновременно несколько, поэтому, не совершая логической ошибки, можно указать, что истоком права может выступать и целая система правообразующих факторов (полифакторный подход) [6, с. 13, 15].

Категория же «источник права» указывает на принципиальное проявление (направление) воли правотворящего субъекта по отношению к созданию и введению в действие определённого набора юридических правил (норм) общеобязательного характера, имеющих регулятивное значение.

При характеристике категории «исток права» особое внимание следует обратить на истоки (правообразующие факторы) материального характера, которые обосновывают появление и современное существование права как регулятора по преимуществу товарно-рыночного, вытекающего из сложившихся в обществе экономических отношений [7, с. 266].

Таким образом, материальный исток права во многом определяет природу других разновидностей истоков права (правообразующих факторов).

Категория «источник права» рассматривается нами в соответствии с волевой концепцией правообразования, которая позволяет выделить волевой аспект источника права [8, с. 124–128; 9; 10, с. 73–75]. В этом случае под источником права необ-

ходимо понимать субъективно осознаваемую и объективно выражаемую вовне волю конкретного субъекта правотворчества, формально-юридическое содержание которой заключено в системе общеобязательных юридических норм (законодатель и выражение его воли в законе, судья и выражение его воли в судебном прецеденте, общество в целом и закрепление его воли в правовых обычаях, субъекты международных правоотношений и отражение их консенсуальной воли в обычаях и договорах международного права).

Важно понимать, что от характера объективного воздействия именно материального истока последующего правового регулирования на способы выражения воли правотворящего субъекта как источника возникающего права зависит само понимание сущности правотворческой деятельности.

Для развития такого понимания принципиальное значение имеет анализ материалистической (марксистской) юридической доктрины, которая предлагает особый подход к изучению именно материальных истоков права и их непосредственному отражению на уровне природы собственно волевого источника права. В этом смысле необходимо обратиться к важным выводам отечественного марксистского теоретика права 20–30-х гг. XX в. Е.Б. Пашуканиса и к известным работам современного сторонника материалистической теории права В.М. Сырых.

В рамках своей главной научной работы «Общая теория права и марксизм» Е.Б. Пашуканис осуществил глубокую, многоуровневую марксистскую экономическую трактовку явления права, его содержания и формы [11]. Его заслугой стал грамотный перенос экономических методов, моделей и самой терминологии Карла Маркса в мир права при характеристике собственно правовой формы. Право в этом случае определялось как отражение (внешнее выражение) отношений товарно-менового характера, отсюда концепция Пашуканиса стала именоваться меновой (трудовой).

Марксистский подход Е.Б. Пашуканиса чётко выражен в вопросе анализа возникновения, развития и отмирания права: сущность правового регулирования рассматривалась им на пути от натурального хозяйства первобытного общества к обменным отношениям, которые стремятся к своей высшей форме на стадии буржуазного (капиталистического) общества. При этом именно в рамках буржуазной формации регулируемая нормами частного права принципиальная экономическая формула «товар – деньги – товар» раскрывается в полном объёме.

Важно принять во внимание то, что Е.Б. Пашуканис указывал на необходимость использования этой экономической формулы как внутреннего содержания правовой формы регулирования меновых отношений на постреволюционной стадии развития советского общества с последующим (через определённый период времени) переходом к планово-распределительной экономической системе. Он обратил внимание на принципиальное значение роста производительных сил нового социалистического общества как необходимое (и по сути, единственное) условие эффективного распределения возрастающего количества материальных благ (и, как следствие, условие для отмирания права, которое к этому времени исчерпывает значение своей формы) [11, с. 7, 9 – 10, 21 – 23, 80 – 82].

Источник права по Е.Б. Пашуканису, в принципе, соответствует волевой концепции правообразования и фактически определяется им именно как волевой источник права; при этом Пашуканис идёт в своих размышлениях несколько дальше: таким источником, по его мнению, выступают взаимнонаправленные воли товаро-

владельцев (Warenhüter) по поводу обмена своими товарами при выражении самостоятельных интересов (как материальных, так и нематериальных), а также – последовательной реализации своих прав и обязанностей, в том числе, если при этой реализации возникает спор между ними [11, с. 54, 64–65, 71–74] (Е.Б. Пашуканис в данном случае ссылался на работы Н.М. Коркунова и современных ему германских исследователей).

Эти воли товаровладельцев выражаются свободно, имеют исключительно экономическое основание (т.е. детерминированы материальным истоком права), субъективно взаимно воспринимаются, а также имеют отчётливое материальное внешнее выражение. Фактически Е.Б. Пашуканис, развивая экономический концепт К. Маркса, усложняет его формулу и делает её социальной: «товар – стоимость – деньги – капитал – воля – право».

Воли товаровладельцев в установленном порядке выражаются в формах существования права (формах права): законах, договорах и судебных решениях. Особое значение в этом случае для понимания существа концепции Е.Б. Пашуканиса имеет сам суд, а также судебный процесс и выносимое в качестве его итога судебное решение (тем самым, появляется дополнительное звено или ответвление предыдущей формулы: «спор – процедура – право»). Таким образом, судебное решение является особой формой права, оформляющей итоговое состояние воль товаровладельцев в изначально спорном правоотношении между ними [11, с. 37–38, 111].

При этом формы права выступают в качестве необходимых элементов реального существования правовой формы в целом, её непосредственного выражения вовне через воздействие на лиц норм законов, договоров и судебных решений, то есть – отдельных форм выражения права.

Внешняя единая по своей природе правовая форма экономических взаимодействий выражается объективным образом в оболочке различных документальных форм права, нормы которых имеют разное регулятивное значение в зависимости от типа правовой традиции общества.

Правовая форма, в целом, может быть определена с позиции материалистической юридической доктрины как существующее общественное отношение, которое не зависит от какой-то предустановленной формы, но постепенно, под влиянием постоянной эффективной повторяемости определённого набора социальных действий, обретает её примерные внешние очертания (оформляется).

Норма права также не предшествует правоотношению как предустановленное каким-либо политическим авторитетом (сувереном) правило, но следует за социальным отношением как естественное, но, в то же время, нормативное накопление устойчиво и долговременно совершаемых актов социального поведения. В этом можно увидеть принципиальный социологизм концепции Е.Б. Пашуканиса и всей материалистической доктрины права в целом, которую часто ошибочно воспринимают в качестве разновидности юридического позитивизма.

Субъект права, являясь атомом правовой материи, вступает в социальное отношение с другим уполномоченным субъектом (товаровладельцем), одновременно проявляя свою волю, и тем самым создаёт качество нормативности права. На базе экономической логической связи появляется связь юридическая: «субъект – отношение – норма – форма права».

Следовательно, любая форма права по Е.Б. Пашуканису есть именно формализованный результат накопленных массовых социально-экономических взаимодей-

ствий (товарно-меновых актов поведения) самостоятельных волевых субъектов, а не нечто предустановленное, формально-юридическое, под влиянием которого в будущем должны возникнуть какие-то новые правоотношения. В этом смысле он приводит удачный пример соотношения плана проектируемого здания и действительного здания, построенного на основании этого плана [11, с. 43 – 44]. Очевидно, что план (проект) здания и действительное (построенное) здание не будут совпадать по своим конструктивным особенностям на 100%, а форма построенного здания будет окончательно известна только после того, как само здание в своих основных элементах будет возведено.

Таким образом, Е.Б. Пашуканис использовал категорию «источник права», связывая её с выражением воли товаровладельцев, определял правовую форму в целом, которая выражена посредством действующих сингулярных форм права, и, по сути, указывал на исток права в виде действующих в обществе отношений товарно-стоимостного обмена.

При анализе основных положений современной материалистической теории права В. М. Сырых, которую следует рассматривать в качестве идейного продолжения концепта Е.Б. Пашуканиса, необходимо обратить внимание на особое значение двух используемых категорий: 1) индивидуального права как обозначения необходимой стадии реализации («перехода в действительность») единого объективного права общества, объединяющего эти индивидуальные права [12, с. 48–133, 245–268], и 2) фактического правоотношения как конкретной формы воплощения этого объективного права в действительности [12, с. 362–406].

Индивидуальное право выступает в качестве срединного звена логической цепочки «развёртывания» объективного права с целью понимания его сущности и порядка реализации для удовлетворения субъективных интересов лиц: «позитивное право – индивидуальное право – конкретное право» [12; 13].

В этом случае, индивидуальное право рассматривается как естественный результат работы индивидуального правосознания, в рамках которой происходит постепенное опредмечивание в первую очередь материальных потребностей человека, при этом важное значение имеет индивидуальная личностная мотивация.

Проблематика фактического правоотношения рассматривается в современной материалистической доктрине в продолжение рассуждений Е. Б. Пашуканиса о первичном характере самого правового отношения в сопоставлении с появляющейся на его основании юридической нормой. Исходя из этого сложившееся, фактическое правоотношение выступает критерием эффективности действующей нормы права.

Соглашаясь с К. Марксом, в качестве источников права В. М. Сырых определяет общество и присущие ему производственные отношения. Тем самым, фактически, определяется путь выражения вовне воли самого общества для регулирования социальных взаимодействий с помощью права через призму материальных правообразующих факторов (истоков права). Иначе говоря, с точки зрения материалистической правовой доктрины волевой источник права подтверждается именно воздействием на его образование и проявление вовне системой производственных и иных материальных отношений в любом типе общества.

Сформированное конкретно-историческое объективное право является юридической формой экономических отношений, которая возникает независимо от воли государства (законодателя, судей etc.), а, следовательно, по объективной воле общества (эти мысли В.М. Сырых аналогичны размышлениям Е.Б. Пашуканиса о право-

вой форме). Более того, такая воля носит по преимуществу экономический характер, то есть определяется материальными истоками последующего правового регулирования.

Из вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:

1. Волевая концепция правообразования, рассматривающая проявление воли субъекта правотворчества в качестве источника права, в рамках анализа материалистической юридической доктрины конкретизируется, уточняется, переходит на новый уровень; при подобной характеристике субъекта правотворчества акцент смещается с фигур законодателя и судьи на уровень товаровладельцев как носителей индивидуального экономического права и на пространство выражения ими своих материальных по своему содержанию воль (волевых источников права), которые затем постепенно, естественным образом выражаются в содержании конкретных законов, договоров и (особенно) судебных решений как сингулярных форм права.

2. В этом случае очевидно устойчиво высокое значение как римского частного права классического периода, так и основанного на его идеях и нормах буржуазного права как наиболее развитых правовых форм выражения эквивалентного обмена товарами и (затем и на основе этого) правовыми статусами, исходя из наличия принципиальной возможности распоряжаться тем или иным товаром (приобретать его, отчуждать, определять конкретные формы и способы его использования). В соответствии с этой идеей В.М. Сырых подчёркивает особое значение частного права как важнейшей формальной (регулятивной) оболочки материальных по своей природе отношений, особой формы реализации единого объективного права.

3. Таким образом, основной итог соотношения материального истока права и волевого источника права с позиции материалистической (марксистской) юридической доктрины состоит в определении зависимости индивидуальных воль товаровладельцев как непосредственных субъектов правотворчества (создателей индивидуального права по В.М. Сырых) от тех типов товарно-стоимостных отношений, в спектр которых они непосредственно и в массовом порядке включены самой жизнью, самим фактом своего естественного существования.

Следовательно, сами товарно-стоимостные (меновые; эквивалентные) отношения, являясь отражением проявляющихся объективных правообразующих факторов экономического характера (материальных истоков права), определяют качество источников создаваемого действительного права в виде согласующихся между собой воль участников гражданского оборота, которые, в свою очередь, подтверждают реальность действия юридических норм, содержащихся в специальных нормативных оболочках (формах права).

Библиографический список

1. *Калинин А. Ю., Комаров С. А.* Форма (источник) права как категория в теории государства и права // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 2000. – № 6 (233). – С. 3–10.

2. *Голунский С. А., Строгович М. С.* Теория государства и права. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 304 с.

3. *Иеринг Р. фон* Цель в праве. Первый том / пер. с нем. – СПб.: Изд-во Н. В. Муравьёва, 1881. – 425 с.

4. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.

5. *Спирин М. Ю.* Соотношение источника, истока и первоистока (первопричины) права // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. М.М. Журавлёва, А.М. Барнашова, С.С. Кузнецова. – Томск: Издат. дом Томского госуниверситета, 2018. – Ч. 77. – С. 22–24.

6. *Придворов Н. А., Трофимов В. В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: Норма, 2012. – 400 с.

7. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. – 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 506 с.

8. *Кашанина Т. В.* Структура права. – М.: Проспект, 2013. – 584 с.

9. *Вопленко Н. Н.* Источники и формы права. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.

10. *Рудковский В. А.* Источники права: проблемы теории // Вектор науки ТолГУ. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4 (27). – С. 73–75.

11. *Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 3-е изд. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1927. – 128 с.

12. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права. Избранное. – М.: РАП, 2014. – 420 с.

13. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права. Т. 1 – 3. М.: РАП, 2011.

Bibliographic list

1. Kalinin A. Yu., Komarov S. A. The form (source) of law as a category in the theory of state and law // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2000. No. 6 (233). P. 3–10.

2. Golunsky S. A., Strogovich M. S. Theory of state and law. Moscow: Jurid. Publishing House of the USSR NKJ, 1940. 304 p.

3. Iering R. von Purpose in law. The first volume / per. with him. St. Petersburg: Publishing House of N.V. Muravyov, 1881. 425 p.

4. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003.430 p.

5. Spirin M. Yu. Correlation of source, source and primary source (root cause) of law // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Sat. Articles / Ed. M. M. Zhuravleva, A. M. Barnashova, S. S. Kuznetsova. Tomsk: Publ. House of Tomsk State University, 2018. Part 77.P. 22 – 24.

6. Pridvorov N. A., Trofimov V. V. Law-making and law-making factors in law. Moscow: Norma, 2012.400 s.

7. Komarov S. A. General theory of state and law. 9th ed. Moscow: Publishing house Yurait, 2018. 506 p.

8. Kashanina T. V. The structure of law. Moscow: Prospect, 2013.584 s.

9. Voplenko N. N. Sources and forms of law. Volgograd: VolSU Publishing House, 2004. 102 p.

10. Rudkovsky V. A. Sources of law: problems of theory // Vector of science TolSU. Series: Jurisprudence. 2016. No. 4 (27). S. 73 – 75.

11. Pashukanis Ye. B. The General Theory of Law and Marxism. Experience of criticism of the basic legal concepts. 3rd ed. Moscow: Publishing House of the Communist Academy, 1927.128 s.

12. Syrykh V.M. Materialistic theory of law. Favorites. Moscow: RAP, 2014.420 s.

13. Syrykh V.M. Materialistic theory of law. T. 1–3. Moscow: RAP, 2011.

Ю.П. Степнова*

УДК 34.03
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.021

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Несмотря на большое количество исследований, посвященных юридической ответственности, по сей день в научной среде отсутствует единое понимание данной научно-правовой категории. Дискуссионным является двухаспектное понимание юридической ответственности. Не всеми учеными признается наличие позитивной юридической ответственности. Цель настоящей статьи заключалась в том, что бы провести обзорный анализ существующих в настоящее время научно-теоретических концепций юридической ответственности.*

В статье анализируются определения юридической ответственности, существующие в рамках научных школ позитивной (юридическая ответственность как осознание долга, чувство ответственности; обязанность дать отчет; обязанность соблюдать предписания и требования норм права; статутная и статусная юридическая ответственность; как правомерное поведение, поощрительная юридическая ответственность) и негативной (юридическая ответственность как наказание; как реализация санкции; как мера государственного принуждения; как реакция общества на правонарушение; как обязанность претерпевать лишения, принудительное исполнение или дать отчет; как правоотношение; как оценка (осуждение); как способность дать отчет о своем противоправном поведении; как субъективная юридическая ответственность) юридической ответственности.

Автор пришел к выводу, что юридическая ответственность является целостным правовым явлением, которое должно включать в свое понятие единство позитивного и негативного аспектов.

Ключевые слова: *юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, обязанность, наказание, санкция, поощрение, меры юридической ответственности, добровольная форма реализации юридической ответственности, государственно-принудительная форма реализации юридической ответственности.*

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation. *Despite a large number of studies on legal responsibility, to this day there is no single understanding of this legal category in the scientific community. Debatable is a two-pronged understanding of legal liability. Not all scientists recognize the existence of positive legal responsibility. The purpose of this ar-*

* ***Степнова Юлия Павловна***, аспирант Самарского государственного экономического университета. Email: julia.stepnova@gmail.com

Stepnova Julia Pavlovna, graduate student of Samara State University of Economics.

ticle was to conduct a review of the currently existing scientific and theoretical concepts of legal responsibility.

The article briefly analyzed the definitions of legal responsibility that exist within the framework of scientific schools as positive (legal responsibility as awareness of duty, sense of responsibility; obligation to report; obligation to comply with the requirements and requirements of the rule of law; statutory and status legal liability; as legal behavior, encouraging legal responsibility) and negative (legal liability as a punishment; as the implementation of a sanction; as a measure of state coercion; as a reaction society on offense, as an obligation to endure hardship, enforcement or give an account as a legal relationship, as the score (condemnation) as the ability to give an account of his unlawful conduct, as a subjective legal responsibility) of legal liability.

The author came to the conclusion that legal responsibility is an integral legal phenomenon, which should include the unity of positive and negative aspects in its concept.

Key words: *legal liability, positive legal liability, negative legal liability, duty, punishment, sanction, promotion, measures of legal liability, voluntary form of realization of legal liability, state-compulsory form of realization of legal liability.*

Юридическая ответственность как научно-правовая категория является одной из фундаментальных и в тоже время дискуссионных категорий теории права. Отсутствие легального определения юридической ответственности в отраслях права, порождает все больше разногласий среди ученых, «терминологическую перенасыщенность и отсутствие терминологической четкости» [1, с. 37]. Однако в доктрине все существующие разногласия и определения юридической ответственности не выходят за рамки нескольких сложившихся концепций юридической ответственности. В целом можно говорить о сложившейся целой теории юридической ответственности, по проблеме которой защищено и написано множество диссертаций, монографий.

На страницах научной периодики ученые не оставляют без своего внимания проблему определения юридической ответственности как одной из фундаментальных категорий, без формулировки которой не представляется возможным перейти к более детальному исследованию категорий более узкого порядка, являющихся составляющими теории юридической ответственности.

Если же обратиться к более детальному изучению современных научных публикаций, то можно увидеть, что по большей своей части, ученые либо не формулируют авторские определения юридической ответственности, а только лишь излагают выработанные советской и современной доктриной концепции юридической ответственности и высказывают свои предпочтения придерживаться той или иной концепции, либо, предлагаемые определения дублируют другие. В связи с чем, можно сделать вывод о том, что проблема выработки универсального общетеоретического понятия юридической ответственности в последнее время не потеряла своей актуальности и значимости. Однако отсутствие нормативного определения юридической ответственности применительно к отдельным отраслям права, не позволяет признать состоявшимися существующие концепции юридической ответственности, что предопределяет необходимость дальнейшего научного поиска и формулировки общетеоретического понятия «юридическая ответственность».

По своему содержанию юридическая ответственность, – считает С.А. Комаров, – выступает в виде *применения к лицу мер государственно-принудительного воздействия*, а по своему непосредственному выражению представляет собой ***претерпевание*** *неблагоприятных последствий для правонарушителя* (отрицательные последствия в виде лишений личного, имущественного или организационного характера, ограничений в пользовании субъективными правами), которые могут быть самыми различными в зависимости от тяжести правонарушения и которые он должен принять как ответную реакцию государства и общества на его деяния, сообразуя с ними свое дальнейшее поведение [52, с. 441].

В настоящее время все существующие концепции юридической ответственности можно свести к двум: позитивная юридическая ответственность и негативная юридическая ответственность. В свою очередь в рамках каждой концепции сложились разные понимания юридической ответственности.

Традиционным и общепризнанным в науке является концепция юридической ответственности за правонарушение, т.е. негативная юридическая ответственность, которую именуют также как ретроспективная или пассивная юридическая ответственность.

Несмотря на то, что наличие негативной юридической ответственности, в отличие от позитивной, признается всеми учеными, в рамках данной концепции можно обозначить несколько принципиальных научных подходов к определению юридической ответственности, которые являются как дополняющими друг друга, так и диаметрально противоположными.

Во-первых, юридическую ответственность определяют как наказание (Н.С. Малеин [2, с. 19], В.А. Елеонский [3, с. 77], А.И. Бойцов [4, с. 15], А.П. Чирков [5, с. 10] и др.), к которому, однако, юридическая ответственность не сводится [6, с. 38].

Во-вторых, так называемая нормативная концепция, рассматривает юридическую ответственность как реализацию санкции, являющейся структурным элементом нормы права (Л.С. Явич [7, с. 136], О.Э. Лейст [8 с. 102–103], В.М. Лазарев [9, с. 8], Ю.А Денисов [10, с. 140]). Однако, по мнению противников данной концепции, юридическая ответственность не всегда сводится к реализации санкции, к примеру, в случае когда наказание не назначается. Более того, наличие юридической ответственности не должно ставиться в зависимость от применения или неприменения санкции.

Таким образом, юридическая ответственность является более широкими понятием, чем наказание или санкция.

В-третьих, юридическую ответственность понимают как меру государственного принуждения (И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин [11, с. 6], Л.И. Спиридонов [12, с. 302], О.С Иоффе, М.Д. Шаргородский [13, с. 314–318] и др.). Соглашаясь с тем, что к правонарушителю применяют меры государственного принуждения, следует заметить, что данные меры шире мер юридической ответственности, так как многие применяемые меры не являются мерами юридической ответственности (например, меры защиты, меры пресечения). Поэтому, определение юридической ответственности как меры государственного принуждения, не позволяет отграничить ее от других мер государственного принуждения.

В-четвертых, юридическая ответственность некоторыми учеными определяется как реакция общества на правонарушение (Р.З. Лившиц [14, с. 147], М.А. Краснова [15, с. 26]), которая в большей степени характеризует принцип неотвратимости ответственности.

В-пятых, понимание юридической ответственности как обязанности встречает несколько модификаций.

Так, одни ученые предлагают под юридической ответственностью понимать обязанность претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение (С.С. Алексеев [16, с. 277], А.И. Петелин [17], А.Н. Чураков [18, с. 9], С.А. Комаров [52, с. 441] и др.).

Д.А. Липинский возражает против сведения юридической ответственности к обязанности, так как, в таком виде юридическая ответственность «характеризует статику государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности», тогда как осуждение и реальное претерпевание неблагоприятных последствий уже являются сами по себе средствами реализации обязанности.

Одной из модификаций выше рассмотренного подхода к определению юридической ответственности, является ее понимание в цивилистике как обязанности, принудительно исполняемой (С.Н. Братусь [19, с. 4]). В.А. Хохлов, возражая против такой трактовки юридической ответственности, считает, что не все меры ответственности охватываются принудительным исполнением. Более того, по мнению того же ученого, принудительное исполнение обязанности является содержательной составляющей права, а никак только юридической ответственности [20, с. 13].

По мнению других ученых, юридическая ответственность представляет собой обязанность дать отчет, ответить за совершенное правонарушение перед обществом и государством (В.А. Тархов [21, с. 4, 11, 16], М.П. Карпушина, В.И. Курляндский [22, с. 21], И.А. Лумпова [23, с. 10]) и претерпеть действие санкций, предусмотренных соответствующей нормой права (Л.А. Сыроватская [24, с. 28]). Отдельные ученые считают, что данная концепция юридической ответственности противоречит процессуальному законодательству [25, с. 476].

В целом же, из понимания юридической ответственности как обязанности претерпевать неблагоприятные последствия или дать отчет следует, что возникает юридическая ответственность с момента совершения правонарушения.

В-шестых, юридическую ответственность определяют как правоотношение, возникающее между правонарушителем и государством (Н.И. Загородников [26, с. 85], В.И. Попов [27, с. 20], И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин [11, с. 65–67] и др.). Недостатком данной концепции юридической ответственности является то, что содержательной составляющей юридической ответственности как правоотношения является только обязанность, тогда как правоотношения – это всегда еще и права. Однако не представляется правильным признать наказание не только как обязанность правонарушителя, но и как его право. Также не обоснованно включать в содержание юридической ответственности помимо обязанности еще и право компетентного органа привлекать правонарушителя к юридической ответственности. В связи с чем, правильнее было бы согласиться с тем, что юридическая ответственность является одним из атрибутов правоотношения [6, с. 52].

В-седьмых, юридическую ответственность понимают как оценку (осуждение) деятельности правонарушителя (Ю.А. Демидов [28, с. 163], П.А. Варул [29, с. 34] и др.).

Встречается в науке определение юридической ответственности и как способность правонарушителя дать отчет о своем противоправном поведении (В.М. Горшенев [30, с. 104]). Однако ответственность не может быть способностью. Способность давать отчет в своих действиях характеризует субъекта правонарушения и не может являться признаком юридической ответственности.

Интересной представляется позиция В.А. Кучинского, который выводит концепцию субъективной юридической ответственности, как меры ограничения личной свободы правонарушителя. При этом под юридической ответственностью ученый понимает обязанность правонарушителя претерпеть неблагоприятные последствия за совершенное противоправное и виновное деяние [31, с. 10, 12]. Как можно заметить, сформулированное В.А. Кучинским понятие юридической ответственности как обязанности не отражает сути выдвигаемой им же субъективной концепции.

Проведенный анализ существующих в настоящее время в науке концепций негативной юридической ответственности, позволяет заметить, что по большей части ученые в своих попытках сформулировать определение изучаемой категории, отражают посредством того или иного признака (наказание, реализация санкции, мера государственного принуждения, обязанность и т.д.), тогда как по справедливому замечанию Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, юридическая ответственность представляет собой целостное явление [1, с. 37], которое характеризуется рядом признаков: юридическая обязанность, меры государственного принуждения, государственное осуждение правонарушителя, неблагоприятные для правонарушителя последствия.

Например, С.А. Комаров считает, что «ретроспективная юридическая ответственность есть исполнение правонарушителем обязанностей на основе государственного принуждения, правовое отношение, возникающее между государством и личностью, на которую возлагаются обязанности претерпеть неблагоприятные последствия и лишения за совершенное правонарушение» [52, с. 444].

Наличие позитивной юридической ответственности признается не всеми учеными. Однако также как в рамках негативной юридической ответственности, можно обозначить несколько научных подходов к определению юридической ответственности.

Так, одни сторонники позитивной юридической ответственности определяют ее как осознание долга, чувство ответственности (В.Г. Смирнов [32, с. 79], Ф.Н. Фаткулин [33, с. 265], В.И. Курляндский [34, с. 77–78] и др.). Критика данного подхода сводится к тому, что в определении юридической ответственности выделяются только субъективные признаки (осознание норм права, обязанностей, внутреннего психического отношения к обязанностям и нормам права, мотивы, цели, эмоции [35]), т.е. даются нравственные и психологические ее характеристики.

Противники позитивной юридической ответственности свои доводы основывают как раз на том, что осознание долга, убежденность и добросовестность использования прав с точки зрения философии, является внутренней ответственностью, моральной инстанцией личности, не имеющей правовых признаков и поэтому, не может быть признана одним из аспектов юридической ответственности. И только, по мнению А.В. Милькова, внешняя ответственность, т.е. возмездие за запрещенное поведение, регламентирована социальными нормами [36, с. 152–164]. Однако, поощрения, как последствия одобряемого поведения, также имеют нормативно-правовую регламентацию. В связи с чем, правильнее согласиться с тем, что юридическая ответственность не может быть «вне сознания, вне свободы выбора вариантов поведения не может быть психического отношения к совершаемым действиям» [6, с. 6].

В отличие от первого подхода, представители второго подхода сторонников позитивной юридической ответственности определяют ее посредством выделения

объективных признаков, т.е. как обязанность дать отчет (В.А. Тархов [37, с. 4, 11], Т.Д. Зражевская [38, с. 23], К.С. Бельский [39, с. 12], И.М. Зайцев [40, с. 93–96] и др.). В данном случае возникает вопрос: кому дать отчет? Если речь идет о том, что субъект юридической ответственности должен дать отчет самому себе, то позитивная юридическая ответственность сводится к субъективным признакам. Если же кому-то, то речь идет о процессуальном аспекте юридической ответственности. В целом же, рассматриваемая концепция позволяет рассматривать юридическую ответственность как разновидность юридической обязанности. Отсюда вытекает третий подход к определению юридической ответственности в рамках позитивной концепции, как обязанность соблюдать предписания, требования норм права (Б.Т. Базылев [41, с. 26], В.А. Елеонский [42, с. 29], Д.И. Бернштейн [43 с. 32]).

В.Н. Кудрявцев позитивную юридическую ответственность определяет шире, т.е. понятие, которое включает не только обязанность соблюдать нормы права, но и является правоотношением, структурными составляющими которого является помимо обязанностей еще и права [44, с. 286].

Согласно четвертому подходу к определению юридической ответственности в рамках позитивной концепции, под таковой понимают статутную ответственность, т.е. обязательное и добровольное выполнение правовых предписаний [45, с. 80–81]. Данный подход позволяет рассматривать юридическую ответственность как целостное правовое явление, имеющее различные формы реализации – обязательную и добровольную.

Сторонники пятого подхода отстаивают точку зрения, согласно которой юридическая ответственность – это статусная ответственность, т.е. как элемент правового статуса личности, представляет собой позитивную ответственность «за надлежащее выполнение своих обязанностей, морально-правового долга» [46, с. 214]. В рамках данного подхода, юридическую ответственность рассматривают в соотношении с поощрительной, т.е. позитивной юридической ответственностью и правового долга.

Позитивную юридическую ответственность понимают и как правомерное поведение, т.е. добровольная и добросовестная реализация прав и обязанностей (А.Н. Тарбагаев [47, с. 11–12], В.М. Лазарев [9, с. 8, 13], А.А. Чистяков [48, с. 9], З.С. Шадия [49, с. 11], А.П. Чирков [50, с. 10–11] и др.) – шестой подход.

Седьмая группа ученых позитивную юридическую ответственность понимают как поощрительную, которая реализуется в нормах права, поощряющих позитивное поведение (Б.Т. Разгильдиев [51, с. 152]). По мнению же Д.А. Липинского, поощрение является добровольной формой реализации ответственности, ее мерой [35].

Основные результаты и выводы. Несмотря на различные содержательные составляющие при определении позитивной юридической ответственности, все ученые сходятся в том, что юридическую ответственность необходимо рассматривать как единство позитивного и негативного аспектов, различающиеся формой реализации, т.е. как целостное нормативно-правовое явление. В первом случае (позитивная юридическая ответственность) формой реализации является – добровольная, а во втором (негативная юридическая ответственность) – государственно-принудительная. При этом, указанные формы реализации юридической ответственности, являясь взаимоисключающими категориями, в то же время, возможность сосуществовать в рамках единого правового понятия, обусловлена их следующими общими чертами: всегда предусмотрены в норме права; предопределены свободой

воли и необходимостью; содержательными составляющими являются – сознательное, волевое и правовое поведение, которое в одном случае является правомерным (позитивная юридическая ответственность), а в другом – противоправным (негативная юридическая ответственность). Противоположными являются последствия такого поведения – наказание или поощрение. Кроме того, содержанием позитивной юридической ответственности является обязанность действовать правомерно, т.е. соблюдать и исполнять нормы права, а негативной юридической ответственности – обязанность правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия (осуждение, ограничение прав). Важным качеством позитивной юридической ответственности является то, что добровольная форма ее реализации направлена на предупреждение государственно-принудительной ответственности.

Таким образом, юридическую ответственность, как одну из фундаментальных категорий юриспруденции, необходимо определять как целостное правовое явление, включающее единство позитивного и негативного аспектов, различающиеся формой реализации.

Библиографический список

1. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности: Монография. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с.

2. *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 215 с.

3. *Елеонский В.А.* Проблема позитивной ответственности в советском уголовном праве: Сб. науч. Тр. Рязань: РВШ МВД СССР, 1974. С. 64–87.

4. *Бойцов А.И.* Теоретические вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Л., 1982. 231 с.

5. *Чирков А.П.* Ответственность в системе законодательства: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1989. 208 с.

6. *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности: Учебное пособие / Под ред. Р.Л. Хачатурова. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2002. 127 с.

7. *Явич Л.С.* Право и социализм. М., 1982. 173 с.

8. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Издательство МГУ, 1981. 240 с.

9. *Лазарев В.М.* Юридическая ответственность как форма и средство реализации социальной справедливости в советском обществе: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 27 с.

10. *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и юридической ответственности. Л.: ЛГУ, 1983. 142 с.

11. *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971. 239 с.

12. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. М., 1995. 304 с.

13. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 380 с.

14. *Лившиц Р.З.* Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.

15. *Краснова М.А.* Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М.: РАН, 1995. 56 с.

16. *Алексеев С.С*. Общая теория права. Т.1. – М.: Юридическая литература, 1981. 359 с.

17. *Петелин А.И.* Соотношение правовой и общественной ответственности в социалистическом обществе: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. 18 с.

18. *Чураков А.Н*. Принципы юридической ответственности: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 19 с.

19. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юридическая литература, 1976. 215 с.

20. *Хохлов В.А.* Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. 320 с.

21. *Тархов В.А*. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. 456 с.

22. *Карпушин М.П., Курляндский В.И*. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. 232 с.

23. *Лумпова И.А*. Виды ответственности в советском уголовном законодательстве: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 1991. 17 с.

24. *Сыроватская Л.А.* Ответственность за нарушение трудового законодательства. М.: Юридическая литература, 1990. 173 с.

25. *Лейст О.Э*. Методологические проблемы юридической ответственности // В кн.: Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 1999. С. 476.

26. *Загородников Н.И*. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. 1962. № 11. С. 85–89.

27. *Попов В.И*. Юридическая ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 20 с.

28. *Демидов Ю.А*. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 184 с.

29. *Варул П.А*. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллин, 1986. 152 с.

30. *Горшенев В.М*. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1972. 258 с.

31. *Кучинский В.А.* О понятии юридической ответственности как фундаментальной категории юриспруденции // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: Межвузовский сборник научных трудов. Минск: Академия МВД РБ, 1996. С. 4–19.

32. *Смирнов В.Г*. Уголовная ответственность и наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 78–79.

33. *Фаткулин Ф.Н*. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. Казань: Издательство Казанского университета, 1987. 336 с.

34. *Курляндский В.И.* Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 77–95.

35. *Липинский Д.А*. Формы реализации юридической ответственности. Тольятти: Издательство ВУиТ, 1999.

36. *Мильков А.В*. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.

37. *Тархов В.А*. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. 456 с.

38. *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980. 158 с.

39. *Бельский К.С*. Административная ответственность: Генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 12. С. 12–20.

40. *Зайцев И.М*. Гражданская процессуальная ответственность // Государство и право. 1999. № 7. С. 93–96.

41. *Базылев Б.Т*. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. 120 с.

42. *Елеонский В.А*. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань: РВШ МВД СССР, 1979. 83 с.

43. *Бернштейн Д.И*. Правовая ответственность как вид социальной ответственности. Ташкент: ФАН, 1989. 150 с.

44. *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.

45. *Черных Е.В*. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. Вып. 1 (10). Саратов: Издательство СГАП, 1998. С. 80–81.

46. *Матузов Н.И*. Правовая система и личность. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. 294 с.

47. *Тарбагаев А.Н*. Ответственность в уголовном праве. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1994. 80 с.

48. *Чистяков А.А*. Элементы основания уголовной ответственности: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 1993. 24 с.

49. *Шадия З.С.* Уголовная ответственность и ее отличие от наказания: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1986. 111 с.

50. *Чирков А.П.* Ответственность в системе права. Калининград: Издательство Калининградского университета, 1996. 77 с.

51. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1993. 232 с.

52. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 504 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

Bibliographic list

1. Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. General Theory of Legal Responsibility: Monograph. St. Petersburg: Pb.: Publishing house of R. Aslanov “Legal Center Press”, 2007. 950 p.

2. Malein N.S. Legal responsibility and justice. Moscow: Manuscript, 1992. 215 p.

3. Eleonsky V.A. The problem of positive responsibility in Soviet criminal law: Sat. scientific Tr. Ryazan: RVSh MVD USSR, 1974. P. 64–87.

4. Boytsov A.I. Theoretical issues of criminal liability and exemption from it: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Leningrad, 1982. 231 p.

5. Chirkov A.P. Responsibility in the system of legislation: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 1989. 208 p.

6. Lipinsky D.A. Problems of legal responsibility: Textbook / Ed. R.L. Khachaturov. Tolyatti: Volga University named after V.N. Tatishcheva, 2002. 127 p.

7. Yavich L.S. Law and socialism. Moscow, 1982. 173 p.

8. Leist O.E. Sanctions and responsibility under Soviet law (theoretical problems). Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1981. 240 p.

9. Lazarev V.M. Legal responsibility as a form and means of implementing social justice in Soviet society: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 1990. 27 p.

10. Denisov Yu.A. General theory of offense and legal liability. Leningrad: Leningrad State University, 1983. 142 p.

11. Samoshchenko I.S., Farukshin M.Kh. Responsibility under Soviet law. Moscow: Legal literature, 1971. 239 p.

12. Spiridonov L.I. Theory of Government and Rights. Moscow, 1995. 304 p.

13. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 380 p.

14. Livshits R.Z. Theory of Law. Moscow: BEK, 1994. 224 p.

15. Krasnova M.A. Responsibility in the system of public representation (methodological approaches). Moscow: RAS, 1995. 56 p.

16. Alekseev S.S. General theory of law. T.1. Moscow: Legal literature, 1981. 359 p.

17. Petelin A.I. The ratio of legal and social responsibility in a socialist society: Abstract dis. ... cand. juridical sciences. Sverdlovsk, 1968. 18 p.

18. Churakov A.N. Principles of legal liability: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Volgograd, 2000. 19 p.

19. Bratus S.N. Legal responsibility and legality (essay on the theory). Moscow: Legal literature, 1976. 215 p.

20. Khokhlov V.A. Responsibility for breach of contract under civil law. Tolyatti, 1997. 320 p.

21. Tarkhov V.A. Responsibility under Soviet civil law. Saratov, 1973. 456 p.

22. Karpushin M.P., Kurlandsky V.I. Criminal liability and corpus delicti. Moscow, 1974. 232 p.

23. Lumpova I.A. Types of liability in Soviet criminal law: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Yaroslavl, 1991. 17 p.

24. Syrovatskaya L.A. Responsibility for violation of labor laws. Moscow: Legal literature, 1990. 173 p.

25. Leist O.E. Methodological problems of legal responsibility // In the book: Problems of the theory of state and law. Moscow: Prospect, 1999. P. 476.

26. Zagorodnikov N.I. On the content of criminal law relations // Soviet State and Law. 1962. No. 11. P. 85–89.

27. Popov V.I. Legal responsibility of workers and employees in Soviet labor law: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Sverdlovsk, 1974. 20 p.

28. Demidov Yu.A. Social value and valuation in criminal law. Moscow, 1975.184 s.

29. Varul P.A. Methodological problems of the study of civil liability. Tallinn, 1986. 152 p.

30. Gorshenev V.M. Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society. Moscow: Legal literature, 1972. 258 p.

31. Kuchinsky V.A. On the concept of legal responsibility as a fundamental category of jurisprudence // Legal responsibility: problems of theory and practice: Interuniversity collection of scientific papers. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 1996. P. 4–19.

32. Smirnov V.G. Criminal liability and punishment // Jurisprudence. 1963. No. 4. P. 78–79.

33. Fatkulin F.N. Problems of the theory of state and law: Course of lectures. Kazan: Kazan University Press, 1987. 336 p.

34. Kurlandsky V.I. Criminal policy, differentiation and individualization of criminal liability. The main directions of the fight against crime. Moscow, 1975. P. 77–95.

35. Lipinsky D.A. Forms of realization of legal liability. Tolyatti: Publishing house VUiT, 1999.

36. Milkov A.V. On the insolvency of the concept of two-pronged legal liability // Law. 2016. No. 6. P. 152–164.

37. Tarkhov V.A. Responsibility under Soviet civil law. Saratov, 1973.456 p.

38. Zrazhevskaya T.D. Responsibility under Soviet state law. Voronezh: Publishing house of the University of Voronezh, 1980. 158 p.

39. Belsky K.S. Administrative responsibility: Genesis, main features, structure // State and Law. 1999. No. 12. P. 12–20.

40. Zaitsev I.M. Civil procedural responsibility // State and law. 1999. No. 7. P. 93–96.

41. Bazylev B.T. Legal responsibility. Krasnoyarsk, 1985. 120 p.

42. Eleonsky V.A. Criminal punishment and fostering a positive responsibility of the individual. Ryazan: RVSh MVD USSR, 1979. 83 p.

43. Bernstein D.I. Legal responsibility as a form of social responsibility. Tashkent: FAN, 1989. 150 p.

44. Kudryavtsev V.N. Law, act, responsibility. Moscow: Nauka, 1986. 448 p.

45. Chernykh E.V. On the regulatory nature of legal responsibility // Issues of the theory of state and law. Vol. 1 (10). Saratov: SGAP Publishing House, 1998. P. 80–81.

46. Matuzov N.I. Legal system and personality. Saratov: Publishing House of the Saratov University, 1987. 294 p.

47. Tarbagayev A.N. Responsibility in criminal law. Krasnoyarsk: Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1994. 80 p.

48. Chistyakov A.A. Elements of the basis of criminal liability: abstract dis. ... cand. legal sciences. Ryazan, 1993. 24 p.

49. Shadiya Z.S. Criminal liability and its difference from punishment: Abstract dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 1986. 111 p.

50. Chirkov A.P. Responsibility in the system of law. Kaliningrad: Publishing House of the University of Kaliningrad, 1996. 77 p.

51. Razgildiev B.T. The tasks of the criminal law of the Russian Federation and their implementation. Saratov: Publishing House of the Saratov University, 1993. 232 p.

52. Komarov, S.A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate programs / S. A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 504 p. (Series: Bachelor and Master. Academic Course).

Ю.В. Юдина*

УДК 347.64
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.022

ПОНЯТИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Аннотация. *В статье автором проанализировано понятие опеки и попечительства, выделеныд виды опеки и попечительства, установлено, что социальное значение опеки и попечительства над несовершеннолетними будет несколько различаться в зависимости от того, какой категории несовершеннолетних подопечных такая помощь необходима.*

Ключевые слова: *опека и попечительство, социальный институт, правового положение опекуна и попечителя.*

THE CONCEPT AND SOCIAL SIGNIFICANCE OF TUTORIAL AND GUARDIANSHIP: BACKGROUND

Annotation. *In the article, the author analyzed the concept of guardianship and trusteeship, the types of guardianship and trusteeship are identified, it is established that the social significance of guardianship and guardianship over minors will vary slightly depending on which category of minor wards such assistance is needed.*

Key words: *guardianship and trusteeship, social institution, legal status of the guardian and trustee.*

Хотелось бы обратить внимание, что исторически термин «опека» означает «приказать кому-либо несовершеннолетнего», «иметь его у себя на руках, в доме», «отдать на руки» [8, с 396]. Тот, кому «отдавали на руки» осиротевшего ребенка, назывался печальником, ему поручалось «печаловаться о детях». Как отмечает А.М. Нечаева, «когда-то опека становилась необходимой не столько по соображениям нравственного порядка, сколько ради соблюдения интересов родственников ребенка – претендентов на имущество в случае смерти несовершеннолетнего» [9, с. 247].

В свое время Г.Ф. Шершеневич определял опеку как «искусственную семью» [22, с. 456], В.И. Синайский – как «суррогат родительского попечения о детях, их личности и имуществе» [16, с. 529]. В современной юридической литературе можно встретить определение опеки через ее предназначение, как одной из формы «осуществления государственной защиты личности» [1, с. 143].

Попробуем разобраться с современным понятием и значением опеки и попечительства. В Федеральном законе от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об опеке и попечительстве» [26] (далее – ФЗ № 48) существует легальное определение, как опеки, так и попечительства. При этом не разделяется опека над несовершеннолетними и совершеннолетними, не обладающими полной дееспособностью.

Итак, в соответствии со ст. 2 ФЗ № 48 под опекой понимается форма индивидуального семейного устройства малолетних граждан (несовершеннолетних лиц, не

* ***Юдина Юлия Викторовна***, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: iulia.iudina2017@yandex.ru

Yudina Yulia Viktorovna, associate Professor of civil law and process Academy of the FSP of Russia, candidate of legal Sciences, associate Professor.

достигших возраста 14 лет) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия.

Попечительство – это также форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей (в возрасте от 14 до 18 лет), а также граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетних подопечных от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со ст. 30 ГК РФ.

Указанные понятия ФЗ № 48 фактически дублируют положения гражданского и семейного законодательства об опеке и попечительстве в части, касающейся определения опеки и попечительства над несовершеннолетними.

На основе проведенного нами анализа считаем правильным разграничивать изучаемые институты по вертикали (по субъектному критерию) и по горизонтали (по объему полномочий и статусу представителя), а именно, предлагаем различать 1) опеку и попечительство над несовершеннолетними; 2) опеку и попечительство над совершеннолетними, не обладающими полной дееспособностью. И, следовательно, внутри первой группы выделяем опеку над малолетними (от 6 до 14 лет) и попечительство над несовершеннолетними (от 14 до 18 лет). Вторую группу рассматриваем аналогичным образом.

Такое разделение логично и соответствует законодательству, поскольку субъектный состав позволяет нам говорить о специфике осуществляемых функций опекунами (попечителями) в отношении своих подопечных, а вот второе деление подчеркивает различие между опекой и попечительством, тем самым определяет и особенности правового статуса, как подопечного, так и его представителя. Такое различие в принципе является характерным для отечественного права, начало которого ведется от «Учреждения о губерниях» 1775 г. и зависит от возраста несовершеннолетнего.

Современное законодательство также подтверждает логичность такого разделения, поскольку специфика установления опеки (попечительства) на первой группой определяется постановлением Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 (далее – Постановление № 423), а над второй – постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927 (далее – Постановление № 927) [14].

Рассмотрим первую группу – опеку и попечительство над несовершеннолетними подопечными.

Несовершеннолетним признается ребенок, не достигший 18-летнего возраста (за исключением лиц, вступивших в брак до его достижения и эмансипированных в административном или судебном порядке). В указанных исключительных случаях опекун (попечитель) не назначается.

Особым случаем является установление опеки над ребенком несовершеннолетних родителей, которые не состоят в браке (ч.2. ст. 62 СК РФ).

В утвержденной Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 г. отмечено, что основным ее итогом должно стать снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности

детского населения и увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [12]. Таким образом, основным ориентиром семейной политики государства является стимулирование развития индивидуальных форм семейного воспитания.

Институт опеки (попечительства) является одной из востребованных форм устройства детей, оставшихся родительского попечения. Законодатель к таким детям относит детей, перечисленных в случаях, указанных в ст. 121 СК РФ. Все они сводятся, в общем, к ситуациям, когда ребенок остается без попечения родителей. Следовательно, функцией опеки (попечительства) обеспечить заботу о ребенке, которая может быть реализована путем выполнения различных задач, в том числе и тех, которые обозначены в ст. 4 ФЗ № 48. Перечень опасных ситуаций, в которых может оказаться ребенок, не может носить исчерпывающий характер, в связи с чем, законодатель указывает, что это любые ситуации, которые могут представлять угрозу жизни или здоровью детей либо препятствовать их нормальному воспитанию и развитию, т.е. любые ситуации отсутствия надлежащего родительского попечения.

Законодатель устанавливает, что дети, оставшиеся без родительского попечения – это дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации [10], т.е. в той, под которой следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующей о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится. При этом, в каждом конкретном случае характер и степень опасности должен определяться с учетом возраста, состояния здоровья ребенка, а также иных обстоятельств [10].

Таким образом, социальное значение опеки и попечительства над несовершеннолетними будет несколько различаться в зависимости от того, какой категории несовершеннолетних подопечных такая помощь необходима. Мы придерживаемся позиции авторов [20, с. 143], разделяющих функции органов опеки и попечительства в зависимости от категории несовершеннолетних: воспитывающихся в семье, находящихся в трудной жизненной ситуации, оставшихся без попечения родителей, оставшихся без попечения родителей и устроенных в семьи, поскольку круг полномочий органов опеки и попечительства, а также механизмы обеспечения прав детей различаются в зависимости от категории несовершеннолетних, что требует применения различных мер по обеспечению прав различных категорий детей.

В соответствии с классификацией функций, предложенной О.А.Тепляковой [20, с. 153], основанной на профессиональном стандарте «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» [19], можно выделить следующие четыре подфункции органов опеки и попечительства: обеспечение и защита прав и законных интересов детей, воспитывающихся в семье; защита прав и законных интересов несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, находящихся в трудной жизненной ситуации; защита прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или лиц из их числа; защита прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, устроенных на воспитание в семьи граждан Российской Федерации.

Итак, характеризуя опеку и попечительство как правовой институт, мы пришли к выводу, что это достаточно распространенная индивидуальная форма семейного

воспитания детей, оставшихся без попечения родителей с целью создания подходящих условий семейного воспитания, для того, чтобы основные права ребенка были реализованы (и прежде всего, право жить и воспитываться в семье) [10]. Поэтому между опекуном и несовершеннолетним подопечным возникают именно семейные отношения, которые регулируются семейным законодательством. В связи с этим, можно говорить о двойственной правовой природе института опеки (попечительства) над несовершеннолетними.

Следовательно, на наш взгляд, характер правового регулирования таких отношений зависит от того, что является приоритетным в определении целей и задач опеки (попечительства). Так, например, если устройство под опеку (попечительство) предполагает в первую очередь восполнение недостающей дееспособности несовершеннолетнего, в частности, при реализации им имущественных прав и их защите, а обязанности опекуна по воздействию на личность подопечного вторичны, то вполне логично утверждать, что такие отношения будут регулироваться гражданским законодательством [7, с. 31].

И наоборот, если же основная функция опекуна (попечителя) сводится к воспитанию ребенка, формированию его личности, забота о его здоровье, получении образования и обучении, а гражданско-правовое представительство и защита имущественных прав подопечного являются вспомогательной, второстепенной задачей, то существо отношений по опеке (попечительству) над несовершеннолетним, лишенным родительского попечения, является семейно-правовым и, следовательно, эти отношения подпадают под сферу действия семейного законодательства [13 с. 97].

Об эффективности данной формы судить достаточно сложно, поскольку часто возникают случаи недобросовестного исполнения опекунами и попечителями своих обязанностей, злоупотребление правами, что в конечном итоге приводит к нарушению прав и законных интересов детей. В связи с этим, вопрос об ответственности опекунов и попечителей, является наиболее актуальным особенно для развития института в будущем.

На наш взгляд, в ФЗ № 48 следует предусмотреть понятие опеки над малолетними, в котором указать субъектный состав правоотношения, характеризующий как категорию подопечных (дети до 14 лет), так и опекунов (физические дееспособные лица, давшие согласие на исполнение функций по опеке), специфику правового статуса опекуна (законное представительство), вид опеки (индивидуальная форма семейного устройства, приемная или патронатная семья), а также основные цели установления опеки (содержание подопечных, их воспитание и получение образования, защита прав и интересов).

Предполагаем целесообразным закрепление понятия попечительство над несовершеннолетними, в котором по аналогии с вышеуказанным определить специфику субъектного состава (подопечный – несовершеннолетний от 14 до 18 лет; попечитель – только физическое дееспособное лицо, давшее согласие); правового статуса (оказание подопечным содействия в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охрана их от злоупотреблений со стороны третьих лиц, и иные права и обязанности, предусмотренные статьей 148.1 СК РФ); вида попечительства (в том числе, возмездность или безвозмездность исполнения обязанностей).

Видами (формами) опеки (попечительства) в отношении несовершеннолетних являются не только индивидуальное назначение опекунов и попечителей органами

исполнительной власти, но и приемная (в субъектах РФ – патронатная) семья. При рассмотрении проблем, связанных понятием и созданием приемной семьи, специфика организации которой вполне очевидна, можно выделить следующие проблемные моменты. Во-первых, сложность в понимании данного института и пересечение его с понятием патронатной семьи обусловлено отсутствием в законодательстве вообще понятия «семья». Мы согласны с мнением о необходимости законодательного закрепления данного термина [22, с. 71], что обусловлено созданием эффективного механизма правовой охраны семьи в целом, обеспечивающего стабильность и устойчивость данного института в российском обществе и государстве [24, с. 17].

Определение, предложенное Р.П. Мананковой, в этом может послужить основным ориентиром. Под семьей понимается малая социальная группа (объединение, союз лиц), которая основана на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание и связана общностью жизни, а также семейными правами и обязанностями [5, с. 13].

В этой связи специфика приемной семьи определена договорной формой по сути семейного обязательства. Договор о приемной семье заключается органом опеки и попечительства и приемными родителями (приемным родителем), в котором вознаграждение и срок являются существенными условиями.

СК РФ по своей структуре не учитывает, что приемная (патронатная) семья – это вид опеки (попечительства), поскольку нормы об опеке и попечительстве находятся в главе 20, которая носит одноименное название, а нормы о приемной семье содержатся в главе 21 СК РФ, обе они включены в раздел VI – Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Считаем логичным дополнить содержание главы 20 СК РФ нормами главы 21 СК РФ.

Не вникая в суть дискуссии о правовой природе договора об осуществлении опеки или попечительства [15], отметим, что одни ученые считают, что договор о создании приемной семьи имеет трудовой характер (Г. С. Скачкова) [18, с. 27]; другие, – что он является семейно-правовым (А. М. Нечаева, О. Ю. Ситкова, М. И. Фетюхин, С.Ю. Чашкова) [17]; третьи относят его к разновидности гражданско-правовых договоров (И. А. Банников, Л. Ю. Михеева) [6], поскольку применяются нормы о возмездном оказании услуг. Существует и такая позиция, согласно которой договор о приемной семье можно отнести к административным договорам (М. Е. Жабреев, О. А. Камалов) [3]. Наконец, пятые признают смешанную правовую природу договора (П. В. Крашенинников, Д. В. Огородов, П. И. Седугин, М.Ю. Челышев) [4].

Такой же разновидностью опеки и попечительства по договору является патронатная семья. В отличие от приемной патронатная семья создается по трехстороннему договору: патронатный воспитатель, орган опеки и попечительства и учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей. При этом лицом, осуществляющим функции официального опекуна ребенка, является учреждение, один из заменяющих родителей становится патронатным воспитателем и параллельно с этим является сотрудником учреждения для детей-сирот. Патронат также гарантирует не только материальную поддержку, но и обеспечивает патронатное сопровождение в целом, т.е. педагогическую, моральную, психологическую помощь патронатному воспитателю.

Специфика опеки, попечительства обусловлена в частности субъектным составом: опека устанавливается над недееспособными, а попечительство – над гражданами ограниченно дееспособными.

Недееспособными являются граждане, признанные судом таковыми вследствие наличия у них психического расстройства, последствием которого является невозможность понимать значение своих действий или руководить ими. Ограниченно дееспособные граждане в настоящий момент в соответствии с изменениями, внесенными в ГК РФ, делятся на две группы: граждане, признанные судом ограниченно дееспособными, вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, в результате чего семья находится в тяжелом материальном положении; граждане, ограниченные судом в дееспособности, которые вследствие психического расстройства могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц.

Часто в цивилистической литературе мы встречаем обоснование включения иных оснований для ограничения дееспособности, но пока законодательно никак не урегулированных. Так, предложено как таковое «расточительность» [2, с. 2].

Опека и попечительство над совершеннолетними недееспособными и ограниченно дееспособными устанавливается в целях защиты их прав и законных интересов. При этом, в законодательстве прямо говорится о том, что одной из задач государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству, является обеспечение достойного уровня жизни подопечных.

Итак, содержание правового статуса опекуна и попечителя зависит от объема дееспособности их подопечных. Мы предлагаем считать основой правового регулирования возмездной опеки нормы гражданского законодательства и соответственно возможным применять к таким отношениям нормы общей части обязательственного права и нормы гл. 39 ГК РФ в части, не противоречащей существу таких обязательств.

Библиографический список

1. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. I / Отв. ред. *Е.А. Суханов*. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1998. – С. 143.

2. *Груздев В.В.* Спорные вопросы проекта Закона «О внесении изменения в статью 30 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская юстиция. – 2008. – № 1. – С. 12.

3. *Жабреев М. В.* Публичные образования и их органы: гражданско-правовой статус и участие в гражданских правоотношениях // Цивилистические записки: сб. научн. трудов / Ред. коллегия*: С. С. Алексеев и др.* – М., 2001. – С. 177–219; *Камалов О.А.* Гражданская правосубъектность муниципальных образований: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.

4. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. *П. В. Крашенинникова, П. И. Седугина*. – М., 2001. – С. 339; *Огородов Д. В., Челышев М. Ю.* Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. – 2005. – № 10. – С. 10.

5. *Мананкова Р.П*. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации. – Томск: Том. гос. ун-т, 2008. – С. 13.

6. *Михеева Л. Ю.* Опека и попечительство: правовое регулирование: учебно-практическое пособие. – М., 2004. – С. 84; *Банников И. А.* Договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – 25 с.

7. *Михеева Л.Ю.* Опека и попечительство: теория и практика. – М., 2004. – С. 251; *Антокольская М.В.* Семейное право. – М., 2010. – С. 396; Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (постатейный) / Под ред. *Ю.А. Дмитриева*. – М., 2009. – С. 31–37.

8. *Неволим К.А.* Полн. собр. соч. Т. 3. История российских законов. – СПб., 1853. – С. 396.

9. Нечаева А.М. Семейное право: Учебник для бакалавров. – М., 2013. – С. 247.

10. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 № 44 // Российская газета, 2017, 20 нояб.

11. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.

12. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.

13. *Пергамент А.И.* Опека и попечительство. –М., 1966. – С. 3–9; *Свердлов Г.М*. Основные вопросы советского семейного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1954. – С. 81; *Рясенцев В.А*. Семейное право. – М., 1971. – С. 11; Комментарий к Семейному кодексу РФ / Под ред. А.М. Нечаевой. – М., 2009. – С. 30*; Рабец А.М*. Реформа законодательства об опеке и попечительстве в современной России: достоинства, просчеты, проблемы. – М., 2009. – С. 97.

14. Правила подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями несовершеннолетних граждан либо принять детей, оставшихся без попечения родителей, в семью на воспитание в иных установленных семейным законодательством Российской Федерации формах: // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6401; Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан: Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2010 г. № 927// СПС КонсультантПлюс.

15. *Савельев Д.Б.* Соглашения в семейной сфере: учебное пособие. – М.: Проспект, 2017. – 144 с.; *Барков А.В*. Договор как средство правового регулирования рынка социальных услуг: Монография. – М.: Издательская группа «Юрист», 2008.

16. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М., 2002. – С. 529.

17. *Ситкова О. Ю.* Договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью: теоретический аспект // Семейные правоотношения: вопросы теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции. (Воронеж, 8 декабря 2006 г.) / Под ред. *О. И. Величковой, О. Н. Шеменевой*. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – С. 94–105; *Фетюхин М. И., Кочетков С. Ю., Фетюхин Ю. М*. Приемная семья как форма опеки и попечительства. – Волгоград, 2000. – С. 5; *Чашкова С. Ю*. Проблемы правового регулирования отношений в приемной семье // Защита прав ребенка в современной России / Отв. ред. А. М. Нечаева. – М., 2004. – С. 152.

18. *Скачкова Г. С.* Особенности правового регулирования труда приемных родителей // Трудовое право. – 2003. – № 8. – С. 27–28.

19. Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних: Приказ Минтруда России от 18 ноября 2013 № 680н // Российская газета, 2014, 17 янв.

20. *Теплякова О.А.*Правовой статус и функции органов опеки и попечительства // Lexrussica. – 2016. – № 10. – С. 143.

22. *Трофимова Г.А.* Право на семью и проблемы его гарантирования // Адвокат. – 2017. – № 1. – С. 71–75.

23. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М., 1995. – С. 456.

24. *Шершень Т.В.* О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 6. – С. 17.

25. *Юревич А.В.* Нравственное состояние современного российского общества // Социс. – 2009. – № 10. – С. 11.

26 Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об опеке и попечительстве» //Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

Bibliographic list

1. Civil law: Textbook. In 2 t. T.I / Res. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Revised. and add. Moscow, 1998. P. 143.

2. Gruzdev V.V. Controversial issues of the draft Law “On Amending Article 30 of the First Civil Code of the Russian Federation” // Russian Justice. 2008. No. 1. P. 12.

3. Zhabreev M.V. Public education and their bodies: civil-legal status and participation in civil legal relations // Civilistic notes: collection. scientific Proceedings / Ed. Collegium: S.S. Alekseev et al. Moscow, 2001. P. 177–219; Kamalov O.A. Civil personality of municipalities: Author. dis. ... cand. legal sciences. Yekaterinburg, 2001. 24 p.

4. Commentary on the Family Code of the Russian Federation / Ed. ed. P.V. Krasheninnikova, P.I.Sedugina. Moscow, 2001. P. 339; Ogorodov D.V., Chelyshev M. Yu. Mixed contracts in private law: separate issues of theory and practice // Legislation and Economics. 2005. No. 10. P. 10.

5. Manankova R.P. Explanatory note to the draft concept of the new Family Code of the Russian Federation. Tomsk: Tom. gos. Univ., 2008. P. 13.

6. Mikheeva L. Yu. Guardianship and trusteeship: legal regulation: a training manual. Moscow, 2004. P. 84; Bannikov I. A. The agreement on the transfer of a child to foster care in the Russian Federation: Author. dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2007.

7. Mikheeva L. Yu. Guardianship and trusteeship: theory and practice. M., 2004. P. 251; Antokolsky M.V. Family law. Moscow, 2010. P. 396; Commentary to the Federal Law of April 24. 2008. No. 48-ФЗ“On Guardianship and Guardianship” (itemized) / Ed. Yu. A. Dmitriev. Moscow, 2009. P. 31–37.

8. Nevolim K.A. Full Sobr. Op. T. 3. History of Russian laws. St. Petersburg, 1853. P. 396.

9. Nechaev A.M. Family Law: A Textbook for Bachelors. Moscow, 2013. P. 247.

10. On the practice of the application by the courts of legislation in the resolution of disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in the restriction or deprivation of parental rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 14, 2017. No. 44 // Russian newspaper, 2017, November 20.

11. On the basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation: Feder. Law of July 24, 1998. No. 124-FZ (as amended on December 27, 2018) // Collected Legislation of the Russian Federation, 08/03/1998, No. 31, Art. 3802.

12. On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2014 No. 1618-r // Meeting of the legislation of the Russian Federation, September 1, 2014, No. 35, Art. 4811.

13. Parchment A.I. Guardianship and trusteeship. Moscow, 1966. P. 3–9; Sverdlov G.M. The main issues of Soviet family law: Abstract. dis. ... doc. legal sciences. Moscow, 1954. P. 81; Ryasentsev V.A. Family law. Moscow, 1971. P. 11; Comment on the Family Code of the Russian Federation / Ed. A.M. Nechaeva. Moscow, 2009. P. 30; Rabets A.M. Reform of the legislation on guardianship in the modern Russia: advantages, miscalculations, problems. Moscow, 2009. P. 97.

15. The rules for the selection, registration and training of citizens who have expressed a desire to become guardians or trustees of minor citizens or to accept children without parental care in the family for upbringing in other forms established by the family legislation of the Russian Federation: // Collection of legislation of the Russian Federation. November 29, 2010. No. 48. Art. 6401; On certain issues of the implementation of guardianship and guardianship in relation to adult legally incompetent or partially incompetent citizens: Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2010 No. 927 // ATP Consultant Plus.

16. Saveliev D.B. Family Agreements: A Tutorial. Moscow: Prospect, 2017.144 p.; Barkov A.V. Contract as a means of legal regulation of the market of social services: Monograph. Moscow: Publishing group "Lawyer", 2008.

17. Sinai V.I. Russian civil law. Moscow, 2002. P. 529.

18. Sitkova O. Yu. Agreement on the transfer of a child to foster care: a theoretical aspect // Family legal relations: theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference. (Voronezh, December 8, 2006) / Ed. O. I. Velichkova, O. N. Shemeneva. Voronezh: Publishing and Printing Center of Voronezh State University, 2007. P. 94–105; Fetyukhin M.I., Kochetkov S. Yu., Fetyukhin Yu. M. Foster family as a form of guardianship and trusteeship. Volgograd, 2000. P. 5; Chashkova S. Yu. Problems of legal regulation of relations in a foster family // Protection of the rights of the child in modern Russia / Otv. ed. A. M. Nechaeva. Moscow, 2004. P. 152.

19. Skachkova G. S. Features of the legal regulation of labor of foster parents // Labor Law. 2003. No. 8. P. 27–28.

20. Specialist of the guardianship authority in relation to minors: Order of the Ministry of Labor of Russia dated November 18, 2013 No. 680n // Russian newspaper, 2014, 17 Jan.

21. Teplyakova O.A. Legal status and functions of guardianship and trusteeship bodies // Lexrussica. 2016. No. 10. P. 143.

22. Trofimova G.A. The right to a family and the problems of its guarantee // Lawyer. 2017. No. 1. P. 71–75.

23. Shershenevich G.F. The textbook of Russian civil law (published by 1907). Moscow, 1995. P. 456.

24. Shershen T.V. On the right to a family and the problem of defining the concept of a family in modern Russian law // Family and Housing Law. 2010. No. 6. P. 17.

25. Yurevich A.V. Moral state of modern Russian society // Socis. 2009. No. 10. P. 11.

26. Federal law dated 24.04.2008 No. 48-FZ (as amended on 05/29/2019) “On guardianship and trusteeship” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 17. Art. 1755.

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Р.Ф. Альбиков*

УДК 341.223.4
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.001

БЛОКЧЕЙН И ВЫБОРЫ В МОСКВЕ: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье анализируется применение технологии блокчейн в избирательной сфере. Высказывается предположение, что применение данной технологии на выборах муниципального и федерального уровней позволит более эффективно бороться с электоральным абсентеизмом, сделает избирательный процесс более прозрачным. Выявлены позитивные и негативные аспекты применения данной системы на примере муниципальных выборов 2019 года в Москве.*

Ключевые слова. *Применение технологии блокчейн в избирательной сфере, выборы муниципального и федерального уровней, электоральный абсентеизм, муниципальные выборы 2019 года в Москве.*

BLOCKCHAIN AND ELECTIONS IN MOSCOW: POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS

Annotation. *The article analyzes the application of blockchain technology in the electoral field is analyzed. It is hypothesized that the use of this technology in elections at the municipal and federal levels will make it possible to more effectively combat electoral absenteeism and make the election process more transparent.. Identified positive and negative aspects of the application of this system in practice on the example of the municipal elections of 2019 in Moscow.*

Key words*. The use of blockchain technology in the electoral sphere, elections at the municipal and federal levels, electoral absenteeism, municipal elections in 2019 in Moscow.*

Выборы так долго были объектом пристального внимания, что многие в технологическом пространстве, а также избирательные комитеты, рассматривают блокчейн как будущее честных выборов. Уже есть и прецеденты, когда блокчейн пришел на помощь выборам. Разные страны и организации начали экспериментировать с неизменяемым распределенным учетом, который обеспечивает безопасность и прозрачность [4].

В конце XX века, благодаря появлению множества новых технологий, возникла идея создания и внедрения системы электронного голосования в избирательный процесс [11]. Как отмечает Н. Керстинг: «Предполагалось, что интерактивные выбо-

* ***Альбиков Равиль Фатхулович***, кандидат юридических наук, доцент, Московский Международный Университет. E-mail: r_albikov@mail.ru.

Albikov Ravil F., candidate of law, associate Professor, Moscow International University.

ры способны сделать электоральный процесс более простым и дешевым, а подсчет голосов – более быстрым и достоверным» [8; 12].

Под электронным голосованием понимается способ голосования, при котором граждане используют электронные средства или средства электронной связи для передачи своего голоса [6]. Согласно Рекомендациям Совета Европы, оно включает в себя «электронные машины для голосования на избирательных участках, использование оптических сканеров для записи и (или) подсчета бюллетеней и дистанционного электронного голосования» [16]. При электронном голосовании должны быть соблюдены общепризнанные принципы избирательного права. Поэтому к нему предъявляется ряд требований: оно должно быть доступно каждому избирателю, обеспечивать защиту персональных данных и соблюдение принципа тайного голосования, быть надежным и безопасным способом передачи голоса.

Технология блокчейн обладает одним из неоспоримых достоинств – прозрачностью и анонимностью, все операции в сети совершаются открыто, любое лицо может ознакомиться с историей совершаемых транзакций, но не сможет получить информацию об отправителе и получателе, так как она является закрытой. Все участники системы блокчейн получают доступ к информации при помощи специальных уникальных ключей, представляющих из себя индивидуальный набор криптографических записей, которые не может получить постороннее лицо. Данные ключи можно получить только с помощью доступа к большинству компьютеров, подключённых к сети, таким образом, взлом данной системы практически не возможен, за конфиденциальность переданных данных можно не переживать [1].

Несмотря на широкое внедрение блокчейна в разные сферы деятельности, до сих пор отсутствуют соответствующие нормативные документы. В конце 2017 г. опубликован доклад International Bar Association (Международной ассоциации специалистов в области юриспруденции). Он не является обязательным к исполнению законодательным актом, однако дает корректные определения основным понятиям: блокчейну и первой криптовалюте, биткойну; децентрализованной организации цифровой системы; распределенному способу хранения данных; подтверждению операций с применением мультиподписей; одноранговой (пиринговой) схеме сети.

Однако подобные международные решения – большая редкость – полагает трейдер-аналитик Дмитрий Шустов. Несмотря на значительный оборот криптовалют и все более частое использование данной технологии в общественно-политической жизни многих стран, глобальное правовое регулирование отсутствует.

Отдельные государства принимают следующие практические решения:

– используют имеющиеся нормы законодательства;

– создают специальные дополняющие нормативы;

– определяют криптовалюту в качестве эквивалента стоимости вещей (услуг) без детального пояснения сути технологии;

– изучают блокчейн, собирают статистику и другие данные для подготовки изменений правовых актов.

Ограниченное правовое регулирование блокчейн является не только отечественной, но и международной проблемой. Определенной сложностью является отсутствие стандартов, которые законодательно утверждены мировым сообществом. Затруднения создает постоянное развитие технологии. Во всех случаях государственное регулирование каждой сферы следует выполнять с учетом сферы применения.

На данный момент существует мало показательных примеров использования технологии блокчейн в государственном секторе.

У блокчейн есть определенные свойства, идеально подходящие для улучшения системы голосования. Это прежде всего – обеспечение анонимности, возможности голосовать без раскрытия своих политических предпочтений: каждый избиратель обеспечивается собственным уникальным буквенно-цифровым ID, связанным с блокчейн-программой. Этот же буквенно-цифровой ID можно использовать для проверки, засчитан ли голос. Такой вопрос возникает у многих граждан. С помощью блокчейн можно посмотреть свой ID и увидеть, что голос здесь, и он занесен в таблицу всех голосов. Для некоторых стран фальсификация подсчета голосов на выборах не является острым вопросом, однако во многих странах это все еще остается проблемой [17].

В целом применение технологии в публичной сфере все еще тестируется и оценивается. И этому вопросу все большее число ученых разных отраслей уделяет повышенный интерес.

В качестве примера приведем суждения профессора Лондонской школы экономики и научного сотрудника Кембриджского центра альтернативных финансов Гаррика Хайлемана. Интересно, что Г. Хайлеман – один из ведущих специалистов в области криптовалют и технологий, необходимых для создания и управления цифровыми монетами. В течение последних нескольких лет он преподавал курсы по блокчейну и криптовалютам в Кембриджском университете – первый в своем роде курс в Великобритании и, возможно, первый в мире. Г. Хайлеман является частым гостем на международных финансовых новостных шоу, регулярно консультируется с корпоративным типом, ищет его знания и помогает государственным органам в Великобритании, когда они расследуют деятельность, связанную с переводом цифровых денег. Таким образом, он является исследователем в мире криптовалют [15].

Вместе с тем, по его словам, «самым интересным применением технологии было бы внедрение голосования в стиле блокчейн в избирательную систему. Я использую слово «стиль», потому что еще не до конца ясно, является ли блокчейн лучшим подходом к созданию новой избирательной онлайн-системы». «Предложенное мной использование блокчейн, – пишет доктор Г. Хайлеман, – могло бы стать тем, что изменило бы кардинально эту ситуацию там, где идет незаконное вмешательство в выборы и подрывается легитимность государственных органов» [3].

Дональд Керси, руководитель по выборам в Западной Виргинии 2018 года, не знает можно ли скомпрометировать приложение, он не встревожен этим фактом. «Мы не говорим, что голосование на расстоянии – лучшее решение проблемы, мы не говорим, что технология блокчейн – лучшее решение для хранения данных», – отмечает он. «Но мы уверены, что это лучшая технология, которая у нас есть на данный момент» [13].

Блокчейн вне криптовалютной отрасли впервые вызвало интерес в 2016 году. В президентских выборах 2016 года обе основные политические партии США – Республиканская и Демократическая – заинтересовались блокчейном, а компания Follow My Vote попыталась провести параллельный подсчет голосов избирателей в блокчейне. Тогда были созданы первые корпоративные блокчейн-консорциумы R3 и Hyperledger, технологией вплотную заинтересовались Microsoft, IBM, SAP, Maersk и другие. Возникло новое направление развития технологий хранения данных – распределенные реестры – DLT. Однако первые эксперименты с блокчейном не бы-

ли удачными, поскольку основное внимание уделялось блокчейну применительно к криптовалютному хайпу, закончившемуся падением котировок. «В последнее время интерес к блокчейну возродился, но подход стал более взвешенным и уже не носит желания использовать «блокчейн ради блокчейна», как еще одну модную технологию. Теперь разработчики оценивают реальную эффективность внедрения блокчейна в те сферы, где он действительно полезен», – полагает сооснователь платформы сервиса общественного мнения Opinion Роман Нелюбин [10].

В 2018 году технология блокчейн использовалась на выборах.

Сьерра-Леоне – в процессе президентских выборов. Специальная платформа на основе блокчейна была создана швейцарской компанией *Agora*. С помощью блокчейна осуществлялась верификация поданных голосов, чтобы показать, что выборы были прозрачными и честными;

Цуге – первый в стране эксперимент с блокчейн-голосованием, правда, с небольшим числом участников: доступ к системе имели 240 человек, проголосовали 72. «Технология, которая использовалась в Цуге, делала голоса жителей анонимными и при этом обеспечивала безопасную проверку. Целью блокчейн-голосования в Цуге было проверить работоспособность системы eID, которая позволяет жителям участвовать в опросе с помощью электронных гаджетов. Практически все участники эксперимента (69 из 72) назвали новый способ удобным. 22 человека заявили, что готовы использовать цифровой ID для участия в соцопросах и оплаты налогов, 19 человек хотели бы с его помощью платить за парковку. Хотя голосование не обязывало власти города к каким-либо действиям, сама его идея демонстрирует, как можно использовать безопасность транзакций и прозрачность блокчейна в различных областях, включая государственное управление» [2].

Саратов – на выборах в «молодежный парламент» применили блокчейн-систему Polys, разработанную Лабораторией Касперского. Партия Роста, известная поддержкой технических инноваций, провела на блокчейне межпартийное голосование на заседании Федерального политического совета.

В 2018 году ВЦИОМ использовал элементы технологии блокчейн для проведения экзит-полла во время президентских выборов. Тогда председатель Центральной избирательной комиссии России Элла Памфилова заявила, что следующие выборы президента, которые состоятся в 2024 году, могут пройти с использованием технологии распределенного реестра.

В марте 2014 года на платформе блокчейн создан проект «Активный гражданин» как площадка для проведения среди различных групп москвичей голосований в электронной форме по вопросам городского развития. В настоящее время проект насчитывает 2 467 599 участников. За пять лет его работы проведено 4146 голосований, реализовано более 3000 решений.

Среди реализованных решений по итогам голосований в проекте:

– 8 сезонов программы «Миллион деревьев»: озеленено почти 9,6 тыс. московских дворов, высажено почти 794 тыс. новых деревьев и кустарников;

– утверждение проектов благоустройства и оценка качества проведенных работ более 100 парковых зон;

– утверждение 48 проектов благоустройства в рамках программы «Моя улица»;

–благоустройство более 2000 столичных дворов;

– выбор дизайна 8 новых станций московского метро;

– открытие на базе спортивных школ 11 Центров тестирования детей;

– утверждение стандартов детского отдыха, работы городских поликлиник, библиотек, МФЦ;

– выбор выпускниками московских школ артистов, которые выступают на их выпускном в Парке Горького (https://ag.mos.ru/about-new).

В сентябре 2019 года москвичи впервые участвовали в эксперименте по проведению электронных выборов и проголосовали за кандидатов в орган законодательной власти онлайн – со своего компьютера или мобильного устройства.

«Проект пока носит экспериментальный характер, но мы надеемся, что удастся провести голосование по всем правилам. Если он будет реализован успешно, в будущем технология может получить широкое применение во всех отраслях, вплоть до всероссийских выборов», – считает заместитель председателя ЦИК Н.И. Булаев [9].

Электронное голосование проводилось в трех избирательных округах на выборах депутатов в Московскую городскую Думу 8 сентября 2019 года. Участие в нем было добровольным и доступным наряду с традиционным способом. Каждый избиратель в экспериментальном округе смог сам выбрать, как ему удобнее голосовать. Необходимо было подать заявку на включение в реестр с 24 июля по 4 сентября.

Затем, не позднее, чем за три дня до выборов через личный кабинет на портале mos.ru нужно было отправить заявку на включение в реестр электронных избирателей, пройдя следующие процедуры:

– авторизоваться в личном кабинете на mos.ru;

– получить СМС с кодом подтверждения на номер, указанный в личном кабинете. После правильного введения кода из СМС электронный бюллетень становится доступен. Системе необходимо несколько секунд, чтобы провести процедуру обезличивания голосования для обеспечения его тайны и анонимности. Затем можно проголосовать с помощью электронного бюллетеня;

– отдать свой голос за понравившегося кандидата, поставив галочку напротив фамилии выбранного кандидата.

В общей сложности на голосование отводилось 15 минут. Если по истечении этого времени бюллетень останется пустым, избирательное право все равно будет считаться реализованным, так как бюллетень избирателю был выдан [5].

Вместе с тем многие специалисты выступили с обоснованной критикой Московского блокчейна.

Прежде всего, негативное впечатление оставили сбои системы электронного голосования. Система дважды давала сбой, а наблюдателям не дали ключей и закрыли доступ к блокчейну.

При этом возможность голосовать через электронный портал имели около 0,5 млн жителей Москвы, а на прохождение процедуры давали официальное согласие порядка 11 тыс. человек, из которых в итоге проголосовали 92%. И это расхождение в числе проголосовавших и ранее зарегистрировавшихся связано не с человеческим фактором, а с техническими сложностями. Также приходили сообщения, что из-за случившегося в середине дня сбоя более тысячи голосов вообще не попали в систему.

«Мне, как евангелисту технологии блокчейн, больно смотреть на то, что с ней делают, – пишет Иван Хаустов, CEO Legium и преподаватель программы Blockchain Lawyers. – Ведь выборы – отличный пример, как можно применить систему распределенного реестра и защитить данные от подделки. Но технология, которая призвана устранить посредников, используется посредниками, в данном случае это ЦИК. Это так не работает. И не заработало. И не заработает, пока цель – сделать рекламу,

а не прозрачное голосование. Почему нельзя проверить, как ты проголосовал? Почему нельзя переголосовать? Почему не опубликован весь исходный код системы? Потому что заголовки “Европу восхитила организация выборов в Мосгордуму” с множеством упоминаний блокчейна этого стоят. Конечно, технология блокчейн переживет и этот неудачный эксперимент, и другие неудачные эксперименты, которые обязательно будут, слишком велик соблазн забивать микроскопом гвозди. Есть прекрасный пример эстонской системы, где прозрачная система электронного голосования сделана, чтобы экономить, а не еще больше тратить» [7].

С критикой московского опыта согласен и сооснователь MixBytes Сергей Прилуцкий. Но, по его мнению, блокчейн вообще не подходит для таких процедур, как выборы. «Там в цепочке целых четыре сервиса: mos.ru, анонимайзер, который готовит транзакции в блокчейн, сам блокчейн и сервис, который считает голоса на основе данных из блокчейна. Упасть могло что угодно из них! Поймите разработчиков, им пришлось скрещивать нестыкуемые технологии, вот они и сделали, что было определено техническим заданием. Из-за этого получилась не система на блокчейне, а куча обычных централизованных сервисов, которые просто записывают анонимизированные голоса в блокчейн. Настоящие децентрализованные приложения общаются напрямую с блокчейном, без всяких промежуточных узлов – вот они реально не ломаются, но для них пока никто не реализовал недырявые голосования» [7].

Итак, перспективы использования блокчейна в различных видах голосований выглядят определенными и явно перспективными. Вместе с тем, наряду с использованием блокчейна в избирательной сфере, на наш взгляд, и в этом мы согласны со многими авторами, не стоит игнорировать и применение данной технологии в иных политических сферах, таких как организация и проведение опросов общественного мнения.

В России единственным примером проведения масштабного опроса с помощью блокчейна остается эксперимент ВЦИОМ во время президентских выборов 18 марта 2018 года в России. Тогда на платформе для создания децентрализованных онлайн-сервисов на базе блокчейна Ethereum сохранялись результаты опроса по данным экзит-поллов, в котором приняли участие 162 601 человек. Но в других опросах ВЦОМ блокчейн больше не применялся.

Как полагает Роман Нелюбин, «применение блокчейна в опросах может быть выгодно всем участникам процесса – как с технической, так и с экономической стороны.

– для компаний или общественных организаций, проводящих опросы, достоинства блокчейна неоспоримы:

– данные по результатам опросов неизменяемы, поэтому объективность процесса всегда может быть подтверждена;

– результаты опроса общедоступны, что исключает возможность подделок и искажений;

– ответы на вопросы вводятся респондентами напрямую и сразу сохраняются в блокчейне, а не обрабатываются посредниками. Это снижает затраты и повышает доверие к результатам;

– есть возможность повысить заинтересованность аудитории, предлагая вознаграждение в токенах за прохождение опросов;

– аудитория для опросов практически не ограничена географическими и политическими факторами.

С другой стороны, применение блокчейна делает участие в опросах выгодным и для респондентов:

– вознаграждение в криптовалюте сразу же после голосования или окончания опроса, без посредников и комиссий;

– возможность в любое время проверить свои ответы и поделиться ими. Открытый доступ к результатам и общему ходу голосования;

– участие в опросе в удобное время и с любого устройства;

– отсутствие необходимости доверять организатору, уверенность в надежном хранении всех результатов;

– в специализированных опросах – возможность дополнительно заработать на своих знаниях и правильных прогнозах» [10].

Нынешний технический уровень развития блокчейна позволяет организовать платформу для проведения онлайн-опросов, голосований и прогнозирования, но эта ниша на рынке фактически остается не заполненной. Большинство проектов находятся в затянувшейся стадии разработки, из которой многие из них, вероятно, не выйдут. Но те, кто сумеет закрепиться на рынке и привлечь аудиторию, имеют все шансы на успешное развитие [10].

Бесспорно, блокчейн имеет свои плюсы:

– эта технология позволяет использовать меньше физических бюллетеней, которые делают процесс уязвимым для махинаций;

– цифровые системы голосования позволяют гражданину быть мобильным, что, в теории, может увеличить явку;

–цифровой бюллетень не будет доступен никому, кроме голосующего, следовательно, не будет и «вбросов».

Однако, даже при внедрении электронных методов риск возникновения проблем все еще существует – ошибки программного или аппаратного обеспечения могут привести к катастрофическим результатам и подорвать весь процесс.

С технологической точки зрения надежность внедрения таких систем остается под вопросом – и пример Московских выборов это подтверждает. Однако, технология развивается, и, возможно, к выборам президента России, которые состоятся в 2024 году, у специалистов получится решить все нерешенные проблемы [2].

Итак, применение технологии блокчейн в избирательных кампаниях имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К достоинствам следует, прежде всего, отнести разветвленность, универсальность применения в отношении выборов любого уровня, гарантию надежности и конфиденциальности результатов, простоту использования. К числу недостатков, во-первых, невозможность отмены транзакции (избиратель, по ошибке поставивший галочку, переголосовать не вправе) и, во-вторых, в случае взлома аккаунта, когда голосование уже состоялось, исправить искаженную информацию не представляется возможным.

Отмеченные выше аспекты и сложности, широкое внедрение в экономику новых технологий заставляет юристов применять имеющиеся правовые инструменты в отсутствие отраслевого законодательства. Для этого круга вопросов пользуются законами – Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральным законом от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [14].

Следовательно, сегодня как никогда актуальна проблема формирования правовой основы для использования данной технологии в общественно-политической сфере страны.

Полагаем, именно в избирательной сфере и для проведения экзит-полла блокчейн мог бы быть наиболее прогрессивной технологией, чем в какой-либо иной области. Ведь выборы являются важной частью нашей повседневной жизни, и честные выборы – одна из самых главных областей, где блокчейн может оказать существенное влияние. Данная технология может применяться при проведении выборов любого уровня – от муниципальных до федеральных и президентских. Однако для этого необходима, прежде всего, заинтересованность органов и представителей власти в проведении конкурентных выборов.

Библиографический список

1. *Алексеев Р.А.* Блокчейн как избирательная технология нового поколения – перспективы применения на выборах в современной России [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blokcheyn-kak-izbiratelnaya-tehnologiya-novogo-pokoleniya-perspektivy-primeneniya-na-vyborah-v-sovremennoy-rossii

2. *Арянова Т.* Стоит ли использовать блокчейн на выборах [Электронный ресурс] // URL: https://ru.ihodl.com/analytics/2019-09-09/stoit-li-ispolzovat-blokchejn-na-vyborah

3. *Аскерли О.* Где еще применима технология блокчейн? [Электронный ресурс] // URL: https://thequestion.ru/questions/289299/answer-anchor/answer/499245?utm source= yandex&utm_medium=wizard#answer499245-anchor

4. Блокчейн и выборы: преимущества, примеры, вызовы [Электронный ресурс] // URL: https://letknow.news/publications/blokcheyn-i-vybory-preimushchestva-primery-vyzovy-4964. html

5. *Вермишев Г.* Избиратели на цепи. Московские выборы показали, что использовать блокчейн в политических процессах рановато [Электронный ресурс] // URL: https://www.yandex.ru/turbo?d=1&text=https%3A%2F%2 Fhightech.fm% 2F2019% 2F04 %2F13%2Fhologram

6. *Горностаева, Е.О.* Зарубежный опыт электронного голосования на выборах [Текст] / Е.О. Горностаева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 21. – С. 39.

7. Избиратели на цепи. Московские выборы показали, что использовать блокчейн в политических процессах рановато [Электронный ресурс] // URL: https:// www.dp.ru/a/2019/09/10/Izbirateli_na_cepi

8. *Керстинг Н.* Электронное голосование и демократия в Европе [Текст] / Н. Керстинг // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 123.

9. На выборах в Москве для голосования используют блокчейн-технологии [Электронный ресурс] // URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/05/20/na-vyborah-v-moskve-dlya-golosovaniya-ispolzuyut-blokcheyn-tehnologii

10. *Нелюбин, Р.* Опросы и голосования на блокчейне: неизменность и прозрачность результатов [Электронный ресурс] // Р. Нелюбин / URL: https://bits.media/oprosy-i-golosovaniya-na-blokcheyne-neizmennost-i-prozrachnost-rezultatov

11. *Телешина, Н.Н.* Механизмы современной демократии (опыт Владимирской области) [Текст] / Н.Н. Телешина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 3. – С. 13–14.

12. *Чеботарев, В.Е.* Использование электронных средств голосования при проведении избирательных кампаний: опыт зарубежных стран и России [Текст] / В.Е. Чеботарев, Е.И. Коновалова // Юридический мир. – 2012. – № 8. – С. 46.

13. *Шарафиев, И.* Западная Виргиния разрешит «голосование с помощью блокчейна» на выборах 2020 года [Электронный ресурс] / И. Шарафиев //URL: https:// www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhightech.fm%2F2019%2F04%2F20%2Fvote&d=1

14. *Шустов, Д.* Правовое регулирование блокчейна в России и в мире [Электронный ресурс] / Д. Шустов // URL: https://blockchain3.ru/blokchejn/pravovoe-regulirovanie-blokchejna-v-rossii-i-v-mire

15. *Hileman Dr. G.* ICOs, Bitcoin and Cryptocurrency in China [Electronic resource] / Dr. G. Hileman //URL: https://www.crowdfundinsider.com/2017/09/ 122354- dr-garrick-hileman-icos-bitcoin-cryptocurrency-china

16. Recommendation CM/Rec (2017) 5 of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting (Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2017 at the 1289th meeting of the Ministers' Deputies) [Electronic resource] // URL: https:// search. coe. int/cm/Pages/result_details. aspx? ObjectId=0900001680726f6f

17. Two opinions: Dr Garrick Hileman from Cambridge and finance expert Byron Wien on cryptocurrency [Electronic resource] // URL: https://bitne- wstoday.com/news/ bitcoin/ two-opinions-dr-garrick-hileman-from-cambridge-and-finance-expert-byron-wien-on-cryptocurrency

Bibliographic list

1. Alekseev R.A. Blockchain as a new-generation electoral technology – prospects for election applications in modern Russia [Electronic resource] // URL: https://cyberleninka. ru/article/n/ blokcheyn-kak-izbiratelnaya-tehnologiya-novogo-poko-leniya-perspektivy-primeneniya-na-vyborah-v-sovremennoy-rossii

2. T. Aryanova Is it worth it to use blockchain in elections [Electronic resource] // URL: https://ru.ihodl.com/analytics/2019-09-09/stoit-li-ispolzovat-blokchejn-na-vyborah

3. Askerly O. Where else is blockchain technology applicable? [Electronic resource] // URL: https://thequestion.ru/questions/289299/answer-anchor/answer/499245?utm_source=yandex&utm_medium=wizard#answer499245-anchor

4. Blockchain and elections: advantages, examples, challenges [Electronic resource] // URL: https://letknow.news/publications/blokcheyn-i-vybory-preimushchestva-primery-vyzovy -4964.html

5. Vermishev G. Voters on the chain. The Moscow elections showed that it is too early to use blockchain in political processes [Electronic resource] // URL: https://www. yandex. ru/turbo?d=1&text=https%3A%2F%2 Fhightech.fm% 2F2019% 2F04% 2F13% 2Fhologram

6. Gornostaeva, E.O. Foreign experience of electronic voting in elections [Text] / E.O. Gornostaeva // Constitutional and municipal law. – 2008. – No. 21. – S. 39.

7. Voters on the chain. The Moscow elections showed that it is too early to use blockchain in political processes [Electronic resource] // URL: https://www.dp.ru/a/ 2019/09/10/ Izbirateli_na_cepi

8. Kersting N. Electronic voting and democracy in Europe [Text] / N. Kersting // Political science. – 2007. – No. 4. – S. 123.

9. In elections in Moscow, they use blockchain technology [Electronic resource] // URL: https://eadaily.com/en/news/2019/05/20/na-vyborah-v-moskve-dlya- golosovaniya-ispolzuyut-blokcheyn-tehnologii

10. Nelyubin, R. Surveys and voting on the blockchain: invariability and transparency of the results [Electronic resource] // R. Nelyubin / URL: https://bits.media/oprosy-i-golosovaniya-na-blokcheyne-neizmennost- i-prozrachnost-rezultatov

11. Teleshina, N.N. The mechanisms of modern democracy (the experience of the Vladimir region) [Text] / N.N. Teleshin // State power and local self-government. – 2016. – No. 3. – P. 13–14.

12. Chebotarev, V.E. The use of electronic voting tools during election campaigns: the experience of foreign countries and Russia [Text] / V.E. Chebotarev, E.I. Konovalova // Legal World. – 2012. – No. 8. – S. 46.

13. Sharafiev, I. West Virginia will allow "voting using the blockchain" in the 2020 elections [Electronic resource] / I. Sharafiev // URL: https://www.yandex.ru/turbo?text = https%3A%2F % 2Fhightech.fm% 2 F2019% 2F04% 2F20% 2Fvote & d = 1

14. Shustov, D. Legal regulation of the blockchain in Russia and the world [Electronic resource] / D. Shustov // URL: https://blockchain3.ru/ blokchejn / pravovoe-regulirovanie-blokchejna-v-rossii-i-v-mire

15. Hileman Dr. G. ICOs, Bitcoin and Cryptocurrency in China [Electronic resource] / Dr. G. Hileman // URL: https://www.crowdfundinsider.com/2017/09/ 122354- dr-garrick-hileman-icos-bitcoin-cryptocurrency-china

16. Recommendation CM / Rec (2017) 5 of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting (Adopted by the Committee of Ministers on June 14, 2017 at the 1289th meeting of the Ministers' Deputies) [Electronic resource] / / URL: https: // search. coe. int / cm / Pages / result_details. aspx? ObjectId = 0900001680726f6f

17. Two opinions: Dr. Garrick Hileman from Cambridge and finance expert Byron Wien on cryptocurrency [Electronic resource] // URL: https: // bitne-wstoday.com /news/ bitcoin/ two-opinions-dr-garrick-hileman-from-cambridge-and-finance-expert-byron-wien-on-cryptocurrency

А.П. Бохан[*],
С.Н. Чмырев[**]

УДК 342.81
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.16.4.003

ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ЛИЦАМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НЕ ПО ПРИГОВОРУ СУДА

Аннотация. *В статье анализируют законоположения части 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации через призму Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации. В результате такого анализа выявлены определенные противоречия в тексте Конституции Российской Федерации. Авторами предложен вариант устранения законодательных неточностей.*

Ключевые слова: *право избирать, право быть избранными, содержащиеся в местах лишения свободы, приговор суда, решение суда, постановление суда.*

RESTRICTIONS IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE EXERCISE OF THE RIGHT TO VOTE BY PERSONS HELD IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY OTHER THAN A COURT SENTENCE

Annotation. *The authors in the article analyse the legislative provisions of article 32, paragraph 3, of the Constitution of the Russian Federation through the lens of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Code of Criminal Enforcement of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of this analysis, certain contradictions in the text of the Constitution of the Russian Federation have been revealed. The authors propose an option to eliminate legislative inaccuracies.*

Keywords: *the right to vote, the right to be elected, held in places of deprivation of liberty, the sentence of the court, the decision of the court, the decision of the court.*

Современная жизнь общества неразрывно связана с вопросами проведения выборов в органы власти различного уровня (муниципальных, региональных, федеральных). Соблюдению гарантированных прав Конституцией Российской Федера-

[*] ***Бохан Андрей Петрович***, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: boxan@mail.ru).

Bokhan Andrey Petrovich, Candidate of Law Sciences, associate professor Novorossiysk branch Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

[**] ***Чмырёв Сергей Николаевич***, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: chmyrevsn@mail.ru

Chmyrev Sergey Nikolaevich, Candidate of Law Sciences, associate professor Novorossiysk branch Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ции уделяется особое внимание. Так, в ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации указано: граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Как и любые другие права или свободы, в том числе и вышеуказанное право, имеет ограничение. Оно сформулировано в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации: не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

На первый взгляд сформулированный запрет выглядит вполне логичным и необходимым. Однако, если задаться вопросом, а могут ли содержаться в местах лишения свободы, лица совершившие преступления, не по приговору суда? Очевидный ответ – нет!

Авторы проанализируют положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) в целях подтвердить или опровергнуть выдвинутый тезис.

Для более предметного анализа необходимо смоделировать определённую ситуацию, на основании которой и будут получены конкретные результаты исследования.

В качестве примера приведем ситуацию, при которой совершены хулиганские действия с применением оружия. Так, Лялюк А.В. совершил хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия, и совершил иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1, с. 77], совершенные из хулиганских побуждений. Данные преступления Лялюк А.В. совершены в (адрес обезличен) при следующих обстоятельствах: Так, он (дата обезличена) около ** часов ** минут находился в состоянии алкогольного опьянения на балконе 5-го этажа в (адрес обезличен). В этот момент у Лялюк А.В. возник умысел на совершение хулиганских действий в общественном месте, с применением оружия, а именно, стрельбу из пневматической винтовки по предметам, находящимся на участке дороги по (адрес обезличен), расположенном напротив указанного дома. В это же время на остановке общественного транспорта, расположенной на левой стороне проезжей части по (адрес обезличен), напротив дома (адрес обезличен), находился М., ожидавший приезда маршрутного такси, который ранее не был знаком с Лялюк А.В.

Осуществляя свои преступные намерения, Лялюк А.В. взял в руки пневматическую винтовку (информация скрыта), калибра ** мм, (номер обезличен), принадлежащую его брату – Д., после чего, действуя умышленно, из хулиганских побуждений, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, игнорируя общепринятые нормы и правила поведения в обществе, произвел один выстрел в сторону дорожного знака 5.19.1 «Пешеходный переход», расположенного у правого края проезжей части по (адрес обезличен) в 3,8 метрах от пересечения с проезжей частью (адрес обезличен). В результате указанного выстрела, осуществленного в общественном месте, М. были причинены телесные повреждения в виде ссадины в височной области справа, которая не причинила вреда здоровью, так как не повлекла за собой кратковременного расстройства здоровья.

Таким образом, при производстве выстрела из пневматического оружия в сторону проезжей части по (адрес обезличен), где напротив друг друга расположены

две остановки общественного транспорта, Лялюк А.В. осознавал общественную опасность своих действий, то есть опасность применения пневматического оружия в общественном месте. При этом Лялюк А.В. видел нахождение М. на одной из указанных остановок, а значит, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, а именно возможность неточности производимого им выстрела по дорожному знаку, и, соответственно, причинение физической боли и телесных повреждений М., не желал этого, но относился к этому безразлично.

Лялюк признал себя виновным в совершении преступлений и пояснил, что (дата обезличена) вместе с братом Д. и знакомым С. распивали спиртное в его квартире по адресу (адрес обезличен). Д. заснул, а они с С. продолжили распивать спиртное. У него дома хранилась пневматическая винтовка, принадлежащая Д. Около ** часов ** минут он (Лялюк), решил пострелять из винтовки по дорожным знакам. Взяв винтовку он вышел на балкон. Напротив дома на остановке общественного транспорта стоял мужчина, как позднее ему стало известно – М. Он произвел один выстрел в сторону дорожного знака «Пешеходный переход» и попал в голову М. Мужчина закричал и схватился руками за голову. Он (Лялюк) испугался и ушел в квартиру. От сотрудников полиции он узнал, что М. получил телесные повреждения в области правого виска.

Суд, рассмотрев дело по существу, с учетом всех имеющихся обстоятельств дела, постановил приговор. В приговоре суд мотивировал выводы относительно квалификации преступления по п. «а» ч. 1 ст. 213 и ст. 116 УК РФ. Суд мотивировал в приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением подсудимому вида и размера наказания, и назначил наказание:

– по ст. 213 ч. 1 п. «а» УК РФ – в виде обязательных работ сроком на 200 часов;

– по ст. 116 УК РФ – в виде обязательных работ сроком на 160 часов обязательных работ.

На основании ст. 69 ч. 2 УК РФ, по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний, назначил Лялюк А.В. наказание в виде обязательных работ сроком на 240 (двухсот сорока) часов [2].

Допустим, осужденный Лялюк А.В. к обязательным работам более двух раз в течение месяца не вышел на обязательные работы без уважительных причин, а также более двух раз в течение месяца нарушил трудовую дисциплину.

Указанные действия осужденного согласно ч. 1 ст. 30 УИК РФ [3, с. 34] расцениваются как злостное уклонение от отбывания обязательных работ.

В отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания обязательных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене обязательных работ другим видом наказания в соответствии с частью третьей статьи 49 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно ч. 3 ст. 49 УК РФ, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы. При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока принудительных работ или лишения свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ.

В соответствии с п.п. «б» п. 2 ст. 397 УПК РФ суд рассматривает вопросы, связанные с исполнением приговора, а именно, замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания: обязательные работы – принудительными работами

или лишением свободы в соответствии со ст. 49 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 396 УПК РФ вопросы, указанные в п. 1, 2, 9, 10, 11, 14, 15, 16 и 20 ст. 197 и ст. 398 УПК РФ, разрешаются судом, постановившим приговор и ч. 6 ст. 396 УПК РФ вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает единолично в судебном заседании [4, с. 52]. Для выяснения вопроса каким процессуальным документом будет оформлено принятое решение судьи, необходимо обратиться к пунктам 23, 25, 28 ст. 5 УПК РФ, согласно которым, соответственно: определение (подчеркнуто нами – *А.П., С.Н.*) – любое решение, за исключением приговора, вынесенное судом первой инстанции коллегиально при производстве по уголовному делу, а также решение, вынесенное вышестоящим судом, за исключением суда апелляционной или надзорной инстанции, при пересмотре соответствующего судебного решения; постановление (подчеркнуто нами – *А.П., С.Н.*) – любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения и обвинительного акта; приговор (подчеркнуто нами – *А.П., С.Н.*) – решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Исходя из вышеизложенного делаем вывод о том, что суд, рассмотрев вопрос о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания выносит постановление о замене обязательных работ на лишение свободы с учетом положений ч. 3 ст. 49 УК РФ.

Возвращаемся к анализу диспозиции ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, в которой указано: не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда [5, с. 8] (подчеркнуто – *А.П., С.Н.*). Определив, что в рассмотренной ситуации лишение свободы назначено постановлением судьи, т.е. за злостное уклонение от отбывания наказания, лицом осужденным к обязательным работам, суд заменил неотбытую часть наказания лишением свободы. Таким образом, буквально толкуя часть 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда [6, с. 176–180].

В рассматриваемой нами ситуации граждане содержаться в местах лишения свободы не по приговору суда, а по постановлению судьи (подчеркнуто – *А.П., С.Н.*). Делая вывод из всего выше сказанного нами считаем, что необходимо внести редакционные изменения в часть 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации и изложить в следующей редакции: «3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по решению суда.».

Подводя итог в рамках проведённого исследования, мы приходим к выводу, что действующая редакция ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации не в полной мере распространяет запрет на право избирать и быть избранными гражданами, которые содержатся в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: «Проспект», 2019. – 336 с.

2. Приговор Белгородского районного суда Белгородской области № 1–112/2012 от 2 июля 2012 г. по делу № 1–112/2012 [Электронный ресурс]. URL: https:// sudact.ru/

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М.: «Проспект», 2019. – 96 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: «Проспект», 2019. – 384 с.

5. Конституция Российской Федерации. – М.: «Проспект», 2019. – 32 с.

6. *Бохан А.П.* Часть 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации. (проблемы толкования) // Аллея науки. – 2017. – Т. 3. – № 13. – С. 775–778.

Bibliographic list

1. The Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2019. 336 p.

2. Verdict of the Belgorod District Court of the Belgorod Region No. 1–112 / 2012 of July 2, 2012 in the case No. 1–112 / 2012 [Electronic resource] //URL: https://sudact.ru/

3. The Penal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2019. 96 p.

4. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2019. 384 p.

5. The Constitution of the Russian Federation. Moscow: Prospec", 2019. 32 p.

6. Bohan A.P. Part 3 of Article 32 of the Constitution of the Russian Federation. (interpretation problems) // Alley of science. 2017. T. 3. No. 13. P. 775–778.

А.Н. Станкин*

УДК 340.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019. 15.03.017

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВА И СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. *В статье рассматривается идея о самостоятельности конституционной ответственности. Автор подчеркивает, что она является субинститутом юридической ответственности, при этом, последняя является сложным многосоставным элементом системы права. В свою очередь, элементы, составляющие систему юридическую ответственности взаимозависимы и находятся в разного рода взаимосвязях. В этой связи в статье исследуются вопросы субординационных и генетических связей между субинститутами конституционной ответственности, а также связи данного института с иными институтами юридической ответственности.*

Исследуются макро- и микроуровни конституционной ответственности. На макроуровне её составляют негативная и позитивная ответственность, материальная и процессуальная конституционная ответственность. На микроуровне она представлена конституционной ответственностью Президента РФ, глав субъектов РФ, иных участников конституционных правоотношений.

Автор проводит критический анализ имеющихся точек зрения относительно тех или иных мер конституционной ответственности, при этом разграничивая меры конституционной ответственности, меры защиты и меры безопасности.

Ключевые слова: *юридическая ответственность, конституционная ответственность, меры защиты, субъекты конституционного права.*

CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF LAW AND LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation. *The article considers the idea of the independence of constitutional responsibility. The author emphasizes that she is a sub-institute of legal responsibility, while the latter is a complex, multi-component element of the legal system. In turn, the elements that make up the system of legal liability are interdependent and are in various kinds of relationships. In this regard, the article examines the issues of subordination and genetic relationships between subinstitutes of constitutional responsibility, as well as the relationship of this institution with other institutions of legal responsibility.*

The macro and micro levels of constitutional responsibility are investigated. At the macro level, it is composed of negative and positive responsibility, material

* ***Станкин Алексей Николаевич***, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского госуниверситета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ans77@list.ru

Stankin Alexey Nikolaevich, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Candidate of Law, Associate Professor.

** Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

and procedural constitutional responsibility. At the micro level, it is represented by the constitutional responsibility of the President of the Russian Federation, heads of constituent entities of the Russian Federation, other participants in constitutional legal relations.

The author conducts a critical analysis of the available points of view regarding certain measures of constitutional responsibility, while distinguishing between measures of constitutional responsibility, protective measures and security measures.

Key words: *legal liability, constitutional responsibility, protection measures, subjects of constitutional law.*

Большинство исследователей сходятся во мнении о существовании конституционной (конституционно-правовой) ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Вместе с тем, нет единства в понимании содержания конституционной ответственности, критериев ее обособления от иных видов ответственности, ее места в системе права. Полагаем, прояснить данные вопросы невозможно без общетеоретического исследования данной проблемы.

Итак, конституционная ответственность является видом юридической ответственности, которая представляет собой сложную систему. Она выступает сложным элементом системы права и межотраслевым институтом, в который входят субинституты юридической ответственности. При этом на уровне отрасли права субинститут юридической ответственности выступает уже самостоятельным институтом юридической ответственности, со своей сложной структурой и строением. В эту структуру входят отраслевые субинституты юридической ответственности. Поэтому система конституционной ответственности, являясь институтом конституционного права, сама состоит из определенных субинститутов, которые образуют ее структуру.

Под субинститутами необходимо понимать некую обособленную систему однородных норм, регулирующую и охраняющую более узкую группу общественных отношений, по сравнению с целым институтом отраслевого вида юридической ответственности. В вопросах о субинститутах конституционной ответственности в юридической литературе нет полной ясности. Так, пишут об ответственности Президента РФ, глав субъектов РФ, иных субъектов конституционных правоотношений. Указанное деление возможно на микроуровне [1, с. 15].

Конституционная ответственность представляет собой сложную систему, среди субинститутов которой имеются разного рода связи. Можно выделить генетические и субординационные связи [1, с. 14]. Первые обусловливают родство видов юридической ответственности, отделение одних видов ответственности от других. Применительно к конституционной ответственности, по нашему мнению, в будущем речь будет вестись о муниципально-правовой ответственности, конституционно-процессуальной ответственности как самостоятельных видах юридической ответственности. На сегодняшний день говорить о сформированности данных институтов преждевременно. В частности, на данный момент, муниципально-правовая ответственность представлена одной нормой – ст. 71 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2].

Кроме того, не утихают споры относительно природы самого муниципального права (самостоятельная ли отрасль [3] или подотрасль конституционного права [4]).

Однако, думается, что с развитием демократических начал споры о самостоятельности муниципального права, соответственно, о самостоятельности муниципально-правовой ответственности сойдут на нет. Пока же, преобразование законодательства в сфере местного самоуправления направлено отнюдь не в сторону укрепления независимости местного самоуправления от органов государственной власти. По словам, профессора Н.А. Бобровой «муниципальная реформа есть продолжение административной реформы, оказавшейся не чем иным, как построением вертикали власти сверху донизу и превращением глав МСУ в подчиненных главы региона» [5].

Что касается конституционно-процессуальной ответственности, то она существенно проигрывает относительно «старым» видам юридической процессуальной ответственности и количеством деликтов, и, соответственно, санкций и также отсутствием соответствующего кодифицированного акта. Все же во многом проблемы становления конституционно-процессуальной ответственности связаны с нерешенными проблемами конституционной материальной ответственности.

Так, одним из наиболее дискуссионных является вопрос о двойственности природы конституционной ответственности. Имеется ввиду дифференциация конституционной ответственности на негативную и позитивную. Анализ решений Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что он не исключает позитивную ответственность. В частности, в решениях Суда говорится об «ответственности главы государства за согласованное единство органов государственной власти» [6], «конституционной ответственности главы государства за деятельность Правительства» [7], «ответственности главы исполнительной власти субъекта деятельность исполнительной власти соответствующего субъекта» [8], «конституционной ответственности за выполнение актов публичной власти» [9] и т.д.

Связи субординации проявляются внутри самого института конституционной ответственности, которая может устанавливаться не только в Конституции РФ и федеральных законах, но и в основных законах (уставах, конституциях) субъектов РФ, а также в иных нормативно-правовых актах субъектов РФ [1, с. 21].

Например, согласно ч. 2 Правительство Самарской области является постоянно действующим коллегиальным органом, возглавляющим систему органов исполнительной власти Самарской области, установленную в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Уставом Самарской области и настоящим Законом [10].

Можно также говорить и о субординационных связях конституционной ответственности с иными отраслевыми институтами юридической ответственности. В частности, применение конституционной ответственности может быть условием (предпосылкой) реализации иных мер ответственности. Так, применение такой меры конституционной ответственности, как отрешение от должности Президента РФ является условием привлечения его к уголовной ответственности, лишение депутатского иммунитета является условием для привлечения депутата к уголовной ответственности. Может быть и обратная ситуация, когда применение иных отраслевых мер может быть условием конституционно-правовой ответственности.

Так, в качестве меры конституционно-правовой ответственности Конституционный Суд РФ рассматривает ограничение пассивного избирательного права гражданина вследствие наличия у него судимости за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного подпунктом «а» пункта 3.2 статьи 4 Феде-

рального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «По своей природе в системе действующего правового регулирования ограничение пассивного избирательного права, предусмотренное указанным законоположением, непосредственно не относится к мерам уголовной ответственности, поскольку носит не уголовно-правовой, а конституционно-правовой характер: оно введено федеральным законодателем в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей (и, следовательно, для возможности баллотироваться на соответствующих выборах), сопряженного с повышенными репутационными требованиями к носителям публичной (политической) власти, что обусловлено их прямым участием в принятии правовых актов (нормативных и индивидуальных) и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий» [11].

По нашему мнению, исследователи довольно часто ошибочно трактуют все меры государственного принуждения в качестве мер юридической ответственности. Между тем, в теории юридической ответственности различают санкции юридической ответственности и меры защиты. К числу признаков, характеризующих меры защиты в науке относят следующие: они являются юридическими средствами; основаны на государственном принуждении, обеспечиваются или гарантируются им; их реализация гарантируется государством; могут быть закреплены как в санкции, так и в диспозиции нормы права; осуществляют восстановительную и превентивную функции; могут быть реализованы как в процессуальной, так и внепроцессуальной форме; основанием их применения выступают разнообразные юридические факты, которые могут быть как правомерными, так и противоправными; реализуются в охранительных правоотношениях [12]. Главное различие между мерами юридической ответственности и мерами защиты заключается в отсутствии у последних карательной функции. Субъекту правоотношений дается возможность (шанс) привести свое поведение в соответствие с законом.

Полагаем, что сомнительно отнесение к мерам юридической ответственности возложение на орган законодательной (представительной) власти субъекта РФ, высшее должностное лицо субъекта РФ судом дополнительной обязанности устранить противоречие изданного ими нормативного акта Конституции РФ и федеральным законам (п. 2 ст. 9, п. 2 ст. 19 Закона РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» от 6 октября 1999 г. в редакции 2000 и 2001 гг.). Указанные органы и должностные лица не несут каких-либо лишений, отсутствует признак кары.

Полагаем, ошибочным отождествлять установленные законом обязанности и меры юридической ответственности. Например, такие, как обязанность суда общей (арбитражной) юрисдикции приостанавливать производство по делу и обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности, если в процессе рассмотрения конкретного дела он приходит к выводу о несоответствии закона (иного нормативного акта), подлежащего применению, Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указывал на необходимость «введения адекватных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления эффективной публично-правовой ответственности за действия, их нару-

шающие или создающие реальную угрозу их нарушения том числе путем введения адекватных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления эффективной публично-правовой ответственности за действия, их нарушающие или создающие реальную угрозу их нарушения [13]. Таким образом, Суд дифференцирует меры юридической ответственности и иные меры государственного принуждения, к коим мы относим меры защиты.

К мерам защиты следует отнести, например, требование уполномоченного органа власти к организатору публичного мероприятия об устранении нарушения правопорядка, а также приостановление публичного мероприятия на время, установленное для устранения нарушения (ч. 1, 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях») [14].

Полагаем, что полное или частичное приостановление полномочий органов исполнительной власти субъекта (субъектов) РФ и органов местного самоуправления указом Президента РФ о введении чрезвычайного положения на период действия чрезвычайного положения (ч. 1 п. «а» ст. 11 Закона РФ о чрезвычайном положении от 30 мая 2001 г.) нельзя относить к мерам юридической ответственности. Данные меры не носят карательной функции. Целями введения чрезвычайного положения, в соответствии с Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации [15]. Более того, по смыслу ч. 3 ст. 53 Конституции РФ, не рассматривается в качестве меры юридической ответственности ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Здесь, скорее, речь идет о мерах безопасности, нежели о мерах конституционной ответственности.

Отчасти, перечень мер конституционной ответственности определяется мнением исследователя относительно необходимости учета субъективного критерия – вины как обязательного признака конституционной ответственности. Однако некоторые исследователи, характеризуя конституционный деликт, выделяют некоторые его особенности. По их мнению, главное, что оттеняет субъективную сторону неконституционного деяния, – это необязательность вины [16].

Полагаем, что конструкция конституционного деликта «с усеченным составом» или модель «ответственность без вины» слишком упрощает проблему конституционно-правовой ответственности [1, с. 77–78].

Мы не относим роспуск Государственной Думы (п. 4 ст. 111, п. 3 и п. 4 ст. 117) к мерам конституционной ответственности, поскольку ни в одном из трех указанных случаев не усматривается, как минимум, субъективный критерий правонарушения. Отправление Правительства РФ в отставку является безусловным правом Президента РФ (ст. 83, ст. 117 Конституции РФ), соответственно, к мерам конституционной ответственности не относится. Если проанализировать соответствующие указы Президента РФ, то ни в одном из них не упоминается о мотивах отставки Правительства РФ.

По нашему мнению, к мерам конституционной ответственности следует отнести: отрешение Президента РФ от должности, отрешение главы субъекта РФ от должности, досрочное прекращение полномочий законодательного (представи-

тельного) органа государственной власти субъекта РФ, досрочное прекращение полномочий представительного органа местного самоуправления, отзыв депутата представительного органа местного самоуправления, лишение депутатской неприкосновенности, прекращение парламентского мандата вследствие нарушения депутатом запрета заниматься определенными видами деятельности, ликвидация политической партии.

Подводя итоги, сделаем некоторые обобщения и выводы. Конституционная ответственность, являясь структурным элементом, системы права, соответственно, системы юридической ответственности, сама, как институт, являет собой сложную систему с разнородными связями между ее составляющими – субинститутами. Во-первых, выделяются связи генетические, обусловливающие родство видов юридической ответственности, отделение одних видов ответственности от других. Применительно к конституционной ответственности можно выделить формирующиеся институты конституционно-процессуальной ответственности, муниципально-правовой ответственности. Кроме того, нельзя исключать появления со временем и иных видов юридической ответственности, имеющих общую «генетику» с конституционной ответственностью.

Субординационные связи могут проявляются внутри самого института конституционной ответственности, когда меры ответственности устанавливаются в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов, а также между конституционной ответственностью и иной видовой ответственностью, когда применение одного вида юридической ответственности является условием применения другого вида ответственности.

Конституционную ответственность на макроуровне дифференцируется на негативную и позитивную, материальную и процессуальную.

На микроуровне следует различать ответственность за нарушение норм конституционного права Президента РФ, глав субъектов РФ, иных субъектов конституционных правоотношений.

Рассмотрение вопросов конституционной ответственности без учета теории права, в том числе, общей теории юридической ответственности является контрпродуктивным. В частности, зачастую неоправданно любые меры государственного принуждения, в том числе превентивные меры (меры защиты, меры безопасности) относят к мерам конституционной ответственности.

Библиографический список

1. Институт юридической ответственности: монография / Д.А. Липинский, В.В. Романова, О.Е. Репетева [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Липинского. – М.: РИОР, 2017. – 230 с.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2019) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. *Шугрина Е.С.* Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 109–111.

4. *Князев С.Д.* Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2005. – № 6.

5. *Боброва Н.А*. Итоги муниципальной реформы – 2014 // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 1. С. 27–31.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 N 17-П «По спор о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 6.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино – ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

10. Закон Самарской области от 30.09.2011 № 80-ГД (ред. от 28.02.2019) «О Правительстве Самарской области» (принят Самарской Губернской Думой 27.09.2011) // Волжская коммуна. № 366 (27801). 2011. 1 октября.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт – Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита – Плюс» и «Невско – Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско – южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.

12. Бессолицин А.Г. К вопросу о понятии мер защиты // Право и политика, 2007. № 10. С. 105.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 14.02.2017.

14. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 07.06.2017) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

15. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

16. *Червонюк В.И., Артюхов Ю.С.* Современная концепция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 8 – 13.

Bibliographic list

1. Institute of legal responsibility: monograph / D.A. Lipinsky, V.V. Romanova, O.E. Repeteva [et al.]; under the editorship of Dr. jur. sciences, prof. YES. Lipinsky. Moscow.: RIOR, 2017. 230 p.

2. Federal Law dated 06.10.2003 No. 131-ФЗ (as amended on 02.08.2019) “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on 13.08.2019) // SZ RF. 2003. No. 40. Article 3822.

3. Shugrina E.S. Responsibility of bodies and officials of local self-government // Russian Law Journal. – 2001. – No. 1. – S. 109–111.

4. Knyazev S.D. Constitutional responsibility in municipal law: issues of theory and practice // Journal of Russian Law. – 2005. – No. 6.

5. Bobrova N.A. The results of the municipal reform – 2014 // Municipal service: legal issues. 2018. No. 1. P. 27 – 31.

6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.12.1999 N 17-P “On a dispute on competence between the Council of the Federation and the President of the Russian Federation regarding the authority to issue an act on the temporary suspension of the Prosecutor General of the Russian Federation from office in connection with the initiation of criminal proceedings against him "// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1999. No. 6.

7. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.1998 No. 28-P “In the case of the interpretation of the provisions of paragraph 4 of Article 111 of the Constitution of the Russian Federation” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1999. No. 2.

8. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.06.2000 No. 10-P “On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law“ On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation ”// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2000. No. 5.

9. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 31, 1995 No. 10-P “On the case of checking the constitutionality of the Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 2137“ On measures to restore constitutional law and order in the Chechen Republic ”, Decree of the President of the Russian Federation Federation of December 9, 1994 No. 2166 “On measures to suppress the activities of illegal armed groups in the Chechen Republic and in the zone of the Ossetian-Ingush conflict”, Decree of the Government of the Russian Federation of December 9 1994 № 1360 “On ensuring state security and territorial integrity of the Russian Federation, legality, rights and freedoms of citizens, disarmament of illegal armed groups in the Chechen Republic and the adjacent regions of the North Caucasus”, Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 1993 No. 1833 “On the Basic Provisions of the Military Doctrine of the Russian Federation” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1995. No. 5.

10. Law of the Samara Region dated September 30, 2011 No. 80-DG (as amended on February 28, 2019) “On the Government of the Samara Region” (adopted by the Samara Provincial Duma on September 27, 2011) // Volga Commune. No. 366 (27801). 2011. October 1.

11. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 27, 2001 No. 7-P “On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of the Customs Code of the Russian Federation in connection with the request of the Arbitration Court of the city of St. Petersburg and the Leningrad Region, complaints of open joint-stock companies AvtoVAZ and Combine Severonickel, Vernost, Vita-Plus and Nevsko-Baltic Transport Company limited liability companies, Ekont Joint Russian-South African Enterprise and Gra Zhdanina A.D. Chulkova ”// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2001. No. 5.

12. Bessolitsin A.G. To the question of the concept of protective measures // Law and Politics, 2007. No. 10. P. 105.

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 No. 2-P “In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen II Dadina ”// Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 02/14/2017.

14. Federal law of June 19, 2004 No. 54-FZ (as amended on June 7, 2017) “On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets” // SZ RF. 2004. No. 25. Article 2485.

15. Federal constitutional law dated 30.05.2001 No. 3-FKZ (as amended on 07/03/2016) "On the state of emergency" // SZ RF. 2001. No. 23. Art. 2277.

16. Chervonyuk V.I., Artyukhov Yu.S. The modern concept of constitutional responsibility // Constitutional and municipal law. 2010. No. 11. P. 8 – 13.

ВЕСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

СТАВРОПОЛЬСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (СТРОМАТГИП)

Идея об образовании Ставропольского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права появилась у Терещенко Елены Анатольевны и Дроздовой Александры Михайловны в сентябре 2018 г. после ознакомления с сайтом Ассоциации и общения с ее Президентом – Сергеем Александровичем Комаровым, а также, после участия преподавателей и студентов магистратуры в Денисовских чтениях 2018 года.

В дальнейшем идея получила свое воплощение и поддержку благодаря стараниям преподавателей кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института СКФУ (Ставрополь) по согласованию с директором Юридического института Смирновым Д.А.

В августе 2019 года все консультации и согласования завершились решением общего Учредительного собрания преподавателей нескольких кафедр о создании Ставропольского регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная Ассоциация теоретиков государства и права».

На сегодняшний день сформированы органы управления Отделения, которое объединяет более двадцати правоведов Ставрополя и находится на стадии своего становления. Работа по вовлечению членов в СтРО Ассоциации проводится среди преподавателей ВУЗов Ставропольского края.

Планируется создание молодежной секции Отделения, где уже работает 10 студентов магистрантов, обучающихся на 1–2 курсах магистратуры.

В состав Правления Отделения вошли: Дроздова А.М., Воротилина Т.В. и Жужгов И.В. Председателем Отделения избрана единогласно Дроздова Александра Михайловна.

Ближайшими планами СтРОМАТГиП является активное участие в работе конференции «Денисовские чтения 2019» 12 октября 2019, подготовка и проведение II Международной научно-практической конференции «Права человека и правовая культура в системе ценностей гражданского общества и направлений правовой политики государства» 25 октября 2019 г., также проведение на базе Юридического института СКФУ расширенного Научного семинара на тему: *Правосознание обучающихся в процессе образования как ресурс информационного общества.*

Планируется активное организационное воздействие на преподавателей ВУЗов Ставропольского края и сотрудников правоохранительных структур Ставропольского края с целью вовлечения их в деятельность СтРО и привлечение широкой юридической общественности к участию в научных исследованиях, гуманитарных и иных проектах, грантах и программах.

Планируется провести анализ грантовых проектов, определив для себя участие в грантовых программах. Обсуждается перспектива создания библиотеки СтРО на базе библиотеки Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ). Разраба-

тывается положение о Ежегодном конкурсе студенческих научных работ по актуальным проблемам государства и права.

Дроздова А.М., доктор
юридических наук, профессор,
председатель Ставропольского
регионального отделения
МОО «Межрегиональная ассоциация
теоретиков государства и права»

Терещенко Е.А.,
заведующая кафедрой,
кандидат юридических наук,
доцент

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: http://matgip.ru/trebuem

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в кважратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5–12 страниц.

К статье прилагаются:

а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;

б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

**ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- гражданско-правовая;
- государственно-правовая;
- международно-правовая;
- уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом***
о высшем образовании

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

редактор **М.В.Старцева**
верстка **И.И.Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: http://matgip.ru/magazine
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.12.2019. Формат 61х86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 27,15. Усл. п.л. 16,1. Тираж 500 экз. Заказ №

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru